ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Institute for the study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR * Institut d'études sur l'URSS

1(22)

1957

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

1 (22)

ЯНВАРЬ — МАРТ

МЮНХЕН
1957

С 1955 года Вестник Института выходит поквартально (4 раза в год). Вестник редактируется Издательской Коллегией Ученого Совета Института.

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Изд. Коллегия оставляет за собою право иметь собственное суждение по издаваемым статьям и материалам.

Herausgeber: Institut zur Erforschung der UdSSR, e. V., München 37, Schließfach 5.
Verantwortlicher Redakteur: Prof. B. Iwanow, München 2, Augustenstr., 46/1.
Druck: Buchdruckerei EINHEIT, Inh. I. Baschkirzew, München 8, Hofangerstr., 73.

Printed in Germany

Journal

of the

Institute for the Study of the USSR

Mitteilungen

des

Instituts zur Erforschung der UdSSR

Comptes-rendus

de

l'Institut d'études sur l'URSS

---

1 (22)

München
1957

Институт по изучению СССР был организован в Мюнхене 8 июля 1950 г. Институт является свободной корпорацией ученых, покинувших Советский Союз и работающих по научному исследованию СССР. Результаты этого исследования имеют целью рассеять неведение, существующее относительно СССР, и сообщить демократическому миру достоверные данные, относящиеся к Советскому Союзу.

Всякий научный работник или исследователь может стать сотрудником Института, независимо от его национальности или политических убеждений, при том условии, что он не является членом коммунистической партии или сочувствующим ей. Поэтому все эмигранты из СССР, имеющие научную квалификацию, имеют право участвовать в работе Института независимо от места их жительства. Институт, ныне находящийся в Мюнхене, есть преимущественно центр корреспонденции для научных работников, эмигрантов из СССР. Институт издает научные журналы (Вестник Института и др.), монографии, сборники статей, бюллетень по вопросам общественно-политической жизни в СССР и т. д. Институт также организует конференции ученых, эмигрантов из СССР, и оказывает скромную материальную помощь этим ученым в их исследовательской работе.

The Institute for the Study of the USSR, organized in Munich on July 8, 1950, represents a free corporation of scientists and men and women of letters who have left the Soviet Union and are now engaged in research on their homeland. The purpose of their work is to push back the frontiers of ignorance by presenting to the democratic world the truth about the Soviet Union.

Anyone engaged in scholarly investigation may take part in the activities of the Institute regardless of his national or political affiliations provided he is not a Communist Party member or sympathizer. All members of the Soviet emigration who have scholarly qualifications are, therefore, eligible to participate in the work of the Institute, irrespective of their places of residence. The central office of the Institute, now located in Munich, is primarily a clearinghouse for the emigré scholarship of the USSR. In addition to publishing journals and papers, the Institute sponsors conferences on the USSR and gives modest grants-in-aid for research studies by emigré scholars.

С Т А Т Ь И

Проф. П. Л. Кованьковский

Экономические категории в советском представлении

1

Всю совокупность явлений окружающего нас мира и вытекающих отсюда понятий о нем человеческий ум делит на части, объединяющие ряд явлений по какому-либо одному признаку. В настоящем очерке мы не рассматриваем экономические категории с философской или логической точки зрения, а ограничиваемся только вопросом о сущности категорий экономических и юридических в советском представлении. В советской специальной литературе существуют два течения: одни экономисты полагают, что такие понятия, как, например, цена, себестоимость, прибыль, заработная плата и т. д., являются экономическими категориями, а другие экономисты считают их юридическими категориями. В нашем представлении, если исходить из понятий, установившихся в мире свободного обращения благ, обе эти категории имеют место: если данное явление рассматривается с точки зрения экономического анализа, то мы говорим о нем как об экономической категории; если мы обращаем внимание на юридическую конструкцию, то мы говорим о юридической категории. Там, где действует проявление экономических сил, т. е. идет вопрос о спросе и предложении материальных ценностей или услуг, мы производим экономический анализ и выводим определенный экономический закон, например, что цена в свободном товарообороте определяется соотношением на рынке спроса и предложения. Но, если эту цену назначает законодательство в определенных твердых ставках (такса), то мы считаем это явление категорией юридической.

Вся хозяйственная действительность в СССР основана не на свободном проявлении экономических сил, а на плане, который, однако, является не прогнозом будущего (как в свободном мире), а директивой правительства, отступить от которой не разрешается. Поэтому категории, которые мы называем экономическими, в действительности в СССР имеют характер категорий не экономических, а юридических.

Большевики стремятся втиснуть экономическую жизнь в искусственно создаваемый план, что можно сделать только путем декретов.

Немецкий ученый Вильгельм Рёпке по этому поводу говорит:

> «Die kollektivistische Planwirtschaft ersetzt also den spontanen Reaktionsmechanismus des Marktes durch behördliches Kommando und würde daher im Interesse der Klarheit besser als Bureauwirtschaft oder Kommandowirtschaft bezeichnet» [1].

Однако большевикам не удалось полностью овладеть рынком сельского хозяйства. Государственная и кооперативная торговля не могут удовлетворить спрос населения на продукты сельского хозяйства, и советское правительство вынуждено было допустить, как необходимое для власти, существование колхозной торговли. Ценообразование на этом рынке не подчинено каким-либо прямым вмешательствам государства, но косвенно зависит от цен государственной и кооперативной торговли, находящихся в полной зависимости от власти. Поэтому содержанием нашей статьи является также не анализ колхозного рынка, а изучение категорий в пределах государственной промышленности и торговли СССР.

Эта наша общая установка подлежит дальнейшему развитию.

В последнее время в советской финансово-экономической печати стал дебатироваться вопрос об экономических категориях и появился ряд статей [2].

Остановимся прежде всего на советской схеме образования себестоимости. По своему существу себестоимость слагается из следующих частей: 1) основных средств, 2) труда и 3) материалов.

В основные средства входят главным образом машины и орудия производства, которые не выходят на рынок и не имеют рыночной цены. Д. Черномордик указывает, что советские плановые органы и государственная статистика никогда не включали в товарооборот средств производства, поскольку эти средства производства не выходили за пределы государственного сектора. Как же к ним применимы такие термины, как цена, себестоимость, рентабельность и т. д.? Между тем все эти термины получили в СССР полное право гражданства.

Д. Черномордик говорит:

> «Это, возможно, делалось без достаточного теоретического осмысливания, но вполне соответствовало производственным отношениям социализма» [3].

И, действительно, в плановом хозяйстве СССР оптовые цены выступают исключительно как орудие экономической политики.

> «Планомерное отклонение цены от стоимости и использование категории цены в качестве орудия экономической политики осуществляется в СССР путем дифференциации цен на изделия промышлен-

---

[1] Wilhelm Röpke, Die Lehre von der Wirtschaft, Genf, 1948, S. 289.

[2] В. Переслегин, Некоторые вопросы теории и практики хозрасчета, «Финансы СССР», № 3, 1956, стр. 19 сл.; Д. Черномордик, О хозяйственном расчете как экономической категории, «Вопросы экономики», № 8, 1956, стр. 59 сл.; С. Дзарасов, О себестоимости колхозной продукции, там же, стр. 105 сл.; С. Барнгольц, Совершенствовать принципы оценки выполнения плана предприятиями, «Деньги и кредит», № 6, 1956, стр. 32 сл.; Л. Кантор, Некоторые вопросы планирования оптовых цен, «Финансы СССР», № 5, 1956, стр. 31 сл.; А. М. Александров, Финансы СССР, Госфиниздат, 1955; М. Ингерман, О ценообразовании и банковском контроле в мясной и молочной промышленности, «Деньги и кредит», № 10, 1956, стр. 25 сл.

[3] Д. Черномордик, указ. ст., «Вопросы экономики», № 8, 1956, стр. 76.

ности... Дифференциация цен в принципе необходима. Это вытекает из роли и назначения цены в условиях социалистического хозяйства как орудия экономической политики» [4].

Так, до 1949 года цены на машины были высокие, и это давало большие прибыли Министерству машиностроения, но с 1 января 1952 г. цены на машины были снижены с тем, чтобы уменьшить высокие прибыли. Поэтому стоимость основных средств не имеет под собой экономического базиса и не может быть признана экономической категорией.

Советская экономическая политика требует иногда понижения цен без отношения к себестоимости. Например, цены соли для рыбной и химической промышленности устанавливаются с определенным понижением. То же самое делается по отношению к электроэнергии для алюминиевой промышленности [5].

Иногда, наоборот, цена повышается в интересах хозрасчета без отношения к себестоимости. Хотя существует узаконенная средняя цена, но применение ее в некоторых случаях противоречит хозрасчету и она «оказывается неприемлемой» [6].

При таком произвольном отношении к определению цены в СССР неудивительно, что цена иногда настолько отрывается от трудовых затрат (требование социализма), что, по словам Л. Кантора, «следует говорить не об отклонении, а о полном отрыве цены от стоимости» [7].

Произвольное установление цен и их изменения ставят часто предприятия в тяжелое финансовое положение, что вызывает у хозяйственников справедливые нарекания:

> «Вот почему так важно, чтобы калькуляция себестоимости всегда основывалась на относительно устойчивых и экономически обоснованных ценах, чтобы изменение цен производилось лишь вследствие изменения экономических условий производства и реализации продукции» [8].

Это положение отличается от марксизма-ленинизма, по которому цена есть денежное выражение стоимости товара, денежное название овеществленного в товаре труда по его изготовлению [9]. Цена, поэтому, является исключительно категорией юридической. Л. Кантор указывает, что

> «...только при тесной увязке оптовых цен предприятий на изделия промышленности с материальными и трудовыми затратами на их производство планирование цен будет иметь твердую научную основу» [10].

Но этого нет, и оптовые цены в СССР не имеют научной основы.

При социализме в обществе

> «...существует категория общественно необходимого труда, являющаяся выражением общественных издержек производства» [11].

---

4) Л. Кантор, указ. ст., «Финансы СССР», № 5, 1956, стр. 36.
5) Там же, стр. 37.
6) Там же, стр. 38.
7) Там же, стр. 36.
8) М. Саков, Пути снижения себестоимости продукции, «Деньги и кредит», № 7, 1956, стр. 35.
9) Л. Кантор, указ. ст., стр. 32.
10) Там же, стр. 36.
11) Д. Черномордик, указ. ст., «Вопросы экономики», № 8, 1956, стр. 76.

Эти издержки производства, указывает Д. Черноордик, должны быть выражены непосредственно в рабочем времени, чего мы не видим в СССР, где они выражаются в денежной форме, в зависимости от того, сколько следует дать чистой прибыли предприятию, но не на основании трудовых затрат.

Поэтому в общем смысле верно положение Д. Черноордика, что общественные издержки произведены,

«...поскольку они не выражаются непосредственно в рабочем времени, и есть не что иное, как содержание стоимости» [12].

Следовательно, стоимость, как экономическая категория социализма, основана на трудовой стоимости, а не на денежной стоимости. Таким образом, в СССР или нет социализма, или нет экономической категории стоимости, и Д. Черноордик правильно говорит, что терминология, применяемая ко всему государственному сектору, употребляется без «достаточного теоретического осмысливания» [13].

Второй элемент себестоимости — труд. Заработная плата не определяется спросом и предложением труда и может быть в любую минуту изменена путем декрета. В СССР профессиональные союзы не защищают интересов трудящихся и не влияют на политику заработной платы, которая определяется без отношения к стоимости жизни и покупательной способности рубля и не может быть названа экономической категорией, являясь результатом декрета.

Третий элемент, себестоимость материалов, определяется таким же образом, как и первый элемент, т. е. также слагается из основных средств, труда и материалов, стоимость которых определяется директивами партии.

Таким образом, в советской трактовке себестоимости нет ни одного слагаемого, которое можно было бы назвать экономической категорией.

2

Является ли цена в советских условиях экономической категорией? Цена устанавливается в СССР в зависимости от того, предназначается ли товар для потребления населения или для промышленности.

На товары сельского хозяйства существуют следующие цены:

1) Государственные заготовительные цены. По этим ценам государство оплачивает продукты, поступающие от колхозов, колхозников и единоличников в порядке обязательных поставок и контрактации. Эти цены носят в себе элементы налога, так как они совершенно не соответствуют себестоимости, будучи по существу очень низкими.

2) Государственные закупочные цены, применяемые при заготовке государством сельскохозяйственных продуктов у колхозов и колхозников сверх обязательных поставок. Так как в данном случае государство покупает у крестьян их продукцию по их согласию, эти цены всегда выше цен по обязательным поставкам.

3) Государственные сдаточные цены, установленные в 1954 г., по которым совхозы сдают продукцию государству.

---

12) Д. Черноордик, указ. ст., «Вопросы экономики», № 8, 1956, стр. 76.
13) Там же.

4) Оптовые цены, по которым заготовительные организации отпускают продукцию потребителям [14]).

5) Цены колхозного рынка. Об этих ценах мы не говорим, потому что на колхозном рынке действует закон спроса и предложения и декретирование цен здесь не имеет места. Колхозный рынок является наростом на теле советского хозяйства и допущен властью ввиду крайних недостатков государственной и кооперативной торговли.

Продажные цены, по которым государство отпускало продукты из своих магазинов, были во много раз выше тех цен, по которым государство покупало те же товары у крестьян. Так, например, рожь в зерне (все цены относятся к 1940 г.) государство получало за 3,5 копеек за килограмм, а черный хлеб продавался по 1 рублю за 1 кг.

Главную роль в повышении цен играл налог с оборота, а затем некоторые отчисления в пользу заготовительных организаций: на 1940 г. налог с оборота составлял 60% цены хлеба (60 коп. налог с оборота и 40 коп. на все остальные расходы). За масло коровье государство платило за 1 кг 4 руб., а продавало 1 кг в 1940 г. за 28 руб., в 1947 г. — за 36 руб., в 1949 г. — за 57 руб. и в 1950 г. — за 40 руб. 32 коп. За молоко государство платило 15 коп. за 1 литр, а продавало в 1940 г. 1 литр по 2 руб. 10 коп., в 1947 г. — по 3 руб. 50 коп., в 1949 г. — по 3 руб. 50 коп. и в 1950 г. — по 3 руб. 15 коп.

Закупочные цены были на 20—30% выше заготовительных.

Повышение цен в продаже в советских магазинах было выше цен покупки в 2, 3, 4 раза, даже в 10 раз, 20 раз и больше [14а]).

Печальные результаты коллективизации, падение урожайности и животноводства принудили правительство СССР осуществить ряд мероприятий по повышению заинтересованности колхозов и колхозников в улучшении сельского хозяйства, в развитии животноводства, урожайности картофеля и овощей, в подъеме всего колхозного производства.

В 1953 г. были повышены заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственные продукты, а в 1955 году для колхозов были снижены нормы обязательных поставок хлеба.

Эти мероприятия вызвали дополнительные расходы бюджета в 1955 году в сумме 22,5 млрд. рублей. Правительство дало эту взятку крестьянству в политических, а не экономических соображениях.

Вообще, говоря о ценах на продукты сельского хозяйства, надо заметить, что очень долго вопрос о себестоимости в сельском хозяйстве даже не ставился и только в последнее время этот вопрос дебатируется среди специалистов по сельскому хозяйству, но никакого положительного результата эта дискуссия пока не дала. Поэтому цены всех продуктов сельского хозяйства, а, следовательно, и цены продукции переработки их, регулируются только распоряжением власти, т. е. таксами. Другого выхода нет.

С. Дзарасов пишет:

> «Долгое время у нас отрицали наличие себестоимости колхозной продукции и возможность ее определения . . . поскольку деятельность

---

14) А. М. Александров, указ. соч., стр. 169.

14а) В. С. Мерцалов, Трагедия российского крестьянства, Изд-во «Посев», Западная Германия, стр. 64—65; Naum Jasny, The Soviet Price System, Stanford, University Press, 1951, pp. 164—169. До большевиков цены в копейках за кг. были: хлеб ржаной — 7 коп., молоко — 11 коп., масло — 1 руб. 15 коп. и т. д.

колхозов определяется планом. Было широко распространено мнение, особенно среди практических работников, будто определение себестоимости колхозной продукции невозможно, так как в сельском хозяйстве все еще значительно влияние природных и других, не зависящих от человека условий. По этим же мотивам отрицалась возможность внедрения хозрасчета в сельскохозяйственные предприятия» [15].

Эти природные условия существуют не только в СССР, но и во всем мире. Однако в странах свободного товарооборота нет ни одного хозяина, который не мог бы установить точно, какова в его хозяйстве себестоимость его продуктов.

Какой ценой на продукты сельского хозяйства должны были руководиться предприятия, перерабатывающие эти продукты? Каждое предприятие действовало самостоятельно, и, по словам М. Ингермана,

«...себестоимость мясных и молочных продуктов не отражала действительных затрат на их производство» [16].

Несоответствие между действительной стоимостью сырья и цен, по которым калькулировалась себестоимость предприятий, перерабатывающих сырье, вызывало для многих предприятий убыточность производства, и тогда этот убыток покрывался за счет государства.

Это было невыгодно для государственного бюджета, и с 1 января 1954 г. был введен новый порядок: цены были установлены, как средневзвешенные по всем источникам поступления, на скот, птицу, кроликов, мясо и молоко для калькулирования себестоимости продукции, вырабатываемой предприятиями мясной и молочной промышленности [17].

Эти средневзвешенные цены, как всякие средние величины, в отдельных случаях были или выше или ниже реально существующих ценностных отношений,

«...в результате чего некоторые виды продукции мясной промышленности у ряда предприятий оказались убыточными» [18].

Тогда разрешено было ввести с 1956 г. надбавку к оптовым ценам на убыточные виды мясных продуктов, причем средняя рентабельность на эти продукты должна составить не более 5%.

По мнению М. Ингермана, следовало бы эту временную меру превратить в постоянную:

«...ввести новые оптовые цены на продукцию мясной и молочной промышленности, которые обеспечивали бы нормальный уровень рентабельности в этих отраслях» [19].

Жизнь уже показала недостатки этой сложной и запутанной системы установления такс, оторванных от действительной стоимости товаров. В результате неправильного применения закупочных цен на молоко, Черкасский маслозавод

«...излишне получил с особого счета с октября по декабрь 1955 г. — 76 тыс. руб. По этой же причине Курганский мясокомбинат недопо-

---

[15] С. Дзарасов, указ. ст., «Вопросы экономики», № 8, 1956, стр. 106.
[16] М. Ингерман, указ. ст., «Деньги и кредит», № 10, 1956, стр. 26.
[17] Там же.
[18] Там же, стр. 28.
[19] Там же.

> лучил 123 тыс. руб., Шадринский мясокомбинат недополучил 13,1 тыс. руб., Азовский мясокомбинат (Ростовская область) в результате неправильного применения единых расчетных цен на скот не получил с особого счета 21,9 тыс. руб., Петропавловский мясокомбинат (Казахская ССР) в одном из расчетов, представленных банку, применил единые расчетные цены, установленные на мясо, вместо цен на живой скот» [20].

Таково положение дел в СССР по отношению к продукции сельского хозяйства.

Цены для товаров промышленности также устанавливаются путем их таксирования.

Кроме термина «директивные» цены, в советской терминологии существуют цены «договорные», которые, однако, не могут выйти за пределы цен директивных.

Цена в условиях свободного товарооборота стремится к своему минимуму под влиянием конкуренции и наибольшего сбыта товаров. В СССР эти условия не имеют значения: государственная монополия исключает конкуренцию, а государственные заводы не только не заинтересованы в понижении цен, а в силу целого ряда причин стараются изготовлять свои товары с наибольшим количеством траты материала, притом дорогого, с большим выходом брака и топлива. Получается картина, при которой в обрабатывающей промышленности заводы стремятся использовать как можно больше сырья и материалов по более дорогой цене.

С. Барнгольц по этому поводу говорит:

> «Чем больший расход сырья и материалов предусматривается планом и чем выше стоимость этих материалов, тем выше цена данного изделия и тем легче выполнить программу» [21].

Программа дается в натуральных измерителях. Поэтому, чтобы выполнить план, надо показать как можно больше этих измерителей. Это приводит к тому, что, например, металлургические заводы изготовляют прокат с большими плюсовыми допусками и преимущественно крупных профилей, что в свою очередь приводит к утяжелению машин, увеличению отходов и перерасходу материала.

План утверждается предприятиям не только в натуральных единицах, но и по сумме валовой и товарной продукции в оптовых ценах, обязательных для предприятия. Для выполнения программы и по натуральным показателям, и по ценностным надо брать цены не по средней оптовой цене планируемого ассортимента, а по более высокой. Тогда можно считать, что по всем показателям план будет выполнен [22]. В результате в промышленности образуются излишки инструментов больших размеров и дефицит инструментов малых размеров [23].

Если возьмем практику изготовления предметов народного потребления, то окажется то же самое. Так, например, швейные фабрики, по свидетельству С. Барнгольца, отказываются от пошива платья и костюмов из более дешевого материала, например, из искусственного шелка или

---

[20] М. Ингерман, указ. ст., «Деньги и кредит», № 10, 1956, стр. 29.
[21] С. Барнгольц, указ. ст., «Деньги и кредит», № 6, 1956, стр. 33.
[22] Там же, стр. 35.
[23] Там же, стр. 33.

хлопчатки, а предпочитают натуральные шелк и шерсть. На рынке обнаруживается постоянный недостаток дешевых, но вполне доброкачественных товаров, на которых у населения большой спрос, и обилие дорогих товаров, доступных только элите. Об этом свидетельствуют также все рассказы иностранцев, посетивших СССР.

На такую несуразную практику толкает и еще один факт. Госбанк выдает кредиты для выплаты заработной платы с учетом степени выполнения плана по валовой продукции в оптовых ценах. Чем выше будет эта сумма затрат, тем более предприятие получит из фонда заработной платы. Предприятия

> «...вынуждены иногда даже выпускать продукцию, не пользующуюся спросом, чтобы соблюсти предусмотренное в плане соотношение между общей стоимостью валовой продукции, фондом заработной платы и запланированной численностью рабочих»[24].

Поэтому нельзя согласиться с В. Переслегиным, что цена в советских условиях — «объективная категория». С точки зрения государственных предприятий цена очень субъективна, так как она устанавливается не в интересах населения, а в интересах государственной промышленности, как более для нее «выгодная» (термин С. Барнгольца).

Д. Черномордик указывает на то, что теперь в Советском Союзе вся промышленность построена на социалистических началах: товарооборот в подавляющей части является организованным оборотом; ценообразование носит плановый характер; движение большей части промышленной продукции (средства производства) вообще не зависит от рынка[25].

При таком положении цена является не экономической категорией, а юридической, основанной на декретах.

Хороший пример директивной цены дал Сталин[26]. Когда обсуждался вопрос о назначении цен на хлопок, то экономисты, исходя из стоимости производства, назначили цену на хлопок ниже цены на хлеб. Это возмутило Сталина, который сослался на западный рынок и назначил цену на хлопок выше, чем цену на хлеб, мотивируя это мероприятие тем, что в противном случае никто не будет сеять хлопок. Цена превратилась из экономической категории в юридическую (декретную).

3

Обратимся теперь к вопросу о хозрасчете. Авторы, считающие его экономической категорией, выставляют различные соображения.

В. Переслегин считает, что хозрасчет есть метод хозяйствования и составляет систему правил ведения хозяйства предприятий. Но «система приемов» относится к области управления, политики. В. Переслегин понимает это и добавляет, что эти приемы

> «...не могут не иметь определенного общественного содержания, не могут не входить в состав того, что характеризует связи и отноше-

---

24) С. Барнгольц, указ. ст., «Деньги и кредит», № 6, 1956, стр. 34.
25) Д. Черномордик, указ. ст., «Вопросы экономики», № 8, 1956, стр. 77.
26) И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Москва, 1952, стр. 10.

ния в трудовой деятельности работников различных предприятий. В силу этого хозрасчет следует рассматривать как экономическую категорию» [27].

Однако «общественное содержание «приемов» управления» не делает эти приемы экономической категорией.

Другой защитник экономических категорий в СССР, Д. Черномордик, говорит прямо, что «хозрасчет есть метод управления» [28].

Термин «метод» сам по себе не означает, что он — экономическая категория. В. Переслегин приводит следующее замечание:

> «Некоторые экономисты неправильно сводят суть этого метода только к ряду юридически-правовых актов, таких, как наделение предприятий собственными оборотными средствами, перевод их на самостоятельный баланс, утверждение устава, открытие расчетного счета, предоставление юридической самостоятельности. При дальнейшем развитии этих положений иногда делается вывод, что хозрасчет, строго говоря, — это юридическая, а не экономическая категория» [29].

Этот вывод мы признаем правильным.

Далее В. Переслегин говорит [30], что всякое государственное предприятие, переведенное на хозрасчет, как бы обособляется в народном хозяйстве, принимает вид «самостоятельного товаропроизводства».

К сожалению, это не так, и В. Переслегин прибегает к очень осторожной формулировке «как бы обособляется», «принимает вид самостоятельного товаропроизводителя». Все советские предприятия или состоят на средствах госбюджета, или переведены на хозрасчет. Это два метода управления, а не разные экономические категории. Хозяйственной самостоятельности очень мало у советских предприятий. Советское предприятие покупает сырье там, где ему указано, и по цене, ему назначенной. Оно продает свои продукты без права выбора покупателя и по цене, предписанной властью.

В. Переслегин говорит:

> «...государственные предприятия, переведенные на хозрасчет, не перестают быть собственностью государства: они получают лишь известную оперативно-хозяйственную самостоятельность» [31].

Эта цитата скорее говорит против В. Переслегина, чем за него. В другом месте В. Переслегин утверждает:

> «...хозрасчетное предприятие несет ... ответственность ... за невыполнение плана по количеству, качеству и срокам изготовления продукции, за нерациональное использование материальных ресурсов и денежных средств» [32].

Другой защитник толкования хозрасчета как экономической категории, Д. Черномордик, помимо повторения доводов В. Переслегина, главный упор

---

27) В. Переслегин, указ. ст., «Финансы СССР», № 3, 1956, стр. 20.
28) Д. Черномордик, указ. ст., «Вопросы экономики», № 8, 1956, стр. 80.
29) В. Переслегин, указ. ст., «Финансы СССР», № 3, 1956, стр. 20.
30) Там же, стр. 23.
31) Там же, стр. 23—24.
32) Там же, стр. 24.

делает на соотношения между хозрасчетом и законом стоимости (конечно, в советских условиях). Он говорит, что некоторые экономисты отрицают связь между этими понятиями, они полагают, что закон стоимости нужен только для определения рентабельности, для калькуляции. Но Д. Черномордик указывает:

> «...в действительности... дело обстоит иначе. Калькуляция необходима только потому, что существует категория стоимости и действует закон стоимости» [33].

Советский закон стоимости является законом товарного производства капиталистических стран, испорченным до неузнаваемости экономической политикой советской власти. Этот закон стоимости действует в СССР постольку, поскольку существуют товарные отношения, взятые в узкие рамки государственной монополии.

В условиях государственной монополии нет свободного рынка и свободной цены: все диктуется соображениями политики, а не экономики, следуя указаниям Ленина, что экономика в СССР подчинена политике.

Таким образом, и относительно товаров потребительского характера, и относительно средств производства существуют в СССР только юридические категории.

Д. Черномордик делает правильное заключение, когда говорит, что в любой общественно-экономической формации воспроизводство материальных условий жизни представляет собой е д и н ы й п р о ц е с с (разрядка Д. Черномордика).

И далее:

> «Из единства процесса социалистического воспроизводства вытекает и единство для всей экономики таких категорий, как цена, себестоимость, накопление, хозрасчет» [34].

Из этого единства вытекает только одно заключение: все названные категории в советской действительности являются категориями юридическими.

О заработной плате Д. Черномордик говорит, что формы и система заработной платы — это элементы хозяйственной политики в области организации труда.

Это верно, но затем он прибавляет:

> «...но вместе с тем заработная плата — это категория политической экономии» [35].

С этим нельзя согласиться, принимая во внимание советскую действительность, где политика, по словам Ленина, превалирует над экономикой.

В условиях свободного мира заработная плата есть категория политической экономии. Но в условиях советской диктатуры она не категория экономики, а «элемент хозяйственной политики» диктаторов.

Теперь несколько слов о калькуляции.

Термин «калькуляция», как и все обычные термины свободного товарооборота, в советском толковании приобретают совершенно другое значение. В мире свободного обмена калькуляция, как экономическая катего-

---

[33] Д. Ч е р н о м о р д и к, указ. ст., «Вопросы экономики», № 8, 1956, стр. 75.
[34] Там же.
[35] Там же, стр. 80.

рия, имеет назначение — выяснить цену какого-либо товара в денежной форме, принимая во внимание все экономические условия данного момента. В тех же случаях, когда требуется сделать расчет в объемной форме, слово калькуляция не употребляется.

Например, надо вычислить, сколько кирпича пойдет на постройку сарая. Для этого надо общую кубическую площадь стен разделить на кубическое содержание одного кирпича, принимая во внимание определенный процент отхода кирпича. Это арифметическое действие называется не калькуляцией, а подсчетом. Не всякий подсчет есть калькуляция.

В советской хозяйственной системе все расчеты (и в пятилетках также) делаются в объемной форме. Затем по таксам, утвержденным властью, делается арифметический перевод на деньги, и советская калькуляция не получает экономического характера. Калькулятор стремится путем арифметических действий подогнать цифры так, чтобы получить решение, не противоречащее заданию. Если этого сделать нельзя, то изменяется произвольно какое-либо слагаемое, например, стоимость топлива; делается специальное постановление о понижении цены на уголь, соль, электроэнергию, идущие в данное производство.

Применение советской калькуляции при хозрасчетах не делает хозрасчет экономической категорией.

4

Теперь уместно остановиться на вопросе о том, каким путем была «введена» в России та система, которую большевики называют «коммунизмом».

Идея введения в России социализма-коммунизма принадлежала лично Ленину и не разделялась ни партией большевиков, ни в частности Сталиным.

План Ленина о введении в России социализма был основан на его схеме 5 основных общественно-экономических укладов в России: 1) натуральное крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство; 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм.

Эта схема отличается от марксистской (феодализм, капитализм, социализм) тем, что Ленин ввел между капитализмом и социализмом переходную ступень «государственный капитализм», так как в России в то время не было такого развитого частного капитализма, который, по учению К. Маркса, создал бы предпосылки для наступления социализма как неизбежной исторической фазы. Таким образом, Ленин думал чисто искусственно под «строительство» социализма подвести фундамент. Он не думал о внутреннем перерождении народного хозяйства и свои пять укладов расположил не по внутреннему их содержанию, а «по оболочке» [36].

Он считал, что и к государственному крупному капитализму, и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную стадию, называемую «общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов».

Ленин говорил:

«...России нельзя идти вперед, не проходя через то, что обще и го-

---

36) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. 22, Москва—Ленинград, 1929, стр. 514.

сударственному капитализму, и социализму (всенародный учет и контроль)» [37].

В период государственного капитализма пролетарское, по учению Ленина, правительство должно провести ряд демократических реформ, как «мостик», ведущий от капитализма к социализму. Тогда во внешнюю оболочку вольется социалистическое «содержание» [38], установится

> «...полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалования к обычной «заработной плате рабочего»... Пролетарская демократия приведет к тому, что исполнение обязанностей по управлению будет поголовное и весь народ привыкнет управлять государством» [39].

Это была программа на большой исторический период, и как скоро произойдет этот процесс — «...этого мы не знаем и знать не можем» [40].

Своей ближайшей задачей Ленин считал построение в скорейший срок в СССР основ государственного капитализма.

Ленин умер, и эту задачу взял на себя Сталин. О демократических реформах, о которых говорил Ленин, Сталин и не думал, а всю свою жизнь посвятил укреплению своего личного диктаторства. Он с особым рвением занялся расширением и укреплением «оболочки». Индустриализация и коллективизация были той оболочкой, которая должна была создать социалистические формы. В основание своих рассуждений Сталин взял марксистское положение, по которому производственные отношения должны обязательно соответствовать характеру производительных сил. Когда производительные силы при капитализме достигли своего максимума и существование капитализма далее делается тормозом для дальнейшего роста производительных сил, тогда должны измениться и производственные отношения, т. е. капитализм должен уступить место социализму.

Эта тенденция уже отвергнута жизнью, как несостоятельная. Капитализм не проявляет никакой тенденции к «загниванию», а крепнет и усовершенствуется путем проведения ряда социальных реформ. Рабочие массы приобретают все большую и большую политическую силу, а капитализм приобретает характер «народного капитализма»: растут средние по зажиточности слои населения, разница между богатством и бедностью постепенно уменьшается (эта тенденция с особенной силой проявляется в США).

Тем не менее марксовскую концепцию Сталин перевернул вверх ногами. Он пишет:

> «Опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, советская власть обобществила средства производства, сделала их собственностью всего народа и тем уничтожила систему эксплуатации, создала социалистические формы хозяйства» [41].

Таким образом, в СССР создана социалистическая «форма» хозяйства, но не социалистическое содержание, т. е. существует «оболочка», о кото-

---

[37] В. И. Ленин, там же, стр. 517—518.
[38] Он же, Государство и революция, Ленинград, 1952, стр. 41.
[39] Там же, стр. 40.
[40] Там же, стр. 89.
[41] И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Москва, 1952, стр. 7.

рой говорил Ленин, и которая сохранится до тех пор, пока пролетарская демократия подготовит «мостик» для наполнения этой формы социалистическим содержанием. Эта «социалистическая форма», созданная Сталиным в СССР, очень похожа на обычные капиталистические формы. Сталин оспаривает это:

> «Если же подойти к делу с марксистским анализом, делающим строгое различие между содержанием экономического процесса и его формой, между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями, — то можно придти к единственно правильному выводу о том, что от старых категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, по существу же они изменились у нас коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства» [42].

Конечно, надо отличать внешность, форму, оболочку от «глубинных процессов», от содержания, которое покрывает эта форма. Но какая же у советского хозяйства форма? По первой приведенной выше формулировке, эта форма социалистическая, по второй формулировке — капиталистическая. Что касается «содержания», то Сталин очень туманно говорит, что «. . . .все изменилось у нас коренным образом» [43].

Большего сказать он не мог, так как понимал, что внутри оболочки нет ничего социалистического. Никаких «глубинных процессов» развития в СССР не произошло: в сельском хозяйстве СССР не искоренено стремление крестьянства к частной собственности, и коллективизация была введена насильственно. Социализм существует только на бумаге, «построение» социализма стало проводиться путем декретов и постановлений коммунистической партии.

Сталин далее высказывает мысль, что законы экономического развития любой страны не зависят от воли людей и могут изменяться только на базе новых экономических условий.

> «Законы экономического развития, — говорит он, — являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо (Разрядка наша. — П. К.) от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу, но они не могут уничтожить их или создать новые экономические законы . . . Эти законы не уничтожаются, а теряют силу в силу новых экономических условий и сходят со сцены, чтобы уступить место новым законам, которые не создаются волей людей, а возникают на базе новых экономических условий» [44].

Если стать на эту точку зрения Сталина, то станет ясно, что, пока в какой-либо стране не созрели условия, исторически необходимые для перехода от одной формы хозяйства к другой, новый порядок не может быть создан волею людей. Это положение точно установлено Энгельсом в его книге против Дюринга. Ссылаясь на К. Маркса, Энгельс говорит, что

---

[42] И. В. Сталин, указ. соч., стр. 53—54.
[43] Там же.
[44] Там же, стр. 5—6.

революция «является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» [45]. Чем же была «беременна» Россия?

Россия в 1917 году не была «беременна» социализмом. Россия быстро продвигалась по пути капиталистического развития [46], и в этом смысле была «беременна» капитализмом. Этот факт подтверждает И. Сталин в другом своем труде — «Вопросы ленинизма».

Он пишет:

> «Небывалая концентрация русской промышленности накануне революции. Известно, например, что в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 человек работало в России 54% всех рабочих, между тем как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33% всех рабочих» [46a].

«Беременность» России капитализмом привела страну к Февральской революции, которая нанесла сильный удар полуфеодальной формации страны и открыла путь к быстрому росту частнокапиталистической системы. Но большевики не остановились на «Феврале» и пошли дальше, хотя никаких данных для этого не было. Единственный шанс, которым обладали большевики, это был факт захвата власти, опираясь на которую большевики стали «строить» социализм без фундамента.

По этому поводу И. Сталин пишет в своих «Экономических проблемах социализма в СССР»:

> «...ввиду отсутствия в стране каких-либо зачатков социалистического хозяйства, она (советская власть. — П. К.) должна была создать, так сказать, на «пустом месте» новые социалистические формы хозяйства» [47].

Что Россия не была готова к принятию социализма, этого не могли не понимать Ленин и Сталин. Но они утешали себя и своих последователей тем, что социализм может быть введен не только в странах созревшего капитализма.

И. А. Гладков приводит слова Сталина:

> «Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь» [48].

Сталин не исключал возможности, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. И. А. Гладков напоминает (его работа вышла в 1950 г.), что Ленин и Сталин разбили впрах антиреволюционные

---

45) В. И. Ленин, Государство и революция, Ленинград, 1952, стр. 19.

46) И. А. Гладков, защитник советского планового хозяйства, которое по его мнению ведет неизбежно к социализму, приводит мнение проф. Гриневецкого (из его труда «Послевоенные перспективы русской промышленности») о том, что революция расчистила путь не для социализма, а для буржуазного развития России, и высказывает по этому поводу свое личное мнение: «Этот идеолог капитализма утверждал, что планы большевиков о социалистическом переустройстве России являются беспочвенными мечтаниями, пышными воздушными замками социального благополучия». И. А. Гладков, Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг., Академия наук СССР, Москва, 1950, стр. 162.

46а) И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, Москва, 1937, стр. 36.

47) Он же, Экономические проблемы социализма в СССР, Москва, 1952, стр. 7.

48) И. А. Гладков, указ. соч., стр. 51. Ср. И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 180, 187.

установки меньшевиков и эсеров, троцкистов и др. противников большевиков о якобы неподготовленности России к социализму, что Сталин указывал, что социалистическая революция победит не обязательно в тех странах, где капитализм более всего развит, а прежде всего в тех странах, где фронт империализма слабее, где пролетариат легче прорвет этот фронт и где имеется хотя бы средний уровень развития капитализма.

> «Эти предпосылки имелись тогда в России», — говорит И. А. Гладков [49].

Эти соображения Сталина и ссылки на них И. Гладкова слабы в том отношении, что в странах, где фронт империализма слабее, где капитализм еще не достиг развития, там и пролетариат численно и морально не подготовлен к восприятию идей социализма. Так именно и было в то время в России.

После захвата власти большевиками в России «построение» социализма там стало проводиться путем декретов и постановлений коммунистической партии.

В резолюции 17-й партийной конференции сказано:

> «...построение и завершение фундамента социалистической экономики и обеспечение за СССР экономической самостоятельности выполняется с огромными успехами» [50].

В 1931 году Сталин выступил перед работниками социалистической промышленности и указал, что строителями социализма в СССР являются политическая власть рабочего класса, советский строй и партия. По этому поводу проф. А. Филипов говорит, что Сталин

> «...не упомянул ни единым словом о закономерно развивающемся обществе» [51].

И в другом месте:

> «...если социализм Маркса должен строиться на базе закономерности, то советский социализм может строиться только на базе ЧК-ГПУ, ...» [52].

В Большой советской энциклопедии о социализме в СССР говорится:

> «Из мечты, увлекавшей наиболее передовую часть человеческого общества, социализм превратился в действительность» [53].

События в Венгрии разрушили утверждение большевиков о том, что в СССР сбылась мечта человечества. В Восточной Германии, в Польше и в Венгрии большевики продемонстрировали на практике, как они осуществляют эту мечту, залив ее кровью трудящихся.

Та же БСЭ утверждает:

> «...основой производственных отношений социализма являются общественная собственность на средства производства и отсутствие эксплуатации человека человеком» [54].

---

[49] И. А. Гладков, указ. соч., стр. 49.

[50] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 2, изд. 7-е, 1953, стр. 682.

[51] Проф. А. Филипов, Научный социализм и наука об обществе, Изд. Института по изучению СССР, Мюнхен, 1955, стр. 102.

[52] Там же.

[53] БСЭ, т. 52, Изд. 1-е, Ст. «Социализм», 1947, стр. 186.

[54] Там же, стр. 174.

Но этих признаков теоретического социализма в СССР не существует. В СССР нет «общественной» собственности, а есть «государственная» собственность на средства производства. Чтобы государственная собственность превратилась в общественную собственность, надо, чтобы во главе государства стояла народная власть. При монархическом образе правления в России, при неограниченной власти царя, было не мало казенных заводов, военных объектов, сеть железных дорог, казенная винная монополия и т. д. Однако никто не считал Россию социалистическим государством. При парламентаризме, когда у власти находится правительство, свободно избранное всем народом, все его распоряжения исходят от этого народа. Поэтому огосударствление в Англии некоторых сторон хозяйственной жизни является актом национализации, а не только огосударствления. Там национализированы эмиссионный банк, копи, железные дороги и сталелитейная промышленность. В США и в других демократических странах власть принадлежит народу и законы исходят от воли народа, правительство же только выполняет его волю.

В СССР правительство не отражает воли народа (потому что оно никогда не было им избрано), поэтому там нет «общественной» собственности: собственностью самовольно распоряжается партия, представляющая собою незначительное меньшинство населения. Она издает все законы и все правила распорядка путем «декретов». Так были «национализированы» банки, торговые и промышленные предприятия, земля — как поверхность, так и недра. «Огосударствление» не превратилось ни в социализацию, ни в национализацию.

Что касается эксплуатации человека человеком, то в СССР она заменена эксплуатацией человека государством, что делает человека совершенным рабом государства, а следовательно, партии.

Профессиональные союзы, являющиеся по теории и на практике свободного мира защитниками рабочих, в СССР превращены в орудие эксплуатации в пользу власти, в интересах партии.

Далее в БСЭ читаем:

> «...социализм не знает кризисов перепроизводства, периодически потрясающих капиталистический мир» [55].

Но советский социализм знает другой вид кризиса — кризис недопроизводства. Об этом писал и говорил еще в 1927 году коммунист В. Базаров:

> «Если над старым миром Дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства, ...если бы наши директивные органы были всеведующими и идеально предусмотрительными, товарный голод был бы лишь несколько смягчен в своих наиболее острых проявлениях, но не устранен в корне» [56].

Как видно из вышеприведенных фактов, кризис вызывается, как постоянное явление советской системы (преобладание тяжелой промышленности), и практикой советских хозяйственников, которые считают «невы-

---

55) БСЭ, т. 52, Изд. 1-е, Ст. «Социализм», 1947, стр. 175.

56) В. М. Базаров, Капиталистические кризисы и восстановительный процесс в СССР, Москва, 1927, стр. 99. Ср. С. Г. Струмилин, Проблемы планирования в СССР, Ленинград, 1932, стр. 57.

годной» для их предприятий продукцию дешевых и в то же время прочных изделий.

Поэтому неправильно заявление БСЭ, что народное хозяйство развивается в СССР «планомерно, в интересах народа» [57], потому что план, на котором основана эта планомерность, в своем корне — антинародный.

Поднимаясь по лестнице «экономических категорий» в условиях советского строя, мы видим, что все его хозяйственные отношения имеют характер юридических категорий, основанных на постановлениях партии.

На этом же основании существующий в СССР социально-экономический строй должен быть назван «декретным хозяйственным строем», а на все народы, проживающие в СССР, принудительно, путем террора, насилия и обмана была надета «оболочка», несмотря на то, что в «содержании» под этой оболочкой нельзя найти ничего социалистического.

Новейшие события в странах-сателлитах показали, что и там существует только внешняя «оболочка» социализма, а подвластные народы не потеряли ни чувства патриотизма, ни жажды свободы, ни энергии для ожесточенной борьбы за эту свободу, и 10 лет советского «воспитания» не дали ожидаемого большевиками нового «советского» молодого поколения.

Таким образом, в вопросе об экономических категориях большевики применяют свой обычный метод, вкладывая в общепризнанные формулировки и определения свое собственное большевистское содержание.

На злоупотребления и извращение общепризнанной терминологии указывают и западноевропейские экономисты, которые называют советскую хозяйственную систему Befehlswirtschaft (A. Weber) и Kommandowirtschaft (W. Röpke).

А. Вебер говорит, что деньги, кредит, цена и процент функционируют в советском народном хозяйстве, но эти слова там имеют совершенно другой смысл, чем в капиталистическом хозяйстве [58].

---

57) Там же.

58) Adolf Weber, Kurzgefasste Volkswirtschaftspolitik, 6. Auflage, Bunker u. Humboldt, Berlin, 1951, S. 16.

Доц. А. Я. Парамонов

Послевоенная организация лесного хозяйства в СССР

I. Состояние лесного фонда

Так как северная граница распространения лесов в СССР установлена местами приблизительно, то точных данных о его лесном фонде нет. Публикуемые в СССР официальные данные страдают некоторой неточностью даже в отношении той части лесов, площадь которых хорошо известна. Дело в том, что среди этих данных нет указаний о площади лесов, переданных военному ведомству с исключением их из гослесфонда. Благодаря этому остается неясным, включены ли такие леса в общую площадь лесных пространств или нет.

По данным Э. Венцко, в книге «Организация лесного хозяйства, лесной и бумажной промышленности в СССР» (1954), общая площадь лесных пространств в СССР составляла на 1 января 1951 г. 1068 миллионов гектаров, из коих 41 млн. га принадлежало колхозам. По Г. Р. Эйтингену, «Лесоводство» (1953), упомянутая общая площадь равнялась 1067 млн. га, а по В. П. Цепляеву, «О правилах рубок главного пользования» (1954), — 1039 млн. га (из них 39 млн. га колхозных лесов).

Только 73% общей площади лесных пространств пригодны для лесовыращивания, так как остальные 27% приходятся на различные угодья (водные пространства и т. п.), входящие в контуры лесных массивов. Если иметь в виду лишь главнейшие древесные породы, то площади древостоев с господством этих пород распределяются так:

лиственница	—	249	млн. га	пихта	—	13	млн. га
сосна	—	88	„ „	дуб	—	4,6	„ „
ель	—	63	„ „	бук	—	1,7	„ „
береза	—	51	„ „	клен	—	1,7	„ „
осина	—	31	„ „	липа	—	1,5	„ „
кедр сибирский	—	29	„ „				

Распределение же площадей всех древостоев по возрасту видно из следующих цифр:

спелых и перестойных древостоев	—	54%
приспевающих „	—	16%
средневозрастных „	—	16%
молодняков „	—	14%

Общий запас плотной древесной массы составляет 59 миллиардов кубометров, из коих около 85% приходится на хвойные породы. Один гектар леса дает в среднем 1,1 кубометра прироста в год, что по всему СССР составляет 700—800 млн. кубометров. Вырубается ежегодно не более 400 млн. кубометров. Все указанные выше цифры приведены по Э. Венцко (1954). По Г. Р. Эйтингену (1953), средний прирост на 1 га леса равен не 1,1 кубометра, а 1,3 кубометра древесины. Следовательно, ежегодный прирост древесины по всему СССР, по его данным, равен 850 млн. кубометров.

Во время войны леса пострадали от военных действий и вынужденных войной рубок, но надо отметить, что немцы использовали древесину в СССР вблизи мест ее заготовки и лишь на постройку мостов, дорог и т. п. Для внутренних нужд Германии они пользовались эксплуатацией более близких лесов, чем леса СССР.

В советских журналах много пишется о хищническом хозяйствовании немцев в лесах, бывших под оккупацией. Конечно, немцы рубили то, что им было случайно нужно, и главным образом леса местного значения в годы войны понесли большой ущерб. Но лесам гослесфонда, которые в мирное время в особенности широко эксплуатировались советским правительством, война принесла временную передышку, так как нормальные заготовки были прекращены.

После войны, когда возникла острая необходимость в восстановлении разрушенного, начались усиленные рубки леса главным образом на вновь присоединенных землях, на которых благодаря прежнему рациональному ведению хозяйства сохранилось много хороших древостоев.

Все леса СССР разделяются на следующие лесоэкономические районы: Северо-Западный (Карело-Финская республика и области Мурманская, Смоленская и Калининградская), Европейский Север (республика Коми и области Архангельская и Вологодская), Европейский Центр (около 20 областей), Поволжье, Северный Кавказ, Крым, Юг (главным образом Украина), Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальневосточный край, Средняя Азия и Закавказье.

II. Принципы лесопользования в лесах различного назначения

В отношении размеров и системы лесопользования все общегосударственные леса разделены сейчас на 3 группы:

1. Научные заповедники, защитные леса, курортные леса и «зеленые зоны» (вокруг 1698 городов и поселков фабричного типа).

В этой группе лесов допускаются лишь рубки ухода за лесом и санитарные рубки. Однако даже в отношении этих особо охраняемых лесов имеется постановление Совета Министров СССР от 21. 4. 1952 г., позволяющее производить в них так называемые «восстановительные» рубки, яко-

бы направленные на повышение защитного и иных значений этих лесов. В действительности это означает, что в 1-й группе лесов разрешаются и сплошные рубки, если будет найдена подходящая мотивировка их необходимости.

Лесов 1-й группы было на 1. 1. 1951 г. — 27,2 млн. гектаров (с запасом 3,3 млрд. кубометров древесины), из коих около 12,3 млн. га приходилось на заповедники, 1,3 млн. га на курортные леса и около 10 млн. га на «зеленые зоны». Последние представляют собой чаще всего изреженные древостои (благодаря близости к населенным пунктам). Что касается заповедников, то они представленны либо лесами, из которых лучшие деревья уже вырублены, либо девственными лесами, находящимися в очень неудобных для работ лесозаготовителя условиях горных и диких местностей.

2. Водоохранные леса. Эта группа лесов была выделена еще в 1936 году с целью улучшения водного режима рек в центральных и западных областях Европейской части СССР. В пределах водоохранных лесов имеется еще так называемая «запретная зона» (в непосредственной близости к рекам), в которой разрешаются лишь рубки ухода за лесом и санитарные рубки. В остальной части водоохранных лесов разрешается вырубка не более среднего годового прироста древесины с соблюдением еще некоторых условий. Однако упоминавшиеся уже «восстановительные» рубки, узаконенные в 1952 году, касаются также и лесов водоохранных.

С 1946 года зона водоохранных лесов очень расширилась за счет выделения этой категории лесов в новых областях и республиках. К 1949 году водоохранные леса занимали площадь 85,4 млн. гектаров (при запасе древесины 2,9 млрд. кубометров) в областях Архангельской, Сталинградской, Ростовской, Саратовской, Чкаловской, Куйбышевской, Пензенской, Ульяновской, Воронежской, Курской, Орловской, Смоленской, Московской, Владимирской, Калининской, Великолукской, Ивановской, Ярославской, Горьковской, Костромской, Вологодской (частично), Кировской, Молотовской, Челябинской (частично), Ленинградской, Псковской, Новгородской, в Ставропольском крае (частично), в Дагестанской АССР, а также в республиках Украинской, Белорусской, Казахской (бассейн Урала), Башкирской, Татарской, Чувашской, Мордовской, Мариинской, Удмуртской и Молдавской.

В какой мере водоохранные леса были истощены рубками, видно из следующего сопоставления: они имеют запас 2,9 млрд. кубометров древесины, а описанные выше леса 1-й группы, при площади в 3 раза меньшей, имеют запас 3,3 млрд кубометров нессмотря на то, что и они наполовину истреблены рубками.

3. Промышленные леса. Расположены главным образом на севере Европейской части СССР, в Сибири и Дальне-Восточном крае, занимая площадь 900 млн. гектаров при запасе древесины 52,5 млрд. кубометров. Размер пользования древесиной в них определяется потребностью в ней народного хозяйства и возможностями ее добывать.

Площадь каждой из перечисленных выше групп лесов время от времени меняется. По вырубке лесов 3-й группы несколько увеличивается площадь лесов первых двух групп, но на этот счет каждый раз бывают необходимы особые постановления правительства.

III. «Лесная пятнадцатилетка»

В конце 1948 года был принят правительством СССР так называемый «сталинский план преобразования природы», в котором главную роль играют полезащитные лесные полосы. Согласно этому плану агролесомелиоративные работы должны быть осуществлены на площади 6 148,9 тыс. гектаров, из коих на укрепление песков, берегов и оврагов приходится 322 тыс. га, а на полезащитные лесные полосы 5 826,9 тыс. га.

План по полезащитным лесным полосам выполняют главным образом колхозы и совхозы, на долю которых приходится 5 709 тыс. га лесопосадок. Однако самые длинные 8 полос, шириной от 30 до 100 м и длиной 170—1080 км, при общей длине 5 320 км и площади 117,9 тыс. га, должно создать Министерство лесного хозяйства, преобразованные позже в Главное управление лесного хозяйства и полезащитного лесоразведения Министерства сельского хозяйства СССР.

За первые три года выполнения «лесной пятнадцатилетки» было посажено более 2 млн. га лесных полос, т. е. 1/3 всего плана. Так как вопросу о полезащитных лесных полосах в СССР была уже посвящена статья автора этих строк («Вестник Института» № 3 за 1955 г.), то отметим лишь наличие неиспользованного ранее документа, вышедшего в 1951 году обязательного постановления Запорожского облисполкома «О мерах борьбы с вырубкой, сжиганием и уничтожением полезащитных лесных полос». Важно в этом документе не его содержание, а его название, свидетельствующее об отношении населения к лесным полосам, а одновременно и о том, что последние собой представляют. Дело в том, что в условиях Запорожской области лесные полосы могут гореть лишь при зарастании их травой. Вместе с легковозгорающейся сухой травой погибают и молодые деревца. Стало быть, в этой области имеются изреженные, заросшие травой и оставленные без ухода лесные полосы.

Их изреженность свидетельствует о вырождении и гибели полос до того, как они начали выполнять свою полезащитную роль. О том, в какой мере успешно растут уже созданные лесные полосы, в советской литературе до сих пор нет данных, которые бы свидетельствовали о благополучном состоянии полос. Наоборот, почти в каждом нумере «Лесного хозяйства», начиная с 1949 года, можно между строк, а иногда и в самих строках, прочитать обратное.

О неуспехах посадок говорят многие авторы: В. Г. Карпов, «Современное состояние естественных и искусственных лесных насаждений в районе трассы государственной защитной лесной полосы» (1953); А. И. Бовин, «Навстречу XX съезду КПСС» (1955); И. Н. Рахтеенко, «Состояние лесных культур в Сальской даче и посадках Агролеса (1953); В. В. Попов и В. Г. Карпов, «Некоторые способы реконструкции лесных полос в колхозах и совхозах степной зоны» (1953); В. П. Тимофеев, «Отечественный опыт полезащитного лесоразведения» (1951); И. И. Курило, «К вопросу снижения возраста рубок и реконструкции насаждений» (1955); И. Д. Щерлин, «Опыт защитного лесоразведения на целинных и залежных землях Казахстана» (1955); Л. Д. Шляханов, «Лесному хозяйству и полезащитному лесоразведению Украинской СССР — повседневное внимание» (1954); С. Л. Кушев и др., «Природные условия лесной полосы Сталинград—Степной—Черкесск» (1953).

В немецкой (E. Buchholz, „Waldbauliche Maßnahmen in der Sowjetunion", 1948; „Das Problem der Umgestaltung der Natur in der Sowjetunion und seine geschichtliche Voraussetzungen", 1954) и американской (R. Zone, „The Volga Valley Authority", 1949) печати эти неуспехи обойдены молчанием, так как авторы обратили внимание главным образом на грандиозность плана «преобразования природы». Когда английские лесоводы посетили СССР, то им говорили о трудностях и неуспехах лесовыращивания в местностях, где лес «не хочет» расти, но высказывалась уверенность в преодолении этих трудностей. Английским лесоводам лесные полосы были показаны на планах, а также и в действительности, но только там, где эти полосы имеют хороший вид.

Приведем здесь некоторые новые данные по этому вопросу из советской литературы. Заместитель начальника Главного управления лесного хозяйства и полезащитного лесоразведения в УССР Л. Д. Шляханов в упомянутой выше статье пишет:

> «За последние 5 лет посеяно и посажено защитных насаждений 656 тыс. га. Из созданных насаждений сохранилось 70%, из которых 47% нуждается в пополнении. Особенно плохие результаты полезащитного лесоразведения в ряде южных областей: в Херсонской области сохранилось 33% насаждений, в Одесской — 47%, в Николаевской и Запорожской — около 50%, в Кировоградской — 66%. В этих областях на сохранившихся посадках приживаемость от 53 до 58%».

Другими словами, в упомянутых областях большая половина посадок погибла сразу, а оставшиеся также наполовину изрежены. Пополнение таких посадок бывает обычно еще менее успешным. Это видно из упомянутой выше работы В. П. Тимофеева (1951), в которой описан 100-летний опыт разведения леса в степях. Лес плохо растет и в прериях Америки (Г. Р. Эйтинген). Югославы, увидев на Украине результаты лесоразведения в степях, отказались копировать затею Сталина по «преобразованию природы», но применяют лес в мелиоративных целях там, где он может расти. Румыны, которым труднее было отказаться от указаний Москвы, начали лесные посадки в степях у себя все же с опытов с целью установить не только положительное влияние лесных полос на урожайность, но и отрицательное.

Если взять примеры из той части СССР, где условия лесовыращивания еще хуже, чем на юге Украины, то и положение там значительно хуже. И. Н. Рахтеенко в своей статье «Состояние лесных культур в Сальской даче и в посадках Агролеса» (1953) пишет, что «посадки расстроены и представляют собой редины и прогалины».

Состояние созданных в 1931—1941 гг. лесных полос В. В. Попов и В.Г. Карпов (1953) характеризуют так:

> «Выявлено большое количество сильно изреженных полос. Удельный вес изреженных, недолговечных и малоценных насаждений очень велик».

С. Л. Кушев и др. (1953), имея в виду всю трассу Сталинград—Степной—Черкесск, в разделе «Основные выводы» пишут:

> «Местами условия роста леса столь плохи, что он высыхает в 15—20-летнем возрасте, что можно предотвратить только искусственным орошением полос».

Из этого видно, как сложно и иногда просто безнадежно обстоит дело с созданием лесных полос именно там, где они более всего нужны.

В то время, когда еще можно было свободно высказывать мысли о перспективах степного лесоразведения, В. Л. Циопкало, «Древесница въедливая и ее значение в посадках южных степных лесничеств» (1928) писал:

> «Среди деятелей степного лесоразведения все настойчивее раздаются голоса о необходимости планомерных рубок посадок, а не о сохранении их любой ценой».

Отметим, что рукопись В. Л. Циопкало утверждалась на заседании ученого совета, членом которого, как и рецензентом самой рукописи, был лучший знаток степного лесоразведения, ныне покойный академик Г. Н. Высоцкий. Последний сам давно считал, что в неподходящих для леса условиях степей лес обречен на скорую гибель. По его мнению, вредители и болезни леса, которые содействуют этой гибели, являются в действительности не ее причиной, а следствием заранее предрешенного природой процесса дегенерации лесонасаждений в таких условиях.

Таким образом, наблюдаемые сейчас неуспехи полезащитного лесоразведения кроются далеко не в одном только низком качестве работ, которое несомненно также имеет место. Есть более глубокие причины этого неуспеха, исходящие от самой природы. В борьбе с последней «большевистская напористость», конечно, дорого обойдется народу, тем более, что до сих пор неизвестно, в какой степени лесные полосы являются экономически выгодными. Недавно произведенные в Америке опыты с применением большой аэродинамической трубы показали, что влияние лесных полос на прилегающее пространство в СССР во много раз преувеличено. Так как вопрос об экономической выгодности лесных полос является отдельной темой и к тому же довольно сложной, то здесь нет возможности останавливаться на ней более подробно.

IV. Обследование и устройство лесов

Отыскивать новые и доступные для лесоэксплуатации сырьевые базы становится в СССР все труднее и труднее, благодаря чему этому вопросу после войны стало уделяться особенно большое внимание. Одновременно с этим возникла острая потребность в составлении планов хозяйства, так как там, где они уже были составлены, имевшие место хаотические рубки все изменили. Местами этих планов вовсе не было. Наконец, при отступлении советских войск многие хозяйственные и картографические материалы были сожжены.

Работы по обследованию и устройству лесов осуществляет «Всесоюзное аэрофотолесоустроительное объединение», имеющее много местных отделений и контор, которым подчинены непосредственно лесоустроительные партии. Это «Лесопроект», существовавший еще до войны. После ее окончания в его работе произошел большой уклон в сторону использования аэрофотосъемки. Последняя позволяет производить работы скоро, точно и на больших площадях. В какой мере в данное время используется авиация при лесоустроительных работах, видно из «Инструкции по устройству и обследованию лесов государственного значения СССР», изданной в 1952 году. В ней сказано:

«Технической основой съемочных и таксационных работ при всех видах лесоустроительных работ, независимо от точности их, служит, как правило, аэрофотосъемка».

Фотографирование леса обычно производится за год до того, как начинаются наземные работы по лесоустройству. До фотографирования расчищают обычно просеки и устанавливают в соответствующих местностях знаки для того, чтобы сделанные снимки связать с определенными пунктами. Когда снимки готовы, то лесные таксаторы берут их за основу своих работ, производят описание древостоев, закладывают пробные площади и т. п., а в конечном итоге, после камеральной обработки материалов, составляют план хозяйства. В зависимости от точности карт и других данных о лесе существует пять разрядов лесоустройства.

Если задачей таксаторов бывает не лесоустройство той или иной точности, а лишь нахождение удобных для эксплуатации новых сырьевых баз где-либо в глухой тайге, то при этом широко пользуются методом так называемого аэровизуального обследования. Летчик пролетает по заранее установленному маршруту, а наблюдатель-таксатор отмечает на географической карте необходимое. При таком методе дополнительные наземные работы бывают нужны только там, где что-то уже найдено, что в условиях дикой тайги очень упрощает все дело.

Разработаны уже такие методы дешифровки аэрофотосъемок, которые позволяют получить довольно точные данные о древесной породе, полноте древостоев, диаметре и высоте деревьев и т. п., что еще более сокращает трудоемкие наземные работы. Этот метод применяется сейчас очень широко при инвентаризации лесов Севера, говорить о лесоустройстве которых еще не приходится. В самое последнее время начались опыты по применению цветной фотографии в аэрофотосъемке лесов.

Так как, кроме очень большого значения аэрофотосъемки в лесоустройстве и при обследовании лесов, самолеты применяются также в борьбе с вредителями (на площади $^1/_4$ млн. га в одном лишь 1954 году), в борьбе с пожарами, при наблюдении за сплавом леса, стадами охотничьих зверей и т. п., то в высших лесных учебных заведениях СССР учреждена даже особая кафедра «Лесной авиации и аэрофотосъемки», каковой нет в аналогичных высших школах других стран. Курс этой дисциплины изложен в учебнике Г. Г. Самойловича, «Применение авиации и аэрофотосъемки в лесном хозяйстве» (1953). В лесном ведомстве СССР имеется сейчас 250 — 300 самолетов и геликоптеров.

В период 1946—1951 гг. лесоустройство произведено в лесах 1200 лесхозов с составлением необходимых геодезических планов и планов хозяйства. В период же 1944—1954 гг. методом аэротаксации обследовано 629 млн. га лесов и устроено 168 млн. га. В Европейской части СССР лесоустройство почти окончено (А. И. Бовин). Из совокупности статей разнообразного содержания, опубликованных в журнале «Лесное хозяйство» за 1949—1955 гг., видно, что центр внимания «Лесопроекта» направлен на отыскание новых сырьевых баз главным образом в тайге, но он не оставляет без внимания и леса 1-й и 2-й групп, в которых рубки ограничены законом. Местные управления лесами не могут обходить эти законы. Однако в случаях, когда лесной массив подвергается лесоустройству или ревизии лесоустройства, то при этом и может осуществиться узаконение рубок типа «восстановительных», о которых упоминалось выше. Санкция на

них для отдельных случаев бывает обеспечена, если лесоустроители их рекомендуют. Рубки леса в районах, где его очень мало, приносят дополнительные заработки для тех, кто призван выращивать, а не рубить лес. Поэтому местные работники иногда сами находят предлог для какой-то вынужденной требованиями лесоводства рубки и добиваются на это санкции.

Конечно, проводимое сейчас в СССР лесоустройство приносит и много полезного для леса, но, к сожалению, самое главное, что дает лесоустройство, — план хозяйства — часто в ближайшем же будущем нарушается, и тогда полезными остаются лишь картографические материалы и описания отдельных участков леса.

V. Использование древесины в настоящее время

По вопросу о хищническом хозяйствовании в лесах СССР автор этих строк уже приводил ряд данных в статье «Охрана лесов в СССР» («Вестник Института», 1(18) за 1955 год). Статья касалась главным образом прошлого времени. Теперь имеется возможность подтвердить эти данные новейшими сведениями из первоисточников и показать, что положение и сейчас не изменилось. Источником этих сведений является работа Б. М. Перепечина, начальника Управления лесопользования Главного управления лесного хозяйства и полезащитного лесоразведения Министерства сельского хозяйства СССР — «Лесоиспользование в предстоящем пятилетии».

По данным Б. М. Перепечина, лесное хозяйство ежегодно передает лесной промышленности лесосеки с запасом более 300 миллионов кубометров древесины. Лесозаготовители (в первую очередь Министерство лесной промышленности) широко используют так называемые «условно-сплошные» рубки, при которых значительная часть менее ценных деревьев остается на корню. Часто остаются на корню даже деревья самого лучшего качества, например, лиственница, так как ее, благодаря большой плотности древесины, нельзя сплавлять по рекам (кряжи тонут, образуя так называемый «утоп»). Невырубленных на лесосеках деревьев остается ежегодно 16—18 млн. кубометров. Исследованиями Центрального Научно-исследовательского института лесного хозяйства установлено, что на Европейском Севере остается невырубленными 19% общего запаса древесины на лесосеке до ее рубки (в разных частях упомянутой лесоэкономической зоны этот процент колеблется от 14 до 25), что составляет почти $^1/_5$ годичной лесосеки по всему СССР. Б. М. Перепечин пишет:

> «В отдельных случаях в оставшихся на корню древостоях при условно-сплошных рубках наличие деловой древесины достигает 50% всего оставшегося запаса».

По Б. М. Перепечину, благодаря вырубке части деревьев, остальные деревья легко выворачиваются ветром и становятся жертвой вредителей. Об этом же говорится и в учебнике «Общее лесоводство» М. Е. Ткаченко (1955) так: «Оставшиеся деревья покрываются волчками, суховершинят, вываливаются ветром и погибают».

Далее Б. М. Перепечин говорит, что при условно-сплошных рубках часто остаются и недорубы целых площадей, на которых деревья вовсе не используются, так как лесозаготовители, взяв лучшее из более близко расположенных к путям транспорта древостоев, сворачивают свои работы и

больше в это место не возвращаются. Часто из лесу не вывозится уже заготовленная древесина и погибает. Приводим дословно отрывок из доклада Б. М. Перепечина:

> «Материалы обследований свидетельствуют, что ежегодно на вырубленных лесосеках остается невывезенной, обреченной на гибель, до 35 млн. кубометров заготовленной древесины. На передаваемых лесозаготовителям лесосеках ежегодно остается неиспользованными примерно 70 млн. кубометров древесины, в том числе остаются на корню при условно-сплошных рубках 15 млн. кубометров, в оставленных недорубах 20 млн. кубометров и заготовленной древесины 35 млн. кубометров, т. е. около 20% всего передаваемого лесосечного фонда. Эти цифры говорят за себя и свидетельствуют о совершенно нерациональном, хищническом (разрядка моя. — А. П.) отношении к использованию наших лесных богатств. Такое же отношение имеет место и на всех последующих этапах использования древесины».

Далее Б. М. Перепечин приводит примеры того, как бесхозяйственно используется древесина при ее переработке, но этого вопроса не будем здесь касаться, поскольку данная статья посвящена лесному хозяйству, а не лесной промышленности.

Сообщая обо всем этом в Академии наук и читателям «Лесного хозяйства» (каковыми являются все лесоводы, так как этот журнал предназначается для них), Б. М. Перепечин указывает и виновных. Виновные — это руководители работ на местах. Их штрафуют, но это не помогает. Это происходит, очевидно, потому, что награды за выполнение плана заготовки ценной древесины превышают мелкие штрафы за оставление в лесу менее ценной древесины при наличии еще многих оправдывающих обстоятельств («утоп» древесины и т. п.).

Интересно отметить здесь же, что в самом солидном учебнике по лесоводству (М. Е. Ткаченко, 1955) последствия от условно-сплошных рубок описаны совершенно так, как это делает и Б. М. Перепечин (т. е. что невырубленные деревья погибают), но в этом учебнике сказано: «В настоящее время условно-сплошные рубки имеют ограниченное применение», что совсем не вяжется со сказанным в том же 1955 году Б. М. Перепечиным. Прав, конечно, Б. М. Перепечин, а не лицо, которое редактировало учебник М. Е. Ткаченко в его 2-м, посмертном издании.

VI. Управление лесным хозяйством

Постановлением правительства СССР от 4. 4. 1947 г. было образовано особое «Министерство лесного хозяйства СССР», возникшее на базе существовавшего еще с 1936 года «Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР». Все леса СССР, за исключением колхозных, курортных, некоторых заповедников, «зеленых зон» и т. п., были подчинены упомянутому новому министерству, причем последнее осуществляло надзор и за правильным ведением хозяйства в лесах, ему неподчиненных.

Каждая союзная республика имела свое министерство лесного хозяйства, которому были подчинены лесхозы — единицы административно-территориальные.

В республиках Российской, Украинской, Белорусской, Грузинской и Казахской были созданы промежуточные звенья между министерством и лесхозом — областные управления лесного хозяйства.

Структура Министерства лесного хозяйства очень сложна и изменчива, почему и нет смысла на ней останавливаться.

С 15 марта 1953 года были упразднены министерства лесного хозяйства, а весь их аппарат подчинен соответствующим министерствам сельского хозяйства под названием «Главное управление лесного хозяйства и полезащитного лесоразведения». Изменилось собственно название, но система осталась прежней: Главному управлению подчиняется областное (или лесхоз, если в республиках нет областных управлений).

VII. Лесное образование и лесные научные учреждения

Высшие лесные и лесотехнические учебные заведения имеются сейчас в городах: Архангельске, Минске, Брянске, Воронеже, Киеве, Ленинграде, Львове, Москве, Казани, Красноярске и Свердловске. Кроме них, при 12 учебных заведениях другого типа (мелиоративных, сельскохозяйственных) имеются факультеты, дающие специалистов и для некоторых отраслей лесного хозяйства. Лучшим лесным учебным заведением считается Ленинградская Лесотехническая Академия, в которой обучаются около 3000 студентов. Это бывший Императорский Лесной Институт, организованный еще в 1803 году. При Лесотехнической Академии имеются 49 кафедр и факультеты: лесного хозяйства, механизации лесного хозяйства, лесоинженерный, механической технологии дерева, химической технологии дерева, инженерно-экономический и зеленого строительства (выпускающий специалистов по озеленению городов). Срок обучения 5 лет, как и в других институтах.

Есть много средних и неполных средних лесных учебных заведений со сроком обучения 4 или 2 года. Кроме того, при некоторых высших учебных заведениях имеются факультеты заочного образования, на которых обучаются почти исключительно лица, имеющие среднее специальное образование и большой производственный стаж.

Научно-исследовательская работа осуществляется институтами лесного хозяйства: Всесоюзными («ВНИИЛХ» и «ВНИЛАМИ» в Москве), Центральным («ЦНИИЛХ» [1] — в Ленинграде), Украинским, Белорусским, Сибирским, Дальневосточным и Среднеазиатским. Проводится она также и упомянутыми ранее высшими учебными заведениями, а также «Институтами леса» или «Институтами лесного хозяйства» при Академиях наук СССР и Украинской, Белорусской, Грузинской, Латвийской и Литовской республик. До утверждения плана «преобразования природы» таких институтов при Академиях наук не было.

В литературе по лесным наукам после войны появилось нечто новое. Если раньше считалось должным восхвалять Сталина, то сейчас восхваляется КПСС и, реже, «советский» народ. Если раньше упоминание иност-

---

[1] ВНИИЛХ — Всесоюзный Научно-исследовательский институт лесного хозяйства; ВНИЛАМИ — Всесоюзный Научно-исследовательский лесоагромелиоративный институт; ЦНИИЛХ — Центральный Научно-исследовательский институт лесного хозяйства.

ранных источников в учебнике или научной статье считалось своего рода козырем то сейчас это считается ее пороком. Видно это и на переизданных учебниках, например, С. И. Ванина, «Лесная фотопатология» (1938 и 1955) и М. Е. Ткаченко, «Общее лесоводство» (1940 и 1955). Ценность этих учебников в первом издании заключалась, помимо всего, в очень широком использовании иностранной литературы. Сейчас она в них почти не упоминается или упоминается для того, чтобы показать ее «убожество» в сравнении с достижениями советских исследователей. В учебнике М. Е. Ткаченко (после его смерти) добавлен даже особый раздел «Из истории развития отечественного лесоводства», в котором есть только часть правды. Остальное его содержание является вымыслом, написанным в интересах правительственной политики.

Методы искажения правды в лесных науках применяются те же, что и при искажении правды в истории. То, что уж никак нельзя исказить — замалчивается, причем используется малейшая возможность направить читателя на путь ложного умозаключения. Например, при упоминании формулы Бернулли, несмотря на очень сухой язык текста, сразу же упоминается, что это бывший «член Российской Академии наук». Студент, знающий, что штатных иностранно-подданных сотрудников в Академии наук СССР нет, сам приходит к заключению, что Бернулли «свой», да еще и выдающийся ученый, а ведь Бернулли настоящий иностранец. При упоминании в учебниках лесоводства русско-подданных, носящих явно нерусские фамилии (Ф.К. Арнольд, В. Е. Графф, В. Н. Штурм, А. А. Крюденер и т. д.), подчеркивается ясно, что они деятели «нашего русского» лесоводства и, конечно, опускаются титулы этих лиц (фон Графф, фрайгерр фон Крюденер и т. п.).

В случаях, когда в СССР применяется недавнее изобретение, сделанное за границей, читатель также наводится на мысль об отечественном происхождении этого изобретения. Сейчас, например, в лесном хозяйстве СССР очень широко применяются для борьбы с вредителями очень эффективные, изобретенные за границей яды ДДТ и гексахлоран. В журнале «Лесное хозяйство» об этих ядах сказано примерно так:

> «...в 1940 году научный сотрудник Ленинградского Научно-исследовательского института С. С. Деев достиг 100% гибели хруща при опыливании деревьев кремнефтористым натрием. Однако сейчас найдены уже и еще более эффективные яды ДДТ и гексахлоран».

К слову же сказать, в 1941 году оказалось, что при применении в лесу метода С. С. Деева, все жуки (хруща) остались живыми даже при тройной дозе яда.

В настоящее время в СССР стал применяться в лесном хозяйстве геликоптер. Название это не особенно «отечественное», почему «геликоптер» стал называться «вертолет».

VIII. Лесопользование в предстоящем пятилетии

В 1955 г. в журнале «Лесное хозяйство» появилось несколько статей, содержание которых было крайне неожиданным и наводящим даже на мысль о лихорадочной подготовке СССР к новой войне. Из этих статей, хотя в них и не говорится об аннулировании предшествующих постановлений относительно режима рубок в защитных и водоохранных лесах, ясно видно, что из этих лесов в ближайшие 5 лет будет взята по меньшей

мере половина той древесины, которая условно станет считаться спелой. Другими словами, урожай с леса будет взят авансом на десятки лет вперед именно там, где лесов очень мало и где их наличие отражается на урожайности полей и судоходности рек.

Авторами упомянутых статей являются лица, занимающие высокие положения: Б. М. Перепечин, А. Г. Солдатов (начальник Главного управления лесного хозяйства и полезащитного лесоразведения на Украине) и Б. Н. Лукьянов (заместитель министра сельского хозяйства УССР). Их статьи связаны между собой и написаны по определенному плану: новость из Москвы преподнес Б. М. Перепечин, изложивший основное об изменениях в плане рубок, а А. Г. Солдатов и Б. Н. Лукьянов пытаются смягчить суть дела, отвлекая внимание в сторону «повышения производительности лесов», которому и придают характер новой кампании, принявшей сейчас уродливые формы.

Б. М. Перепечин указывает, что в результате всех предшествующих рубок в густонаселенной части СССР осталось сейчас только 3,5% запаса спелой древесины от всего ее наличия в СССР. Он открыто признает, что несмотря на ряд мер, принимавшихся правительством в продолжении многих лет для перенесения рубок в изобилующие лесом малонаселенные местности, этого не удалось осуществить. В 1954 г. лесозаготовки на севере Европейской части РСФСР были выполнены только на 35%, на Урале на 51%, а в Сибири на 35%. Далее Б. М. Перепечин пишет:

> «Для наиболее полного и своевременного снабжения промышленности и сельского хозяйства признано необходимым на ближайший период несколько (далее будет видно, какое это «несколько». — А. П.) увеличить рубки в лесах 2-й группы (т. е. водоохранных. — А. П.), где в 1955 г. дополнительно выделяется лесосечный фонд в количесве 18 348 тысяч кубометров и на 1956—1960 гг. устанавливается ежегодный отпуск 102 367 тысяч кубометров. Этот объем рубок в лесах 2-й группы влечет за собой переруб расчетной лесосеки примерно на 11%. Однако увеличение отпуска леса распределяется не равномерно по всей территории лесов 2-й группы, а концентрируется в основном в 30 областях и республиках районов Центра, Юга и Запада. В этих районах в 1956—1960 гг. намечается ежегодно вырубать по 72,5 млн. кубометров, что составляет 120% расчетной лесосеки. За пятилетие переруб составит примерно 62 млн. кубометров и эксплуатационные запасы в 30 центральных областях и республиках (в том числе УССР, БССР и Прибалтийские республики) сократятся на 56% по сравнению с ожидаемым наличием их на 1. 1. 1956».

Отсюда ясно, что будет рубиться не средний годичный прирост, а половина того основного капитала, который этот прирост дает. Деревья будут считаться спелыми задолго до достижения ими этого возраста, а всего год назад В. П. Цепляев (1954), ответственное лицо в лесном ведомстве, писал: «в лесах 2-й группы перерубы расчетных лесосек запрещены».

Примерно третья часть нового плана рубок приходится на Украину. Это видно из того, что Б. М. Перепечин говорит о ежегодной вырубке 72,5 млн. кубометров, а А. Г. Солдатов, имея в виду лишь леса Украины, определяет, как минимум, вырубку ежегодно 20—25 млн. кубометров. От нового плана лесопользования более всего пострадают, очевидно, леса Галиции, Букови-

ны, северной Бессарабии, Закарпатья, Латвии, Эстонии и Литвы. Хотя эти леса после их присоединения к СССР стали жертвой хищнических рубок уже давно, но в них еще осталось много ценной и легко эксплуатируемой древесины. Из случайных заметок в советской печати видно, что усиленные рубки именно в них и проводятся. Недавно газета «Советская Украина» сообщала, что в карпатских лесах план 1956 года уже выполнен и что лес рубится там уже в счет плана 1957 года. Этому вполне можно поверить, так как речь идет не о тайге, где план лесозаготовок постоянно находится в глубоком провале.

Интересно привести здесь еще выдержку из статьи заместителя начальника Главного управления лесного хозяйства и полезащитного лесоразведения УССР Л. Д. Шляханова. Она написана тогда, когда новый план перерубов не был еще известен. О лесах Украины он пишет:

> «Ведущиеся в данное время рубки леса привели к истощению запасов древесины, а в Карпатах — размыву и опустошению горных склонов. Только за последние 10 лет, несмотря на неоднократные указания о сохранении лесов в малолесных районах страны, было вырублено (по указанию тех же, кто давал и указания о сохранении лесов. — А. П.) более 100 млн. кубометров древесины, т. е. использован запас древесины на 10 лет вперед. Как следствие систематических перерубов, в лесах в настоящее время преобладают молодняки — 56%, спелых же насаждений имеется всего 10% (в числе этих 10% много есть условно-спелых. — А. П.). За последние 10 лет, с учетом переруба, в среднем вырубается 11 млн. кубометров. Если ведение лесного хозяйства не будет улучшено . . . пользование древесиной будет прекращено».

Вот на фоне какой мрачной действительности 1954 года появились новые планы перерубов на период 1956—1960 гг., когда будет вырубаться не 11, а 20—25 млн. кубометров (по А. Г. Солдатову, 1955).

Л. Д. Шляханов умалчивает, что плачевное положение лесов Украины в значительной мере сглажено в его данных включением в них неистощенных рубками лесов вновь присоединенных областей, принадлежавших ранее главным образом Польше и Румынии. На Украине в ее старых границах положение еще хуже. Из спелых древостоев (в дореволюционном значении понятия «спелый») сохранились лишь небольшие участки главным образом перестойных древостоев, невырубленных по причине низкого качества древесины. Н. А. Селецкая (1955) упоминает, что в Гниванском лесничестве среди дубовых древостоев имеется: молодняков 1 815 га, средневозрастных 331 га, приспевающих 6 га, а спелых и перестойных 9 га. Именно такое распределение древостоев по классам возраста и является типичным для Украины в ее старых границах.

Оправдывая намечающиеся изменения в размерах пользования лесом, Б. М. Перепечин указывает, что в лесном фонде имеются древостои, которые с течением времени подрастут и станут спелыми, когда они и заменят вырубленное сверх плана. Жонглируя некоторыми цифрами, свидетельствующими якобы об «очень удачном распределении древостоев по классам возраста», он приходит к выводу о возможности возвращения с 1975 г. опять к нормальной лесосеке. Так как понятие «нормальная» или «расчетная» лесосека, как и понятие «возраст спелости» в СССР является чрезвычайно растяжимым, то вникать в анализ цифр Б. М. Перепечина нет смыс-

ла. Совершенно ясно, что восстановить взятое из леса во время перерубов можно только прекращением лесоэксплуатации на известный период, чего советское правительство не может сделать, так как для многих местностей этот период должен исчисляться десятилетиями. Из леса уже взято во много раз больше, чем это можно делать. Даже если верить подтасованным цифрам Б. М. Перепечина, то все равно после 1975 года должен наступить период, в течение которого нечего будет рубить, если не снизить еще более возраст спелости древостоев. Те дубовые древостои, которые рубились нормально в 120 и более лет, сейчас вырубаются в возрасте 80—90 лет (А. Г. Солдатов и Н. А. Александрова — 1955), причем и этот возраст будет скоро снижен, так как в 1955 г. А. Г. Солдатов дал лесхозам следующее указание с целью немедленно повысить «продуктивность леса»:

> «Необходимо установить такие возрасты рубки, которые обеспечивают получение наибольшего количества сортиментов древесины нужного качества в наиболее короткий срок».

Получив правительственное задание по новому плану рубок там, где они были уже прекращены по причине отсутствия спелых древостоев, лесхозы придумывают мероприятия, которые в случае удачи (!) приведут через многие десятилетия к большей продуктивности лесных площадей. Далее, исходя из того, что когда-то, быть может, будет, они считают возможным за счет этих будущих благ взять из леса уже сейчас огромное количество древесины. Таким образом, получается, что, если древесины нет в наличии, то она появляется в результате снижения возраста спелости леса. Все это приводит к тому, что придет период, когда дуб будет считаться великаном при его очень скромных размерах.

Новые правила рубок коснулись и лесов 1-й группы, т. е. научных заповедников, защитных и курортных лесов и т. п. Б. М. Перепечин пишет:

> «В предстоящем пятилетии кроме рубок в лесах 2-й группы, необходимо вырубить в лесах 1-й группы и в приравненных к ним по режиму пользования (т. е. в особой «запретной» зоне водоохранных лесов. — А. П.) по 18,2 млн. кубометров, в том числе в районах Центра, Юга и Запада около 10 млн. кубометров».

Далее сказано:

> «. . . увеличенный размер рубок вызовет определенные отклонения от существующих правил (разрядка моя. — А. П.) рубок».

Речь здесь идет не только о размерах, но и о правилах рубок, т. е. это не будут рубки ухода за лесом, а, очевидно, отыскивание деревьев, необходимых для промышленности, т. е. более толстомерных.

В самом конце статьи Б. М. Перепечин, чувствуя, что его «лесоводственные» оправдания неубедительны, заключает:

> «Увеличение рубок в предстоящем пятилетии в европейской части СССР значительно улучшит снабжение древесиной народного хозяйства страны. Однако лесозаготовители должны помнить, что это лишь временная мера, которая принята, чтобы создать в ближайшее время условия для развертывания лесозаготовок в лесоизбыточных районах».

Приходится искать ответ на то, почему именно сейчас, когда разрушенное войной восстановлено и план «преобразования природы» прово-

дится всеми силами, советское правительство приняло такие неожиданные решения. Специалисты из СССР и из стран-сателлитов, которым ответ, вероятно, легче дать, в беседе с автором этой статьи высказывали два разных мнения. Одни считают, что советское правительство, в предвидении новой войны и возможной оккупации части СССР, предпочитает взять из этой, находящейся под угрозой части все представляющее большую ценность. Другие же объясняют это тем, что лесозаготовки в лесоизбыточных районах СССР находятся в безнадежном положении; каторжане постепенно вымирают, а крупных пополнений их кадров сейчас нет, а, наоборот, их начали постепенно выпускать.

Все специалисты, в том числе и советские (при откровенном разговоре без свидетелей), отрицательно относятся к лесоуничтожению в европейской части СССР, но они считают, что лучше уже пусть гибнет лес, чем люди. Другими словами все, но не депортация и «великие сталинские наборы», направленные на выполнение лесозаготовок в тайге. Скорее всего резкая перемена в лесной политике объясняется недостатком рабочей силы, возникшим в результате некоторой «десталинизации» страны.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Н. А., Опыт разработки плана ведения лесного хозяйства Фастовского лесничества, «Лесное хозяйство», № 11, 1955, стр. 76—78.

Баранов Н. И., Опыт таксации леса с вертолета, там же, № 6, 1955, стр. 87—89.

Букштынов А. Д., О лесных ресурсах мира, там же, № 5, 1955, стр. 88—95.

Buchholz E., Waldbauliche Maßnahmen in der Sowjetunion, „Zeitschrift für Weltforstwirtschaft", Bd. XII, 1948, S. 146—147; Он же, Die Forst- und Holzwirtschaft der Sowjetunion nach dem Kriege, ibidem, Bd. XII, 1948, S. 18—30; Он же, Drei Jahre Stalinplan der Naturwandlung, „Allgemeine Forstzeitschrift", Nr. 6, 1952; Он же, Das Problem der Umgestaltung der Natur in der Sowjetunion und seine geschichtlichen Voraussetzungen, „Jahrbücher für Geschichte Osteuropas", Bd. II, Nr. 2, 1954, S. 158—172; Он же, Organisation und Politik der sowjetischen Forst- und Holzwirtschaft, „Zeitschrift für Weltforstwirtschaft", Nr. I, 1954, S. 1—16.

Венцко Э., Организация лесного хозяйства, лесной и бумажной промышленности в СССР (на польском языке), «Ежегодник лесных наук», т. VI, Варшава, 1954, стр. 175—253; Он же, Леса в хозяйстве СССР (на польском языке), «Сильван», № 5, Варшава, 1954, стр. 345—363.

Высоцкий Г. Н., Лесные культуры степных лесничеств с 1893 по 1907 гг., издание Департамента земледелия и государственных имуществ, С.-Петербург, 1912.

Elchibekoff I., Shelterbelt in the USSR, „American Forests", No. I, 1956, pp. 30—31, 56—58.

Жуков И. В., Год всенародной борьбы за осуществление Сталинского плана преобразования природы, «Лесное хозяйство», № 11, 1949, стр. 34—36.

Zon R., The Volga Valley Authority (The New 15-year Conservation Plan of the USSR), „Unasylva", vol. III, No. 2, 1949, pp. 55—62.

Бовин А. И., Навстречу XX съезду КПСС, «Лесное хозяйство», № 9, 1955, стр. 3—8; Он же, Лесное хозяйство в первом году 6-й пятилетки, там же, № 1, 1956, стр. 3—6.

Карпов В. Г., Современное состояние естественных и искусственных лесных насаждений в районе Трассы государственной защитной лесной полосы, Труды комплексной научной экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения, Изд-во Академии наук СССР, т. II, вып. 7-й, Москва, 1953, стр. 194—315.

Курило И. И., К вопросу снижения возраста рубок и реконструкции насаждений, «Лесное хозяйство», № 12, 1955, стр. 71.

Кушев С. Л. и др., Природные условия лесной полосы Сталинград — Степной — Черкесск, Труды комплексной научной экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения, Изд-во Академии наук СССР, т. II, вып. 7-й, Москва, 1953, стр. 336—343.

Лукьянов Б. Н., Лесоводы Украины в борьбе за повышение продуктивности лесов, «Лесное хозяйство», № 10, 1955, стр. 28—31.

Мотовилов Г. П., Лесное хозяйство водоохранной зоны, Москва—Ленинград, 1949.

Невзоров Н. В., Неотложные задачи лесного хозяйства в Красноярском крае, «Лесное хозяйство», № 6, 1955, стр. 64—69.

Нестеров В. Г., Мировое значение отечественного лесоводства, там же, № 2, 1949, стр. 70—71.

Панасечкин Л. А. и Клевцов В. И., Павильон лесного хозяйства на Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке, там же, № 6, 1955, стр. 73—79.

Парамонов А., К вопросу о полезащитных лесных полосах в СССР, Вестник Института по изучению истории и культуры СССР, № 3, Мюнхен, 1955, стр. 81—85; Он же, Охрана лесов в СССР, там же, № 1, 1956, стр. 71—76.

Перепечин Б. М., Лесопользование в предстоящем пятилетии, «Лесное хозяйство», № 6, 1955, стр. 10—13; Он же, Использование древесины в государственном лесном фонде, там же, № 10, 1955, стр. 67—71.

Переход В. И., Устройство лесов водоохранной зоны и организация лесоуправления, там же, № 11, 1939, стр. 6—8.

Попов В. В. и Карпов В. Г., Некоторые способы реконструкции лесных полос в колхозах и совхозах степной зоны, Сообщение Института леса Академии наук СССР, вып. I, Москва, 1953, стр. 74—76.

Пинчук М. Г., Организация лесоразведения и лесовосстановление в СССР. Вопросы лесоведения и лесоводства, издание Академии наук СССР, Москва, 1954, стр. 189—202.

Рахтеенко И. Н., Состояние лесных культур в Сальской даче и посадках Агролеса, Труды комплексной научной экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения, издание Академии наук СССР, т. II, вып. 8-й Москва, 1953, стр. 192—215.

Самойлович Г. Г., Применение авиации и аэрофотосъемки в лесном хозяйстве (487 страниц текста), Гослесбумиздат, Москва—Ленинград, 1953.

Селицкая Н. А., Конкретный план повышения продуктивности лесов Гниванского лесничества, «Лесное хозяйство», № 9, 1955, стр. 23—28.

Солдатов А. Г., Пути повышения продуктивности лесов УССР, там же, № 6, 1955, стр. 14—18.

Сьвьондер Я., Исследование по организации управления лесных хозяйств (на польском языке), «Ежегодник лесных наук», т. VI, Варшава, 1954, стр. 143—174.

Тимофеев В. П., Отечественный опыт полезащитного лесоразведения, «Научные вопросы полезащитного лесоразведения», издание Академии наук СССР, вып. I, Москва, 1951, стр. 5—37.

Ткаченко М. Е., Общее лесоводство (599 стр. текста), посмертное издание, Москва—Ленинград, 1955.

Цепляев В. П., О правилах рубок главного пользования, «Лесное хозяйство», № 5, 1954, стр. 10—18; Он же, Леса СССР и основные направления хозяйства в них, «Вопросы лесоведения и лесоводства», издание Академии наук СССР, Москва, 1954, стр. 11—20; Он же, Некоторые итоги перебазирования лесозаготовок в многолесные районы, «Лесное хозяйство», № 1, 1955, стр. 8—15.

Циопкало В. Л., Древесница въедливая и ее значение в посадках южных степных лесничеств (на украинском языке), Труды по лесному опытному делу Украины, т. IX, Киев, 1928, стр. 207—230.

Шляханов Л. Д., Лесному хозяйству и полезащитному лесоразведению Украинской ССР — повседневное внимание, «Лесное хозяйство», № 6, 1954, стр. 12—17.

Щерлин И. Д., Опыт защитного лесоразведения на целинных и залежных землях Казахстана, там же, № 6, 1955, стр. 42—47.

Эйтинген Г. Р., Лесоводство, 1953, Москва.

Ткаченко Ф. И., К проблеме создания лесных полос в тундре, «Лесное хозяйство», № 6, 1955, стр. 48—54.

Проф. А. П. Филипов

Реакция диалектиков в современной советской философии

1

Хорошо известно, с каким восхищением относились Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин (вначале) к диалектике. Они считали, что диалектический метод есть единственно-научный метод и что только он представляет настоящее орудие для преобразования мира. Почему относились они так к диалектике, понять нетрудно. Диалектика учит о непрерывном изменении вещей, и, стало быть, нет «вечных категорий», так что институт частной собственности, которую «буржуазные» ученые рассматривают как «вечную категорию», должен отмереть. Всякая вещь заключает в себе противоречие и переходит в свою противоположность. Стало быть, капиталистическое общество разъедается внутренними противоречиями и переходит в свою противоположность, т. е. в общество социалистическое. В мире наблюдается переход количества в качество, взрывы или скачки — это есть обоснование революций. Наконец, наблюдается не только отрицание, но и отрицание отрицания, синтез противоречий, высший синтезис — это обосновывает высшую форму общества, коммунистическую. Вместе с таким прославлением диалектики Ленин и Сталин, идя по стопам Маркса и Энгельса, обнаруживали глубочайшее пренебрежение к «формальной» логике. По их убеждению, это — наука идеалистическая, схоластическая, реакционная, служащая для эксплуатации народных масс и даже (в советское время) — орудие меньшевиков. Самое большее, они допускали «формальную» логику как низшую ступень диалектики, как науку, пригодную только для вещей застывших и неподвижных, но совершенно непригодную для понимания всякого рода изменений, развития, жизни. По их мнению, законы «формальной» логики совершенно не могут быть приложены к реальному миру. Закон тождества: А = А, утверждает, что всякая вещь остается неизменной, тогда как, на самом деле, всякая вещь меняется непрерывно. Закон противоречия — А не может быть А и одновременно не-А — утверждает невозможность противоречия в вещи, тогда как, на самом деле, все вещи противоречивы и т. д. Но в 1946 году, по личным указаниям Сталина, ЦК партии постановил ввести в школах (высших и средних) преподавание формальной логики. Это вве-

дение логики было столь внезапным и неожиданным, что, за неимением советских учебников логики, Государственное издательство политической литературы в Москве выпустило в свет «Учебник логики» профессора Г. И. Челпанова по тексту 10-го издания 1918 года, в котором было то же самое изложение материала и такие же примеры, как и в дореволюционное время, когда это руководство служило учебником по логике в 8-м классе гимназий.

Разумеется, для этого восстановления логики должны были быть налицо серьезные основания. Самым общим образом можно сказать, что, после того как большевики установили свой режим, постепенно становилось ясно, что диалектика служит таким же незаменимым орудием разрушения их стабилизировавшегося режима, как она служила орудием разрушения старого режима. В самом деле, если все находится в вечном движении, отмирании старого и нарождении нового, если нет «незыблемых общественных порядков», то все это полностью применимо и к советскому строю — совершенно естественно возникает мысль, что и советский строй должен отмереть и замениться чем-то новым. Если всякой вещи в природе и обществе присущи противоречия, то, стало быть, противоречия присущи и советскому обществу. Если в природе и обществе наблюдается скачкообразное развитие — взрывы, революции, то революции должны происходить и в советском обществе. Если, наконец, наблюдается вечное развитие, смена тезиса, антитезиса и синтезиса, то и советский строй может быть только тезисом или антитезисом в этом развитии и должен возникнуть синтезис — более высокая форма, чем советский строй.

Введению логики предшествовало сильное умаление диалектики, которое было предпринято самим Сталиным уже в 1938 году в IV главе 2-го раздела («Диалектический и исторический материализм») Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Во всем этом разделе совершенно отсутствует критика законов формальной логики, каковой критике придавали такое огромное значение все диалектики, рассматривая ее как обоснование диалектики. Отсутствует здесь также и рассмотрение движения, которое в диалектической философии всегда служило наглядным посрамлением законов формальной логики и одновременно всегда служило переходом к собственным законам диалектики. Наконец, отсутствует здесь и главный закон диалектики — закон синтезиса, примирения противоречий.

Замечательно, что после введения формальной логики советские философы сразу же уразумели ее настоящую природу. Раньше они единодушно утверждали, что законы логики не применимы к *вещам реального мира*. Теперь же они стали утверждать, что формальная логика, поскольку она именно есть формальная, не стремится распространять свои законы на вещи реального мира, но обусловливает только правильность мышления. Закон тождества: А = А говорит не об неизменяемости вещей, но требует только последовательности в мышлении (не подменять мыслимый объект чем-то другим). Закон противоречия говорит не о том, что вещи не содержат противоречия, а о том, что одному и тому же мысленному объекту нельзя приписывать в одном и том же смысле взаимно-противоречивые признаки (так как они уничтожают друг друга). В 1947 году вышел уже советский учебник логики проф. В. Ф. Асмуса, а

в 1949 г. советский учебник логики проф. В. М. Строговича. Оба эти руководства были выпущены Государственным издательством политической литературы тиражом каждый в 100 тысяч экземпляров. Разумеется, это свидетельствует о том значении, которое придавала советская власть вводимой ею логике. В общем оба эти советские учебника по формальной логике — обычные учебники по логике, подобные тем, которые выходили в России до революции и выходят на Западе.

Разница между Асмусом и Строговичем сводится к следующим трем пунктам:

2) Строгович иллюстрирует действие логических законов на «актуальном советском материале»;

3) Строгович рассматривает взаимоотношение логики и диалектики базируясь на цитатах из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Вполне понятно, что большевики, резко противопоставляя свою «советскую» науку и философию «буржуазной» науке и философии, постарались придать какие-то особенные черты и своей логике.

Первой отличительной особенностью советской логики считалось то, что в ней законы логики рассматриваются как отражение реальности. Но эта черта не может считаться отличительной особенностью советской логики, так как это вообще только реалистическая точка зрения в логике, которую проводили Тренделенбург, Ибервег, Бергман, Шуппе, Лотце и др.

Второй отличительной чертой советской логики считалось, что она занимается не только правильностью мыслей, но и истинным познанием действительности: тот логик, который занимается одной лишь правильностью мыслей, — идеалист.

Конечно, и эта черта не может считаться отличительной особенностью советской логики. Ведь и «буржуазная» логика также зачастую имеет дело не только с «формами мыслей», но и с познанием действительности, например, логика индуктивная, психологистическая, логика Т. Цигена, Г. Майера, Ф. Ибервега и др. С другой стороны, совершенно нелепо утверждать, что логик, занимающийся одной лишь правильностью мыслей, — идеалист: ведь в данном случае дело идет отнюдь не о принципиальном отрицании действительности, но только о методологическом отвлечении от действительности.

Третьей отличительной чертой советской логики считалось отождествление формальной логики с логикой вообще.

По этому поводу нельзя не отметить, что советская логика имеет весьма слабое представление как о формальной логике, так и о логике вообще. Она говорит о формальной логике лишь в смысле, данном ей Кантом, но игнорирует формальную логику, разработанную в католической философии, логику математическую и логику квантификации предиката. С другой стороны, нельзя не поражаться наивному отождествлению советской логикой «логики формальной» с «логикой буржуазной». Помимо формальной логики существует логика индуктивная, психологистическая, метафизическая, феноменологическая, трансцендентальная и др.

Однако, как ни старалась советская логика отгородиться от логики «буржуазной», тем не менее даже в таком виде она не могла удовлетворить советских философов, привыкших базироваться на диалектике.

Конечно, эти философы не могли протестовать открыто против логики, введенной «лично товарищем Сталиным» и ЦК партии. Однако скрытая, замаскированная реакция против логики началась. Эта реакция воспользовалась знаменитой философской дискуссией в 1947 году, устроенной ЦК партии для осуждения книги Александрова, когда Жданов от имени Сталина потребовал, чтобы всякая советская наука носила характер непримиримой большевистстской партийности. Воспользовавшись этим, советские философы потребовали, чтобы и советская логика носила на себе характер большевистской партийности, служила бы целям социалистического строительства, боролась бы с буржуазной идеологией и со старыми предрассудками, перестала бы быть наукой о мышлении человека вообще, а стала бы наукой о мышлении советского человека и т. д. Совершенно очевидно, что эти требования сводили на нет прежнюю советскую логику, и Асмус принужден был униженно каяться, что в его «Логике» совершенно отсутствуют все эти принципы, необходимые для настоящей советской логики.

Этому периоду советской логики положил конец выход в свет в 1950 году работы Сталина «Относительно марксизма в языкознании»[1].

В этой работе Сталин решительно утверждает, что язык не является надстройкой над базисом, а также, что язык не носит классового характера. Так как язык у него неразрывно связан со смыслом, то оказалось, что и идеология, или по крайней мере часть идеологии, не является надстройкой над базисом и не носит классового характера. Этот вывод и сделали советские логики, которые стали утверждать, что логика не есть надстройка над социально-экономическим базисом, т. е., что одна и та же логика может существовать при различных социально-экономических базисах и что она не носит классового характера. Конечно, такое признание содействовало успешной разработке советской логики. Но советская логика и при Сталине должна была уживаться с диалектикой, формально не отмененной. Советские логики должны были как-то объединить и примирить обе эти дисциплины, не смея даже поставить предварительный вопрос: могут ли они быть объединены и примирены? В общем советские логики даже не пытались дать внутреннее глубокое объединение логики и диалектики, а довольствовались лишь чисто формальным признанием обеих этих дисциплин, основанном на более или менее подходящих цитатах классиков марксизма-ленинизма, высказанных в разных случаях.

Разгар этой дискуссии представлен в «Вопросах философии» за 1950—1953 гг. и приводит к различным ответам. В той же работе «Относительно марксизма в языкознании» Сталин еще больше ограничил сферу диалектики: он лишил универсального значения закон скачкообразного развития, закон перехода количества в качество[2].

После смерти Сталина начинается новый период в развитии советской логики. Осмелевшие советские философы начинают уже прямо критиковать Сталина за его умаление диалектики. Передовая статья журнала

---

[1] И. Сталин, Относительно марксизма в языкознании, «Большевик», № 12, Москва, 1950, стр. 1.

[2] A. Philipov, Logic and Dialectic in the Soviet Union, Research Program on the USSR, New York, 1952.

«Вопросы философии» — «За творческую разработку вопросов диалектического материализма» — прямо говорит относительно работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме» следующее:

«Указанные в этой работе четыре черты диалектики не исчерпывают всего богатства, всей многогранности марксистского метода» [3].

Напомним, что эти четыре черты диалектики у Сталина следующие:

1) органическая связь всех явлений мира,
2) постоянная изменяемость вещей,
3) переход количества в качество,
4) борьба противоположностей.

При обсуждении книги «Диалектический материализм» под редакцией Г. Александрова (в Московском университете, а также в Высшей и Областной партийных школах) отмечалось, что

«...И. В. Сталин не включил отрицание отрицания в число основных черт диалектики» [4],

«...взаимная связь и взаимная обусловленность явлений, а также движение и развитие, не являются законами (как это имеет место у Сталина. — А. Ф.). Движение есть коренное свойство материи. Движение и развитие сами совершаются по определенным законам. Нельзя путать формы существования материи с законами движения и развития» [5].

В 1955 г. появилась статья М. Розенталя, «В. И. Ленин о задачах и принципах разработки диалектической логики» [6] и редакционная статья — «Против путаницы и вульгаризации в вопросах логики» [7].

Обе эти статьи направлены против профессора Тбилисского университета К. Бакрадзе за то, что он в своей «Логике» увлекается формальной логикой и совсем недооценивает логику диалектическую. Надо заметить, что «Логика» Бакрадзе появилась в 1951 году. Редакционная статья нападает с такими же самыми упреками и на «Логику» Н. Кондакова, появившуюся в 1954 году.

Вполне понятно, однако, что нападки на Сталина, как на умалителя диалектики, и новый расцвет диалектики последовали лишь после развенчания Сталина на XX съезде КПСС в феврале 1956 года.

Передовая журнала «Вопросы философии» за 1956 год (№ 2) говорит о развенчании Сталина следующее:

«Огромный вред нашей теоретической работе нанес чуждый марксизму-ленинизму культ личности. Вместо того, чтобы, руководствуясь марксизмом-ленинизмом, его методом, самостоятельно обобщать живой опыт, современное историческое развитие, многие работники общественных наук видели свою главную задачу в пережевывании цитат, в повторении известных истин, высказанных авторитетной

---

[3] За творческую разработку вопросов диалектического материализма (Передовая), «Вопросы философии», № 5, 1954, стр. 15.

[4] Д. П. Горский, Г. С. Гургенидзе, А. Л. Субботин, Обсуждение книги «Диалектический материализм», там же, № 4, стр. 205.

[5] Там же, стр. 206.

[6] М. М. Розенталь, В. И. Ленин о задачах и принципах разработки диалектической логики, там же, № 2, 1955, стр. 33.

[7] Против путаницы и вульгаризации в вопросах логики, там же, № 3, стр. 158.

личностью, в восхвалении талмудистски толкуемых цитат. Между тем преданность и верность теоретического работника марксизму-ленинизму, Коммунистической партии измеряются не количеством ссылок на тот или иной авторитет, а стремлением самостоятельно исследовать новые процессы в жизни, уменьем помочь решению тех вопросов, которыми живут миллионы» [8].

Относительно вопроса о логике и диалектике передовая статья говорит:

«Одной из таких догм было неправильное представление о том, что указанные в работе Сталина («О диалектическом и историческом материализме». — А. Ф.) черты диалектического метода и философского материализма якобы исчерпывают всю проблематику диалектического материализма. Из этой догмы, в частности, некоторые логики «умозаключили», что не следует разрабатывать диалектическую логику как важную составную сторону марксистской диалектики и что формальная логика есть единственная логика. Такой вывод был прямым искажением ленинских указаний, направленных на всестороннюю систематическую разработку «большой логики», т. е. диалектической логики. Среди части философов распространилось пренебрежение к категориям материалистической диалектики и их глубокому исследованию, так как в названной работе о них специально не говорилось. Этим же в значительной степени объяснялось невнимание философов к теоретико-познавательным проблемам» [9].

Из этих слов становится совершенно ясным, что после развенчания Сталина подчеркивается значение диалектики. Но как же обстоит дело теперь с формальсой логикой? Она тоже признается. Редакционная статья «Вопросов философии», № 2, 1956 г., энергично протестует против обвинения Н. Кондакова, будто бы этот журнал «стремится очернить формальную логику».

«Едва ли нужно опровергать, — говорится в этой статье, — этот вздорный, ничем не обоснованный вымысел. Журнал печатал и будет в дальнейшем печатать статьи по вопросам формальной логики, рецензии на выходящие по формальной логике книги. При этом, однако, необходимо снова напомнить, что наши товарищи, занимающиеся проблемами формальной логики, плохо учитывают новейшее развитие знаний в этой области и в то же время недостаточно ведут борьбу против идеалистических концепций современных буржуазных теорий логики» [10].

С другой стороны, и профессор К. Бакрадзе в своем ответе отмечает, что диалектики в настоящее время признают формальную логику (как не признавать сегодня право на существование формальной логики!) [10a].

Это одновременное признание и диалектики, и формальной логики и составляет весьма уязвимый пункт современной советской философии. Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин с их многочисленными последовате-

---

[8] XX съезд КПСС и вопросы идеологической работы (Передовая), «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 14.

[9] Там же, стр. 15.

[10] Не настаивать на ошибках и не углублять, а преодолевать их (От редакции), там же, стр. 236.

[10a] Против ненаучной и недоброжелательной критики, там же, стр. 236.

лями, не будучи знакомы сами с формальной логикой, могли ссылаться на Гегеля в его критике формальной логики, как науки, принципы которой не приложимы к вещам реального мира. Гегель не мог ссылаться при этом на Аристотеля, на Антония Андреа (последователя Дунса Скота), Локка, Лейбница и Вольфа, которые формулируют логические принципы (противоречия и тождества) не только как принципы, приложимые к мыслительной сфере, но и как принципы бытия, т. е. как принципы самих вещей. Конечно были логики, которые понимали принципы логики исключительно как принципы, применяемые только к мыслительной сфере, например, комментаторы Аристотеля — Александр Афродизийский, Порфирий, Марциан Капела, Боэций, Кассиодор, а также Альберт Великий, Буридан и др. Однако надо признать, что только Кант с полной ясностью установил, что все логические принципы являются исключительно принципами связного мышления и отнюдь не принципами бытия; что в логике существует лишь формальный принцип истины, как согласованности мыслей между собой, а отнюдь не принцип материальный, т. е. согласованности с предметами.

Эти взгляды Кант изложил в своей книге «Logik» [11], и рассматривающие логику как чисто формальную дисциплину получили среди логиков весьма широкое распространение. Логика нашего времени, новая логика, есть в значительной мере именно логика формальная. Таковой формальной логикой является и логика советская. Но совершенно ясно, что принципы диалектики могут существовать лишь при отрицании принципов формальной логики, а принципы формальной логики отрицают принципы диалектики. Поэтому, когда в настоящее время советская диалектика призывает к культу противоречия, то, с логической точки зрения, это может означать лишь призыв к культу нелепости. Было время, когда отцы Церкви (Тертуллиан, бл. Августин) утверждали «Credo quia absurdum est» (верю, потому что это нелепо), желая выказать презрение к человеческому разуму. Но в настоящее время, по приказанию начальства, советские философы утверждают: «Intelligo quia absurdum est» (я понимаю, потому что это — абсурд). Не абсурд они не могут понять. На разборе этого единственного в истории человеческой мысли случая мы и должны теперь остановиться.

2

В «Вопросах философии», № 2, 1956 г., в котором уже отразилось развенчание Сталина как «корифея» советской науки, имеется четыре статьи, старающиеся заменить формальную логику диалектикой: статьи о суждении, о понятии, о единстве противоположностей и о совпадении диалектики, логики и теории познаня у Ленина. М. Н. Алексеев пишет специальную статью «О диалектической природе суждения», в которой старается заменить или восполнить трактовку суждения в формальной логике рассмотрением суждения с диалектической точки зрения. Разумеется, исходит он при этом из Энгельса и Ленина. Алексеев приводит следующую цитату Энгельса:

> «Тот факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в каждом предложении, где сказуемое по необходимости отлично от подлежащего. Лилия есть растение, роза крас-

---

[11] I. Kant, Logik, Verlag J. Jäsche, Königsberg, 1800.

на: здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется нечто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим» (Разрядка у Алексеева. — А. Ф.)[12].

Из Ленина же приводится следующая цитата:

> «Начать с самого простого, обычного,... с предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диалектика: отдельное есть общее» (Разрядка у Алексеева. — А. Ф.)[13].

Нетрудно видеть, что в этих словах Энгельса и Ленина, служащих исходным пунктом всей статьи Алексеева, имеется просто грубое смешение понятий. Не будучи знакомы с логикой, «есть» в суждении они принимают прямо в смысле отождествления. Между тем «есть» (est) в суждении является только «связкой» (copula), устанавливающей известное отношение между субъектом (подлежащим) и предикатом (сказуемым). Связка эта, наряду с субъектом и предикатом, считается третьим членом суждения. Это отношение между субъектом и предикатом может быть различное:

а) это может быть подведение субъекта под предикат, как вид в отношении рода (например, «Иван есть человек», «Жучка есть собака», «Лилия есть растение»);

б) это может быть вмещение предиката в содержание субъекта (например, «роза — красная», «листья деревьев — зеленые»);

в) наконец, это может быть отождествление субъекта с предикатом (например, «Петр Великий есть первый русский император»).

Замечательно, что суждений, в которых имеется отождествление субъекта и предиката, ни Энгельс, ни Ленин не приводят. Почему это так, понять не трудно: в этом случае они не могли бы жонглировать, наряду с тождеством, различием. Замечательно также и то, как наивно отождествляют Энгельс и Ленин субъект и предикат: их нисколько не смущает то, что они отождествляют различные вещи. С их точки зрения такие суждения, как «львы суть животные», или «люди суть животные», или «млекопитающие суть позвоночные», являются суждениями отождествления, в которых «тождество содержит в себе различие».

Между тем, когда настоящие логики пытались сводить подобные суждения к отождествлениям, то они тратили множество сил, чтобы устранить из таких суждений различия. Поэтому, например, по Плуке (логик XVIII века) первое суждение на самом деле сводится к суждению «все львы суть некоторые из животных»; по Гамильтону, второе суждение, на самом деле сводится к суждению: «люди суть некоторые животные»; по Джевонсу, третье суждение сводится к следующему: «млекопитающие суть млекопитающие позвоночные» и т. д.

Развивая вышеприведенные слова Энгельса, Алексеев поясняет:

> «Как лилия она тождественна самой себе и отлична от других растений, как растение она отлична от самой себя и тождественна всем другим растениям. Следовательно, в одном и том же цветке

[12] М. Н. Алексеев, О диалектической природе суждения, «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 49.
[13] Там же, стр. 51—52.

лилия есть и тождество, равенство с собой, и нетождество, неравенство с собой, т. е. единство противоположностей» [14].

И еще: любое, даже элементарное суждение

«Лилия есть растение», «Роза красна», «Волга больше Днепра» и т. п. — показывает, по существу, что предмет суждения есть в одно и то же время и он сам и, в некотором смысле, не он сам, и лилия и не лилия, и красное и не красное, т. е. оно раскрывает (хотя это не всегда и не всеми осознается), что предмет одновременно и тождественен самому себе, и нетождественен, различен» [15].

Разумеется, все эти рассуждения — лишь хороший образец диалектического пустословия. На самом деле, речь идет о самых простых вещах: мы подводим понятие «лилии», как вид, под понятие «растение», как род, или среди многочисленных свойств у розы мы обнаруживаем красный цвет ее лепестков. Вообще надо поражаться бесплодному многословию и постоянному оригинальничанью диалектиков, даже тогда, когда они хотят выразить самые простые вещи.

Так, Алексеев утверждает следующее:

«Субъект и предикат являются соотносительными, обусловливающими друг друга моментами (терминами) суждения. Они нераздельны: нет одного без другого. Понятие «лилия», взятое отдельно, не является ни субъектом, ни предикатом, каковым оно выступает в суждениях: «Лилия — растение» или «Это — лилия». Точно также понятие «растение» не есть ни субъект, ни предикат, если его брать вне связи с другими понятиями... Поэтому субъект суждения предполагает, что какое-нибудь другое понятие противостоит ему в качестве предиката. С другой стороны, понятие, выступающее в качестве предиката, не может одновременно находиться в данном суждении в форме субъекта. Если понятие выступает субъектом суждения, то оно не может быть в то же время предикатом суждения. И наоборот, утверждая за понятием форму предиката, мы тем самым отрицаем за ним форму субъекта: предикатная форма понятия исключает его субъектную форму» [16].

Во всей этой длинной тираде нет решительно ничего, что не содержалось бы уже в самом определении суждения: суждение есть высказывание известной связи между двумя представлениями или понятиями. Тот предмет, относительно которого высказывается что-либо, называется субъектом, а то, что высказывается относительно предмета, называется предикатом.

Рассмотренные суждения, по Алексееву, являются суждениями элементарными, но кроме них существуют и суждения диалектические, в которых имеется уже внутреннее противоречие. В качестве примеров диалектических суждений Алексеев приводит следующие:

«...товары продаются по стоимости и не продаются по стоимости», «одна и та же демократическая республика в одно и то же время и «хороша» и «плоха», «движущееся тело находится в данной точке и не находится в ней» [17].

---

14) М. Н. Алексеев, указ. ст., «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 50.
15) Там же.
16) Там же, стр. 50—51.
17) Там же, стр. 54.

Надо ли говорить, что во всех этих «диалектических» суждениях нет никакого внутреннего противоречия? Никак нельзя признать внутреннего противоречия в первых двух суждениях уже потому, что в них утверждаются об одном и том же противоречивые вещи в разном отношении (в разном смысле): товары продаются по стоимости (трудовой), если принимается во внимание количество труда, затраченного на их производство, и товары не продаются по стоимости (трудовой), если принимают во внимание процент с капитала, независимо от того, какая часть капитала пошла на оплату труда. Демократическая республика «хороша», поскольку мы имеем в виду участие народа в управлении государством и политическую свободу, но она «плоха», поскольку мы имеем в виду разные подкупы при выборах, демагогические приемы лиц, стремящихся быть избранными, недостаток социальной справедливости и т. д.

Но главным примером диалектического суждения Алексеев все же считает суждение: «движущееся тело находится в данной точке и не находится в ней» [18].

Этот пример повторяется несколько раз на страницах 54, 55, 56 и 57.

По мнению Алексеева, противоположные моменты в этом суждении имеются «в одном отношении, а не в разных отношениях» [19].

> «Диалектическое противоречие, являющееся источником движения, — утверждает Алексеев, — это объективное, не зависящее от нашего мышления существование двух противоположных сторон одного и того же предмета, одновременно и предполагающих и исключающих друг друга, притом в одном и том же отношении» [20].

Как можно заметить, пример этот очень стар. Он постоянно воспроизводится в марксистской литературе и идет от Гегеля (если ограничиться новым временем). Разумеется, с логической точки зрения в движении нет никакого противоречия. Противоречие можно усмотреть только, рассматривая движение, как состоящее из точек покоя, что совершенно недопустимо в отношении движения. На самом деле движение состоит из бесконечно малых отрезков движения на бесконечно малых отрезках времени и пространства, так что здесь может иметь место простое интегрирование, в результате коего получается данное движение.

Диалектическому пониманию понятия посвящена статья В. И. Черкесова «Некоторые вопросы теории понятия в диалектической логике». Черкесов признает право за формальной логикой конструировать понятия. Однако эти понятия являются далеко не единственно возможными [21].

Прежде всего Черкесов делает упрек формальной логике, что конструируемые ею понятия «отсекают и игнорируют» из общего все особенное и единичное [22]. В этих понятиях «допускается только общее, от которого отсечено особенное и единичное» [23].

В понятиях формальной логики

> «общее берется отдельно от особенного, поскольку в этом случае

---

18) М. Н. Алексеев, указ. ст., «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 54.

19) Там же, стр. 56.

20) Там же,

21) В. И. Черкесов, Некоторые вопросы теории понятия в диалектической логике, там же, стр. 62.

22) Там же, стр. 69.

23) Там же, стр. 73.

особенное не имеет значения или, по крайней мере, практически приравнивается к нулю» [24].

Абстрактный труд у Маркса — это тоже обобщение, но обобщение не формально-логическое. Оно «не исключает, не отсекает, не оставляет без внимания конкретные виды труда, а в известном смысле включает их в свое содержание» [25].

Черкесов, очевидно, не знаком с сущностью понятия в формальной логике. Это есть именно обобщение, т. е. схватывание таких сторон предмета, в совокупности которых заключены и остальные, еще неразличимые стороны: это — остов данного предмета и в то же время очертание всех содержащихся в нем предметов. В понятии всегда что-то узревается и в то же самое время всегда что-то содержится, что всегда может стать узреваемым. Даже понятия тавтологические, вроде «человек есть человек», «адвокат есть адвокат», «война есть война», «приказ есть приказ» и проч., вначале в обоих случаях дают одинаковые общие стороны, но затем тотчас же во втором понятии мы начинаем узревать те черты, которые не узревали в первом (например, слабости, присущие человеку; недостатки, присущие адвокатской профессии; ужасы, присущие войне; неумолимость приказа).

Далее Черкесов обвиняет формальную логику за то, что ее понятия постепенно становятся все более и более общими, но в то же самое время все более «предельно бедными по содержанию» [26].

Конечно, и в формальной логике наиболее общее понятие заключает в себе и больше всего разных вещей, которые постепенно, по мере раскрытия понятия выступают наружу.

В общем, по убеждению Черкесова, понятия формальной логики приспособлены только для отображения явлений «покоя, неизменности», но все то, что движется и изменяется, то не может быть отображено в понятиях формальной логики [27].

Как мы видели уже, понятия формальной логики — чрезвычайно гибкие, широкие и вместительные. Конечно, они прекрасно схватывают и всякого рода движение и изменение. Так, давно уже существует наука механика, и, конечно, ни один разумный человек не скажет, что понятие движения у Галилея и Ньютона — менее совершенное, чем у Ленина, и что им надо было бы поучиться пониманию движения у Ленина.

Аналогичные упреки делает Черкесов формальной логике и по поводу понятия биологического вида.

> «Это понятие общее, — говорит Черкесов, — но оно не исключает особенного. Вид осуществляется в разновидностях. Поэтому и в понятии вида разновидности не отброшены, не забыты, а удержаны как «свое иное» вида, без которого вид не имеет смысла. Выражая диалектическую связь между общим и особенным, научное понятие вида ориентирует биолога на допущение возможности и необходимости появления новых видов из старых, превращения при известных условиях существенного в несущественное и наоборот. Недиалектическое

---

[24] В. И. Черкесов, указ. ст., «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 73.
[25] Там же, стр. 75.
[26] Там же, стр. 74.
[27] Там же, стр. 66.

понимание вида, отделение вида от разновидности, понимание вида как пребывающего всегда равным самому себе, заставляет некоторых не признавать такие факты, как, например, появление новых видов из старых» [28].

К чему эти диалектические декламации? Кто из биологов вообще не знает, что вид содержит в себе разновидности? И зачем проповедывать, как нечто новое, эволюцию видов после Бюффона, Жоффруа Сент-Илер, Ламарка, Эразма Дарвина, Гете и Чарльза Дарвина? Неужели все эти биологи не имели понятия об эволюции и должны поучиться ей у диалектика Энгельса?

Горячие нападки Черкесова на понятие в формальной логике заставляют думать, что он дает необыкновенно глубокое диалектическое понятие. Он строит это диалектическое понятие опираясь на Ленина. Ленин указывает прежде всего, что, для того чтобы определить понятие о каком-либо предмете, надо «охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредствования». Хотя и невозможно охватить полностью все свойства предмета, но это требование всесторонности весьма важно, так как оно «предостережет нас от ошибок и омертвения». Так, нельзя думать, что стакан есть только сосуд для питья». Надо иметь в виду «бесконечное множество его свойств», и тогда мы можем, например, придти к выводу, что «стакан есть помещение для бабочек» [29]. Из этого места становится совершенно ясным, что Ленин вообще не имеет представления о том, что такое понятие. Требовать соединить в понятии, по возможности, все стороны предмета совершенно невозможно, так как у каждого предмета бесконечное множество признаков, и совершенно не нужно, потому что бесконечное множество соорон в предмете преодолевается именно в понятии, т. е. в обобщении — в охватывании тех сторон предмета, в совокупности которых заключены и другие, еще не различаемые стороны. Другими словами, понятие надо образовывать из существенных сторон предмета, а не из сторон совершенно случайных. Если из понятия стакана вытекает, что он есть помещение для бабочек, то почему он не есть орудие для бросания в лицо противнику?

Третья статья — «Не настаивать на ошибках и не углублять, а преодолевать их» — есть статья редакционная и посвящается возражениям проф. К. Бакрадзе и Н. Кондакова, которые, оправдывая себя, доказывают, что они, признавая формальную логику, не принижают логики диалектической. Конечно, уже одно название статьи свидетельствует ясно об «аракчеевском режиме» в советской философии и науке, как его удачно назвал сам Сталин, столь последовательно проводивший этот режим сам и на деле. Нас в этой статье интересует два пункта: во-первых, диалектическое учение о понятии, и, во-вторых, диалектическое учение о единстве противоположностей (о котором говорилось и в статье Черкесова). По мнению редакции, формальная логика занимается изучением понятий, суждений и умозаключений, но исследовать эти формы мышления в их

«...всесторонней, глубокой, многогранной связи, в их развитии и изменении, в их текучести, подвижности, гибкости — гибкости, до-

---

28) В. И. Черкесов, указ. ст., «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 73.
29) Там же, стр. 70.

ходящей, как указывал Ленин, до тождества противоположностей — способна только диалектическая логика»[30] (Разрядка редакции. — А. Ф.).

Оставим пока в стороне эти общие декламации и декларации и посмотрим на деле, как диалектическая логика рассматривает понятие. Редакция прежде всего отмечает, что формальная и диалектическая логика по-разному подходят к вопросу о понятии (Разрядка редакции. — А. Ф.)[31].

Как же подходит к изучения понятия диалектическая логика?

«В диалектической логике понятия рассматриваются и исследуются как ступени исторического процесса развития познания... и поэтому понятия, в которых содержится более широкое обобщение, не беднее, а богаче, глубже менее обобщенных понятий, ибо в них конденсируется новый, высший уровень научных знаний, высшая ступень практических достижений человечества... Возьмем понятие диктатуры пролетариата. Это понятие более широкое и общее, чем понятие о каждой конкретной форме проявления диктатуры пролетариата — советах, народной демократии. Но разве из этого следует, что общее понятие диктатуры пролетариата беднее их по своему содержанию? Нет, научное понятие диктатуры пролетариата в известном смысле богаче понятий о конкретных формах диктатуры пролетариата, потому что в понятии «диктатура пролетариата», являющемся результатом сложного, диалектического обобщения, выражено богатство ее конкретных форм и проявлений, как тех форм, которые уже получили свое воплощение в реальной действительности, так и всех других возможных форм, которые будут порождены дальнейшим развитием конкретных исторических условий борьбы за социализм. Значение таких диалектических обобщений в том, что они схватывают и выражают главное содержание процессов, схватывают их сущность, в данном случае — невозможность перехода от капитализма к социализму без политической власти и руководства со стороны рабочего класса и его партии»[32].

Чем же отличается это диалектическое учение о понятии от обычного логического учения (оставляя в стороне претенциозно-напыщенный язык диалектики)? Конечно, в этих словах содержится обычное учение о понятии. И обычная логика считает, что более широкие понятия богаче, а не беднее менее широких понятий (например, «растение» богаче «дерева», так как включает в себя, кроме «дерева», «кусты», «травы», «мхи», «водоросли» и т. д.); и обычная логика считает, что понятие, обобщая отдельные вещи, выражает самую сущность этих отдельных вещей, так что может быть приложено и за пределы этих отдельных вещей (например, понятие «растение» — к организмам на Марсе, а понятие «дерево» — к австралийским растениям). Претенциозное диалектическое учение о понятии объясняется враждебным отношением редакции к известному закону

---

30) Не настаивать на ошибках и не углублять, а преодолевать их (От редакции), «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 231.

31) Там же, стр. 232.

32) Там же.

формальной логики об обратном отношении объема и содержания понятия[33].

Однако здесь приходится отметить, что диалектики просто не считаются с тем, в каком смысле трактуется в формальной логике содержание понятия. Содержание понятия — это существенные признаки понятия, и, конечно, чем более частное понятие мы берем, тем больше у него признаков (и тем меньше у него объем), например, дерево есть растение+такие-то признаки, береза есть дерево+такие-то признаки.

По утверждению редакционной статьи, самая главная особенность диалектики есть признание внутренних противоречий в вещах[34].

Впрочем, редакционная статья так же, как и Черкесов, говорит безразлично о «внутренних противоречиях» и «внутренних противоположностях»[35].

Как наглядный пример внутреннего противоречия редакционная статья приводит пример с движением тела. Мы уже останавливались на этом примере и не видели в нем никакого противоречия. Другие примеры внутреннего противоречия, противоречия «в одно и то же время, в одном и том же направлении»[36], следующее: буржуазная демократическая республика и хороша, и плоха; капиталистическое общество имеет и хорошую, и плохую сторону; империализм ведет к войнам и противодействует войнам. Во всех этих случаях «обе стороны этого внутреннего противоречия одновременно связаны между собой и отрицают друг друга» (Разрядка редакции. — А. Ф.)[37].

По этому поводу мы должны заметить, что здесь имеется грубое смешение понятий. Противоположность имеется в том случае, когда в каком-либо классе мы выбираем объекты, у которых признаки отличаются друг от друга в самой большой степени, по сравнению с другими объектами этого же класса. Так, в классе млекопитающих мы противополагаем слона и летучую мышь, поскольку их признаки в области веса, размера, способа передвижения, образа жизни наиболее отличны друг от друга. В этом случае, несомненно, имеется противоположность.

Но, во-первых, нет единства противоположностей, так как имеется единство целого класса, а не только двух его полярных пунктов, и, во-вторых, противоположности отнюдь не переходят друг в друга, как утверждают диалектики: никто никогда не видел, чтобы слон переходил в летучую мышь или летучая мышь в слона. Между противоположностями имеется бесконечное множество посредствующих, близких между собою объектов, которые и могут переходить друг в друга (например, хищные наземные млекопитающие в ластоногих морских животных или наземная певчая птица оляпка — в водную птицу). С другой стороны, противоречие есть просто отрицание: А — не А; хороший — не хороший; ведет к войне — не ведет к войне и т. д. Отсюда видно, что противоположность и противоречие совсем не одно и то же (например, слон — летучая мышь; слон — не слон). Однако даже, когда диалектики говорят о един-

---

[33] Не настаивать на ошибках, а преодолевать их (От редакции), «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 231.

[34] Там же, стр. 234.

[35] Там же, стр. 232.

[36] Там же, стр. 235.

[37] Там же, стр. 232.

стве противоречий, у них есть единство, но нет собственно противоречий или противоположностей. У них нет противоречий уже потому, что они не рассматривают бесконечные свойства, присущие демократической республике, капитализму или империализму, и не располагают их в этих областях попарно: А и не А, но все эти свойства в этих областях они классифицируют по одному случайному признаку: А и не А; хороший — не хороший, ведет к войне — не ведет к войне. В этом случае у них, действительно, есть единство: они имеют дело с целым классом, но у них нет противоречий, так как они просто делят этот класс на две части (дихотомия). Разумеется, этот их прием столь же научный, как если бы разделили весь класс домашних кошек на серых и не серых.

Четвертая статья — Е. П. Ситковского — написана на тему: «Ленин о совпадении в диалектическом материализме диалектики, логики и теории познания».

Ситковский, вместе с Энгельсом, понимает диалектический материализм как философскую науку о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления [38].

Конечно, для Ситковского, как и для Энгельса, ясно, что «наше объективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам», и согласуются между собою [39].

Вместе с Гегелем Ситковский утверждает:

> «...логика есть та же история философии, но взятая в схематическом отображении; история философии, в свою очередь, есть та же логика, но взятая в конкретно-историческом развитии» (Разрядка Ситковского. — А. Ф.) [40].

Значит,

> «Марксистская история философии должна быть диалектико-материалистической логикой, взятой в конкретно-историческом развитии, в виде сменявших друг друга философских систем» [41].

Идея о совпадении в диалектическом материализме диалектики, логики и теории познания «есть ленинская идея».

Ленин говорит: «Логика есть учение о познании, есть теория познания».

И в другом месте:

> «в ... «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма (не надо трех слов: это одно и то же). Диалектика и есть теория познания марксизма» [42].

В общем, согласно Ленину, диалектико-материалистическая логика имеет дело с бытием материальных вещей, отражением которых являются логические понятия: бытие, небытие, становление вещи, время, пространство, движение, конечное — бесконечное, число, величина и т. д. [43].

Все эти философские понятия называются логическими категориями [44].

---

[38] Е. П. Ситковский, Ленин о совпадении в диалектическом материализме диалектики, логики и теории познания, «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 77.

[39] Там же.

[40] Там же, стр. 80.

[41] Там же, стр. 82.

[42] Там же, стр. 83.

[43] Там же, стр. 86.

[44] Там же, стр. 87.

По поводу этого слияния диалектики, логики и теории познания, предлагаемого Лениным вслед за Гегелем, мы должны заметить, что оно, само по себе, не представляет собой ничего противозаконного. Ведь происходят же подобные слияния постоянно и в «буржуазной» логике.

Так, И. Кон (Jonas Cohn) сочетает формальную логику с диалектикой, феноменологией и трансцендентальной философией; Бозанке (P. Bosanquet) — с диалектикой и гносеологией; Минто — с индуктивной и диалектической философией. Больше того, в современной логике существуют направления, которые также низко ценят формальную логику и совсем не занимаются ее разработкой, например, у Дриша (в «Ordnungslehre») в феноменологической логике, в трансцендентальной логике естествознания (у Г. Когена, П. Наторпа) и пр. Кроме того, в современной «буржуазной» философии можно указать множество логиков, которые сочетают логику самым разнообразным образом с самыми разнообразными дисциплинами и течениями — с психологизмом, эмпиризмом, интуитивизмом, метафизикой, гносеологией, феноменологией, трансцендентальной философией и т. д. Однако разница между этими «буржуазными» логиками и логиками «ленинскими» та, что первые логики выбирают совершенно свободно те сочетания, которые их привлекают своей внутренней убедительностью, а логики ленинские обязаны держаться указаний Ленина и не могут отклониться от них ни на йоту. Ленинское же влияние в логике необходимо придает советской логике низкий уровень. Ведь Ленин отличается грубостью, ограниченностью и противоречивостью своего научного и философского мышления. Это не наша личная оценка мышления Ленина: то же самое, только в гораздо более резкой форме, писали марксисты и даже коммунисты о Ленине, пока он не стал главой советского государства [45].

3

Из сказанного видно, насколько путаное и противоречивое положение занимает в настоящее время у советских философов вопрос о логике и диалектике. Как мы уже указывали, это только один этап, через который проходит советская логика и диалектика. Советские философы в настоящее время восхищаются этим этапом и усматривают в нем неисчислимые преимущества перед «буржуазной» философией и логикой. Но на постоянном зигзагообразном развитии советской философии и науки, совершаемом по приказанию советского начальства, каждый такой этап неумеренно прославлялся и с чувством превосходства противопоставлялся «буржуазному» этапу (даже если он был простой копией «буржуазного» этапа), чтобы через короткое время, по новому приказанию советского начальства, также усердно осуждаться. Не может быть сомнения, что через некоторое время и данный этап развития логики—диалектики будет осужден и отставлен. Это мнение мы высказываем, основываясь не только вообще на зигзагообразном характере развития советской философии.

В настоящее время сами советские философы совсем уже не те, что были в начале советской власти. Почти сорокалетнее занятие философией и наукой не прошло даром: все же они так или иначе приобщились к сфере мысли и научились мыслить, а, стало быть, не могут не видеть слабости

---

[45] А. Филипов, Ленин и советская наука, Вестник Института по изучению истории и культуры СССР, № 4, 1953, стр. 5.

советских идей. Конечно, они обычно не могут при советских условиях выражать свободно свои мысли. Но бывают все же исключительные случаи, когда советским философам представляется возможность высказываться до некоторой степени свободно о диалектическом материализме, т. е. о том, что они должны учить сами и чему они должны учить других. Дело идет, например, об обсуждении учебников по диалектическому материализму. Авторы этих учебников — не классики марксизма-ленинизма, а потому их можно критиковать сравнительно свободно, а эта критика авторов неизменно скатывается к критике диалектического материализма, по крайней мере, как он излагается в Советском Союзе. Конечно, в этой критике немало и марксистско-советского усердия: недостаточно проводится принцип партийности, не приняты во внимание положения Маркса, Ленина и Жданова и т. д. Но, тем не менее, некоторые действительные мнения советских философов здесь иногда выступают с достаточной очевидностью.

В своей рецензии на учебник «О диалектическом материализме» (Сборник статей, изд. 2-е, 1953) В. Газенко и М. Руткевич замечают, прежде всего, что авторы сборника «...не освободились до конца от начетничества и догматизма» и что у них сильно «сказалось недостаточное внимание советских философов к творческой разработке проблем диалектического материализма» [46].

> «Творческое изложение вопросов диалектического материализма, — замечают они дальше, — неоднократно подменяется пересказом идущих одна за другой цитат, причем авторы часто больше заботятся о том, чтобы «не забыть» привести все основные высказывания классиков марксизма-ленинизма по затронутому вопросу, чем о логичности, полноте, связности изложения и даже о разъяснении смысла и значения приводимых цитат и пояснении их новыми примерами, взятыми из жизни [47] ...одни и те же цитаты, факты, положения и примеры нередко повторяются в разных статьях... Каждый из авторов пытается привести как можно больше примеров из наиболее знакомых ему областей... Товарищи, которые излагают таким образом вопросы марксистской диалектики, забывают указание Ленина о том, что нельзя сводить диалектику к сумме примеров» [48].

При обсуждении книги «Диалектический материализм» под редакцией акад. Г. Ф. Александрова на кафедре Ленинградского государственного университета, хотя эта книга, в общем, была одобрена, были сделаны следующие замечания:

> «Некоторые положения в ней просто декларируются, а не рассматриваются, слабо показан творческий характер марксизма» (доцент Козакович) [49].
>
> «Общим недостатком всей книги является нелогичность изложения материала» (Новожилова) [50].

---

[46] В. И. Газенко, М. Н. Руткевич, За глубокое изучение проблем диалектического материализма, «Вопросы философии», № 2, 1954, стр. 227.

[47] Там же, стр. 227—228.

[48] Там же, стр. 228.

[49] Там же, № 3, стр. 181.

[50] Там же.

«Многие вопросы излагаются догматически, по формулам: «марксизм учит», «марксистско-ленинская теория говорит», «наука доказала» — авторы стараются показать, что «все вопросы уже решены, и все ответы уже найдены» (доцент В. Штофф) [51].

«В книге «дается набор общих положений и сумма примеров ... в книге много повторений ... буржуазная философия критикуется путем голого отрицания» (Еричев) [52].

«В книге «имеются элементы догматизма» (Мелюхин) [53].

«В книге имеется «эклектическая трактовка» и «уклон к идеализму», «небрежные, неточные или тавтологические определения и формулировки» (профессор Тугаринов)» [54].

При обсуждении этой же книги на кафедре Уральского государственного университета отмечались, наряду с достоинствами, следующие недостатки:

«отсутствие логической стройности», в погоне «за обилием фактического материала не имеется достаточно глубокого теоретического анализа» (Архангельский) [55]; в некоторых главах «много повторений и мало логики», некоторые главы книги «слабые», «очень слаб один из важнейших отделов» (доцент Коган) [56]; главный недостаток книги — «в ней не хватает творческого подхода к решению проблем диалектического материализма, в ней не изжит до конца дух догматизма и цитатничества», второй недостаток — «неумение авторов достаточно глубоко обобщить современные данные естественных наук», третий недостаток — «эклектизм в освещении ряда проблем и недостаточная продуманность плана, что приводит к повторениям» (заведующий кафедрой М. Руткевич) [57].

При обсуждении этой же книги в Московском университете и в Высшей и областной партийных школах при ЦК КПСС указывались следующие недостатки:

«Здесь мы не найдем собственно анализа процесса развития познания, базирующегося на данных общественных и естественных наук ... Авторов, видимо, интересовало не исследование закономерностей познавательного процесса [58]; диалектика изложена в ней как сумма примеров [59]; низкий теоретический уровень и слабость критики современной реакционной философии по вопросам гносеологии и метода познания [60]; вопросам диалектического материализма ... уделяется крайне мало внимания [61]; целые страницы из

---

[51] В. И. Газенко, М. Н. Руткевич, указ. ст., «Вопросы философии», № 2, 1954, стр. 182.

[52] Там же.

[53] Там же, стр. 183.

[54] Там же, стр. 182.

[55] Там же, стр. 184.

[56] Там же.

[57] Там же, стр. 185.

[58] Д. П. Горский, Г. С. Гургенидзе, А. С. Субботин, Обсуждение книги «Диалектический материализм», там же, № 4, стр. 203.

[59] Там же, стр. 207.

[60] Там же, стр. 209.

[61] Там же.

работ классиков марксизма-ленинизма приводятся без кавычек и ссылок на источники»[62].

Наконец, приведем еще отзывы о книге «Диалектический материализм» под редакцией Г. Александрова:

> «Диалектика зачастую сводится к сумме примеров и фактически не распространяется на человеческое познание»[63].

Критика часто неубедительна, например, по поводу мутаций Де Фриза —

> «сведение развития живой природы к внезапным, беспричинным скачкам есть не что иное, как проявление метафизики и поповщины в науке[64]; в книге очень много трескучих фраз; научность диалектического материализма доказывается путем неоднократных повторений: диалектический материализм — единственно научный» (Л. Еричев)[65].

Из приведенных высказываний советских философов с несомненностью явствует, что этим философам присущи здравый смысл и критическое чутье. Конечно, здравый смысл и критическое чутье подавляются советской системой предписанного обязательного мышления. Но именно подавляются, а не искореняются. При первом удобном случае, как мы это видели, самостоятельная мысль проявляется с неожиданной силой. Но здравый смысл и критическое чутье никогда не могут примириться с предписанным невежественным начальством определенным принудительным способом мышления и с установленными им же заранее, т. е. до самого процесса мышления, обязательными выводами. Было бы бесполезно отрицать, что советские философы и даже, в значительной степени, ученые вынуждены мыслить по указке коммунистической партии. Они не только не могут отклоняться от марксистских авторитетов, но даже, чтобы доказать свою преданность и усердие, они ссылаются на них и тогда, когда в этом нет никакой надобности. Например, советский академик не скажет о творении Коперника просто «гениальное», или «великое», или «бессмертное», но выразится так: «бессмертное, по оценке Энгельса, творение Коперника о вращении земли вокруг солнца»[66], хотя, конечно, этот избитый эпитет ничего не добавляет к славе Коперника и хотя в этой похвале дилетанта открытие Коперника менее всего нуждается.

Все хорошо помнят, как неумеренно восхищались советские философы и ученые «корифеем науки» Сталиным, как теперь оказалось, даже по советским данным, без всякого достаточного научного основания. Но умер Сталин, и советские философы и ученые стали преклоняться перед новыми авторитетами. Советские историки (при составлении истории Белоруссии) стали учитывать «указания товарища Лаврентия Берия». Другие, более осмотрительные (в том числе и известная О. Лепешинская), стали исходить из «замечательной речи тов. Маленкова на XIX съезде партии». Однако вслед за ликвидацией Берия пал и Маленков, и советские

---

62) Д. П. Горский и др., указ. ст., «Вопросы философии», № 4, 1954, стр. 203.

63) Н. К., Обзор рецензий на кн. «Диалектический материализм», там же, № 5, стр. 199.

64) Там же, стр. 201.

65) Там же.

66) Акад. С. Г. Струмилин, Наука и развитие производительных сил, там же, № 3, стр. 46.

философы вынуждены были основывать свои рассуждения на выступлениях Н. Хрущева.

В статье С. Морочника «Возможность и действительность — категории материалистической диалектики» эти в высшей степени абстрактные категории трактуются не в свете мыслей Канта, а в свете слов Н. Хрущева:

> «На сентябрьском пленуме ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущев, говоря о необходимости создать серьезные материальные стимулы для увеличения производства картофеля и овощей в колхозах, отметил, что в повышении заготовительных цен на картофель и овощи мы сделали все, что только было возможно: «дальнейшее повышение заготовительных цен на картофель и овощи невозможно». Именно потому, что дальнейшее повышение заготовительных цен на картофель и овощи невозможно, главная задача теперь, как указывает партия и правительство, состоит в повышении урожайности, в использовании всех имеющихся у нас возможностей для поднятия производительности труда [67]. Н. С. Хрущев в своем докладе на пленуме ЦК КПСС 3. 9. 1953 г. привел сравнительные данные по экономике колхоза «12 октября» и колхоза им. 1 мая Костромской области. Оба колхоза имеют примерно одинаковые возможности (расположены в одинаковых почвенных и климатических условиях), но результаты их деятельности различны. Один из колхозов («12 октября») является передовым, а другой (им. 1 мая) — отстающим, так как в первом колхозе — правильное партийное и колхозное руководство, а во втором — нет» [68].

Эти выдержки достаточно ярко характеризуют как степень свободомыслия советской философии, так и подчиненность ее партийным заданиям в ущерб философии. Конечно, все это — очень печальные страницы советской философии. Однако чрезвычайно важно отметить, что подобное партийное вмешательство в область философии воспринимается советскими философами: а) как нечто чрезвычайно унизительное для советских философов и б) как обусловливающее низкий уровень советской философии.

Проф. К. Бакрадзе кончает свое возражение «против ненаучной и недоброжелательной критики» следующими словами:

> «Обладая самым передовым научным мировоззрением — диалектическим материализмом, . . . мы все же отстали в разработке философских проблем. Нужно серьезно подумать о причинах этого отставания и выправить дело. Одной из причин такого отставания является низкий уровень философских знаний. Другой причиной является боязнь недоброжелательной, нетоварищеской критики, когда автору приклеиваются ярлыки: идеалист, антимарксист и т. д.
>
> Страх перед такой недоброжелательной критикой мешает нашей работе. Почему у нас нет до сих пор трудов об Аристотеле, Бэконе, Канте, Гегеле и т. д.? Почему до сих пор нет хорошего учебника по

---

67) С. Б. Морочник, Возможность и действительность — категории материалистической диалектики, «Вопросы философии», № 4, 1954, стр. 145.

68) Там же, стр. 150.

диалектическому материализму? Почему до сих пор нет ни одной статьи о предмете марксистской философии и т. д.? Объясняется все это не только неподготовленностью наших философских кадров, — конечно, и это одна из причин, — объясняется это и боязнью недоброжелательной критики. Зачем писать, зачем попадать под руку таким критикам, когда можно ничего не писать или писать общие, всем известные положения и ... жить спокойно?»[69].

4

Если так обстоит дело с философией в самом Советском Союзе, то в еще худшем положении очутилась советская философия в странах-сателлитах. Советская идеология распространяется в странах, зависящих от Советского Союза, но распространяются эти советские идеи не сами по себе, властно заражая умы своей убедительностью и привлекательностью, но по обязательному предписанию советского начальства. Здесь советские идеи принимаются не по убеждению, но по принуждению. Если мы возьмем такие страны, как Восточная Германия, Польша, Чехия, Венгрия и другие, где имеется давняя и интенсивная культура мысли, то, конечно, ученые и интеллигенция этих стран прекрасно понимают всю примитивность и грубость советских идей, которые им навязывают, и всю утонченность и развитость западных идей, в которых они вращались.

Очень интересен и поучителен в этом смысле отзыв о книге «Диалектический материализм» под ред. Г. Александрова чешских философов Румля и Слейшки, написанный ими по поручению Кабинета философии Чехословацкой Академии наук. Этот отзыв ясно говорит о том, что, признавая формально советский диалектический материализм, они вежливо, но определенно утверждают, что он им ничего не дает:

> «Диалектику нельзя сводить к сумме примеров ...[70] в книге нет ясных формулировок о соотношении физиологической и психической деятельности человека ... Недостаточно освещено соотношение формальной и диалектической логики ... Читатель не может понять, в чем диалектика является логикой[71] ... Не показано, в чем же состоит особенность связей явлений в социалистическом обществе[72] ... (относительно — А. Ф.) истории материализма и идеализма, диалектики и метафизики (эта история — А. Ф.) не содержит удовлетворительного исторического анализа, приводит к упрощенному представлению об истории философии[73] ... научный анализ в ней зачастую подменяется пустыми декларациями»[74].

В настоящее время советские логики уже вынуждены вести борьбу с польскими логиками-марксистами. М. Алексеев в своей статье о суждении,

---

[69] К. Бакрадзе, Против ненаучной и недоброжелательной критики, «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 224.

[70] В. Румл, Д. Слейшка, По поводу новой советской книги по диалектическому материализму, там же, № 5, 1954, стр. 194.

[71] Там же.

[72] Там же.

[73] Там же, стр. 195.

[74] Там же.

о которой мы уже говорили, останавливается на взглядах польского марксиста А. Шаффа, который заявляет:

> «Утверждение, что тело в одно и то же время находится в определенном месте и не находится в нем, — явно противоречиво. А. Шафф усматривает ложность, порочность, сумбурность, неправильность приведенного диалектического суждения. По его мнению, если движущееся тело находится в данной точке, то оно тем самым уже не движется ... а если оно движется, то не может находиться в данной точке ... это означало бы покой» [75].

В. Черкесов в своей статье о понятии, о которой мы также уже говорили, останавливается на другом польском логике-марксисте В. Рольбецком, который утверждает:

> «... нет и не может быть никакой иной логики, кроме формальной... По мнению В. Рольбецкого, классики марксизма лишь иногда употребляли термин «диалектическая логика», который к тому же является «недостаточно однозначным с точки зрения сегодняшнего этапа развития науки» [76].

Наконец, редакционная статья останавливается на той же самой статье этого же польского марксиста В. Рольбецкого, в которой польский логик не видит никакого внутреннего диалектического противоречия в излюбленном советском примере: буржуазная демократическая республика одновременно и хороша и плоха.

По мнению Рольбецкого, в этом примере нет двух противоречащих суждений:

> «... буржуазная республика с такой-то точки зрения хороша; буржуазная республика с такой-то точки зрения плоха. На этом, однако, не закончится анализ; в дальнейшем мы снова синтезируем эти два различных аспекта, которые составят общую картину явлений. Картина эта, однако же, теперь уже не будет внутренне противоречивой, так как благодаря более глубокому познанию предмета мы теперь уже не скажем, например, что «демократическая республика одновременно и «хороша» и «плоха» вообще, а скажем, что «с некоторых точек зрения она хороша, с других же плоха», причем эти точки зрения сумеем назвать» [77].

Конечно, очень трудно получить полное представление об учении польских логиков на основании только советского изложения. Кроме того, эти логики суть марксисты, но трудно судить, какую именно роль играет у них марксизм. Во всяком случае, и на основании советского изложения не может не быть ясным, что они высказывают, в общем, совершенно правильные общепризнанные положения логической науки, которые нельзя упразднить наивными диалектическими ухищрениями.

Можно насильно на время внедрить культивирование нелепости, но нельзя ожидать, чтобы разумные люди удовлетворились этим культом нелепости.

---

75) М. Н. Алексеев, указ. ст., «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 56.
76) В. И. Черкесов, указ. соч., там же, стр. 62.
77) Не настаивать на ошибках и не углублять, а преодолевать их (От редакции), там же, стр. 235.

Проф. Н. Н. Куликович

Достоевский на советской сцене в наши дни

Обращение советского театра к творчеству Достоевского в последнее время, после долгих лет преобладания остракизма, — факт уже сам по себе примечательный, а если прибавить к этому полярно противостоящие коммунистической доктрине идейные установки и взгляды Достоевского, широту масштаба (несмотря на это) в охвате его творчества, новые методы работы над спектаклями Достоевского, пропагандную шумиху, поднятую вокруг всего этого дела, и, наконец, реакцию общественного мнения на реабилитацию Достоевского как внутри СССР, так и особенно за границей, — то рассмотрение этого факта, принявшего политическую окраску, становится и вовсе необходимым.

Как известно, сам Достоевский не был драматургом в собственном значении этого слова. Его произведения, однако, по значительности тематики и содержания, по выпуклой образности, глубине и по яркости, насыщенности их подлинным драматизмом, совершенно естественно порождали мысль об их театрализации и инсценизации, что и было предпринято с наиболее известными повестями и романами Достоевского.

Для русского театра это приобретение было настоящим кладом, сокровищем, ценность которого нельзя определить, поскольку оно уходит и в далекое будущее. Московскому Художественному театру выпала честь вознести спектакли Достоевского (особенно такие замечательные постановки, как «Бесы» и «Братья Карамазовы») на такую вершину, что они приобрели эпохальное значение не только для этого театра, но и для всего психологического театра вообще, как направления в искусстве.

Мы делаем эти общие замечания лишь для того, чтобы показать, что театр Достоевского, как и театр Чехова и Горького, был открыт, жил, был понят и оценен еще до революции, а вовсе не советской властью, приписывающей себе без всяких доказательств всяческие находки вообще (давно найденные другими). Наоборот, говоря о театре Достоевского, есть все основания утверждать, что ничье наследие прошлого не подвергалось

таким нападкам, гонениям и репрессиям, как спектакли Достоевского. Если литературное творчество великого писателя как-то еще держалось, испытывало маневрирования в зависимости от конъюнктурных соображений большевистской тактики, то вопрос о показе произведений Достоевского на советской сцене был решен принципиально отрицательно. Конечно, артистическая среда до последней возможности и до последнего времени отстаивала творения Достоевского в их инсценировках, и можно было бы рассказать многое из истории этих усилий. Некоторые инсценировки романов и повестей Федора Михайловича вообще ускользнули от бдительности партийного ока в период нэпа, но уже в конце этого периода, когда МХАТ возымел желание (в 1929 г.) возобновить «Братьев Карамазовых», советская власть показала свое истинное отношение к Достоевскому. Поступок МХАТа превратился в проступок, вызвавший резкое осуждение партийной печати, и театр был обвинен в приверженности к идеологии, враждебной пролетарской диктатуре.

Даже известность и популярность руководства МХАТа в лице Станиславского и Немировича-Данченко не могли отстоять намерений театра [1].

В новом издании Советской энциклопедии [2] говорится о Чеховских и Горьковских спектаклях МХАТа, но ни одним словом не упоминается о Достоевском, и дореволюционные показы Достоевского МХАТом и, тем более, попытки возобновления их после революции предаются забвению. Собственно, этому не приходится удивляться, если принять во внимание разницу между изданием произведений Достоевского, где имеется возможность употребления предисловий, вводных статей, послесловий, заключений и редакторских примечаний, сносок (чтобы держать читателя в нужном направлении), и сценичным воспроизведением творений великого писателя, где действуют живые образы, эмоциональное воздействие которых огромно и запечатляюще. И если, вообще, психологический театр не был в духе тоталитарного режима, то тем более это должно было распространиться на театр Достоевского, театр великой правды, глубокого и проницательного противника коммунизма, яркого и убежденного обличителя коммунистической доктрины, существо которой Достоевский понял и раскрыл задолго до ее господства.

Рассматривая то, что происходит теперь в СССР с интересующей нас темой — Достоевский и театр, мы, на первый взгляд, не застрахованы от недоумения: как могло произойти восхождение Достоевского на советскую сцену в наши дни? Фактические данные показывают, что с советского театрального сезона 1955—1956 года имя Достоевского начало привлекать к себе внимание постановщиков-режиссеров, актеров, советского зрителя, а также научно-театроведческие круги, что, вне всякого сомнения, делается с согласия и даже одобрения партийно-советского руководства. По последним сообщениям газеты «Советская культура», органа Министерства культуры СССР, можно составить себе следующее наглядное представление об обращении театров СССР к творчеству Достоевского:

---

[1] В то время (1929) г.) МХАТ еще боролся за свои идейные позиции, см. Н. Бачелис, «Театральный фронт», журнал «Молодая Гвардия», № 21, 1929 г.

[2] П. А. Марков, Н. Н. Чушкин, Московский Художественный Академический театр им. М. Горького, БСЭ, т. 28, 1954, стр. 426.

Сезон 1955—1956 года (подготовлены и показаны)

Название театра	Наименование пьесы
МХАТ СССР	«Дядюшкин сон»
Киевский русский театр им. Франко	«Дядюшкин сон»
Новосибирский драматический театр	«Село Степанчиково»
Свердловский драматический театр	«Униженные и оскорбленные»
Театр им. Ленинского комсомола (Москва)	«Униженные и оскорбленные»
Смоленский драматический театр	«Униженные и оскорбленные»

Сезон 1956—1957 года (показаны и находятся в работе)

Название театра	Наименование пьесы
МХАТ СССР	«Братья Карамазовы»
Малый театр (Москва)	«Село Степанчиково»
Театр им. Вахтангова	«Идиот»
Театр им. Станиславского	«Идиот»
Театр им. Ермоловой	«Преступление и наказание»
Театр драмы и комедии (Москва)	«Униженные и оскорбленные»
Академический театр драмы им. Пушкина (Ленинград)	«Игрок»
Саратовский драматический театр	«Униженные и оскорбленные»
Красноярский драматический театр	«Преступление и наказание»
Белорусский драматический театр им. Я. Коласа	«Преступление и наказание»
Художественный театр им. Райниса (Латвия)	«Идиот»
Русский театр Узбекистана	«Идиот»

Эти данные говорят нам о том, что

а) над творчеством Достоевского работают 18 крупнейших и известнейших театров СССР;

б) тематически Достоевский представлен довольно полно (основные романы за исключением «Бесов»;

в) в показе Достоевского участвуют не только столичные, центральные театры, но и театры национальных, притом отдаленных республик. Небезинтересно указание в списке театра им. Ленинского комсомола (Москва), работа которого над Достоевским приобретает парадоксальный оттенок [3].

---

[3] Источником для таблиц явились данные, указанные в газетах «Советская культура» за август и сентябрь 1956 г.

Наиболее значительно и характерно здесь, однако, не количество театров, играющих Достоевского, а то идейное содержание, каким наполнены взятые им пьесы. От первых робких попыток «Дядюшкиного сна» и «Села Степанчикова» — произведений, где согласно определению советской критики, имеется еще «незаглохнувшая связь с традициями реалистической школы сороковых годов» [4], театры СССР шли все дальше, затрагивая уже опасные зоны партийного мировоззрения. Если «Униженные и оскорбленные» стояли на «грани добра и зла», то постановка «Преступления и наказания» преподносила зрителю «анархическую теорию о праве сильной личности на преступление», развертывала перед ним «отрицание общественных норм» (как полагали советские начетчики), направляла его (зрителя) «против революционно-демократических идей», воспроизводила «реакционную тенденцию» [5]. «Идиот» и «Братья Карамазовы» еще заметнее вели театры и зрителя к разрушению идеологических запретов. Так, образ князя Мышкина («Идиот»), сделанный «в духе... реакционных идеалов», наделенный «евангельской простотой и беззлобием» [6], становился на советской сцене образом положительного героя, образом прекрасного человека так же, как претворялись в положительных героев образы «ангелоподобного Алеши, церковного воителя Зосимы, «архиреакционера Ивана («Братья Карамазовы») [7]. Во всем романе «Братья Карамазовы» большевики давно поняли антикоммунистическую мысль Достоевского о том, что материализм и атеизм ведут к духовному краху [8]. Еще в свое время Луначарский возмущался тем, что «основным двигателем революции» Достоевский вывел Смердякова и смердяковщину [9].

Можно признать, что включение в театральный репертуар подобных произведений Достоевского является действительно «смелой заявкой» советских театров [10].

«Смелость» театров этим не ограничивается. Она выступает не только в заявках на пьесы Достоевского (инсценировки), но и в тех мотивировках, которыми руководство театров публично и во всеуслышание объясняет свое обращение к Достоевскому. В этом отношении представляет особый интерес и важность декларация театра им. Вахтангова — театра, который за последние годы идет в ногу с официальным партийным курсом и, таким образом, надо полагать, выражает мнение не одних своих руководителей и партийной организации театра, а и гораздо более высоких партийно-советских кругов. Постановкой «Идиота» Достоевского театр Вахтангова будет представлять в сезоне 1956—1957 г. русскую классику. По словам партийного директора театра (Абрикосова),

> «Обращение к творчеству гениального русского писателя не случайно: суровая правда жизни, реалистически раскрытая в напряженной борьбе, образы, цельные и самобытные, поразительная драматичность сюжета — все эти качества творчества Достоев-

---

4) БСЭ, ст. «Достоевский Ф. М.', т. 15, 1952, стр. 148.
5) Там же.
6) Там же.
7) Там же.
8) Там же.
9) А. Луначарский, Достоевский Ф. М., БСЭ, т. 23, 1931, стр. 332.
10) А. Анастасьев, В ожидании современника, «Советская культура», 10. 7. 1956.

ского созвучны творческим поискам театра имени Евг. Вахтангова»[11] (Разрядка Н. К.).

Не менее многозначительным фактом в завоевании Достоевским советской сцены является ясно выраженный поворот в его сторону советского театроведения, ранее не осмеливавшегося сказать в этом вопросе что-либо вообще. Сейчас уже стало принятым говорить и поучать театры о «глубине мысли Достоевского, его размышлений о человеческих судьбах»[12], заострять обладание Достоевским «необычайной силой раскрытия затаенных глубин человеческой души», «психологической правды»[13]. Вот что по этому поводу говорит одна из компетентных театральных критиков (народная артистка Е. Карякина):

> «Я убеждена, что этот спектакль (речь идет о спектакле «Униженные и оскорбленные» в театре им. Ленинского комсомола. — Н. К.) ...стал существенной школой воспитания артиста ...потребовал полного отрешения от всех привычных актерских приспособлений... Я уверена, что исполнители... прошли еще один отрезок пути к мастерству»[14] (Разрядка Н. К.).

Здесь же отмечаются и особая «природа спектакля» Достоевского, стиль его письма, роль слова в его спектакле, что «становится живым воплощением тревожного писательского нерва»[15].

Можно было бы и далее умножать «победы» Достоевского в советском театре, но и приведенное здесь оказалось достаточным, чтобы «прогрессисты», находящиеся по эту сторону, увидели в этих фактах доказательства и доводы наличия новой эпохи в эволюции советской власти. Внимательный и более глубокий анализ происходящих сдвигов, однако, ведет совсем к другим выводам.

Мы не должны, во-первых, забывать, что весь этот поворот к Достоевскому происходит в связи с тактическими (но не принципиальными) изменениями в политическом курсе нового «коллективного руководства» КПСС, которое было вынуждено прибегнуть и к амнистиям и к реабилитациям. В этих условиях дальнейшее замалчивание такого гиганта как Достоевский было бы нецелесообразно и даже вредно для нового курса, в то время, как, наоборот, его реабилитация после владычества «культа личности» была на руку послесталинскому руководству. Во-вторых, перемена отношений к Достоевскому совпадает с юбилейными датами писателя (135 лет со дня рождения и 75 лет со дня смерти в 1956 г). Эти юбилеи настолько известны во всем мире, что оставить их втуне было бы невозможно, да и опять-таки невыгодно верхам. «Коллективному руководству» чрезвычайно важно общественное мнение как внутри страны, так и особенно за рубежом, и в этом статья покровительства искусству входит совсем немаловажным плюсом в расчеты партии и правительства, в чем нас убеждает хотя бы обилие современных гастролей советских актеров по земному шару, организуемых по инициативе ЦК КПСС. Имя Достоевского в деле создания выгодного коммунистам мнения о советской политике в искус-

---

11) Наши творческие планы, там же, 24. 7. 1956.

12) И. Вишневская, Единый замысел, там же, 21. 7. 1956.

13) В. Гаккебуш, Авторский замысел и его режиссерская трактовка, там же, 14. 8. 1956.

14) Т. Карякина, Богатство и мастерство, там же, 26. 7. 1956.

15) Там же.

стве было очень важной позицией. О том, что все эти мероприятия достигли своей цели и произвели впечатление на зарубежное общественное мнение, говорит само муссирование вопроса об эволюции режима в СССР, возглавляемое так называемыми прогрессистами. И все же приведенные выше факты еще не составляют главного, не говорят еще о тех основных и существенных причинах, которые несомненно существуют в деле обращения советского театра к Достоевскому. Большевистская практика управления страной накопила солидный опыт подчинения всей жизни в Советском Союзе партийной политике, ее целям, интересам и задачам. Даже тактические отступления власти, смягчение режима и либерализация (конечно, в известных пределах только) обращаются партией в свою пользу. Восхождение Достоевского на советскую сцену ничем не отличается от всякого другого мероприятия, совершаемого в интересах политической пропаганды. Уже в том, что реабилитация раньше неугодного писателя была рассчитана на сенсацию, можно угадать нарочитость и предвзятость. В советской действительности никакая, тем более «смелая», заявка не возникает без согласования и разрешения высшей партийной институции. Когда же от последней (как в случае с Достоевским) исходит и сама инициатива обелить то, что еще недавно было черным, то сомнений в том, что налицо очередной партийный ход, зигзаг, быть уже вовсе не может. Конечно, в самих кругах советской художественной интеллигенции действительно существуют вполне искренние и чисто эстетические мотивы восторженности перед творчеством провидца душ человеческих. Именно так следует расценивать и большинство тех деклараций, заявлений, статей и научных мыслей, которые, пользуясь наступившим периодом «либерализма», воздают заслуженную хвалу вновь открытому гению. Но что касается советской власти, то она, разрешая и поощряя все эти славословия Достоевскому и даже заявляя о *совпадении интересов партии и работников искусства*, конечно, от такой искренности далека, поскольку не может отойти от закона партийности в искусстве. Полезно сказать, что в этой осторожности, опаске и боязни театров сделать «смелые заявки» на Достоевского, включить его произведения в свой репертуар (из сотни театров это сделали, как было показано выше, всего лишь двенадцать) уже ясно выступает недоверие их новому курсу, сомнение в его прочности, в его долговечности. Театры предпочитают пока отсидеться и приглядеться.

Мы полагаем, что пора Достоевского войти на советскую сцену наступила потому, что он стал нужен партии для ее чисто утилитарных целей, именно он, Достоевский. Развенчание культа личности, с одной стороны, провал в становлении и отображении в театре советского положительного героя, существующего лишь в партийной пропаганде, с другой стороны, предрешили ставку на «простых людей» и в области художественной политики. Пришлось заняться изучением психики этих рядовых членов общества, отысканием в них высоких положительных качеств, поставить задачу перевоспитания, обращения в героев. Вот здесь-то и открылось спасение в Достоевском, возвышавшимся в вопросе тайноведения душ даже среди великанов прошлого, не говоря уже о советских писателях и драматургах, ничего, кроме голых схем, еще не создавших для советского театра. Что именно в эту сторону было направлено партией использование Достоевского в советском театре, свидетельствует сама советская прес-

са. Так, например, в одной из рецензий на спектакль «Униженные и оскорбленные» (Свердловского театра, на гастролях в Москве) мы читаем:

> «В этих холодных мансардах и маленьких мещанских квартирах, особенно взволнованно звучит рассказ о загубленных жизнях, о праве человека на счастье.
>
> Тему оскорбленного, но гордого человеческого достоинства как бы сконцентрировал в себе образ Нелли... Актрисе удалось передать и психологическую конкретность характера, и его обобщенное социальное звучание. Понимание Достоевского как певца маленького, но неподкупного человека раскрыто... в роли Ивана Петровича, забывающего о личном счастье ради жизни ближнего... Герой этот, по существу определяющий идейное звучание спектакля...» (Разрядка Н. К.) [16].

Рецензент здесь же особо акцентирует «глубины мысли Достоевского, его размышления о человеческих судьбах», его «философское осмысление характеров и событий» [17].

В статье, посвященной обсуждению режиссерской трактовке Достоевского, критик прямо указывает: «наш интерес к Достоевскому вызывает гуманистическая тема в его творчестве» [18].

Очень важно сказать, что возврат к идеям и темам Достоевского был взволнованно и глубоко воспринят советским актером и советским зрителем. После ходульных советских героев правдивые образы Достоевского сразу же нашли путь к сердцам, чистота которых, значит, сохранилась и после почти сорока лет. Советская власть и это обстоятельство использовала в своих целях, стремясь подменить право человека на счастье — счастьем социалистического человека, любовь к ближнему — дружбой советских народов (классовой дружбой), неподкупность — коммунистической честностью, жертвенность — советским патриотизмом и т. д. Наряду с гуманистической темой Достоевского, толкуемой в рамках социалистического, пролетарского «гуманизма», партийная политика не забывала направить курс на «социальное звучание» спектаклей Достоевского, на разжигание тех элементов, которые годились бы для бичевания старого общества, его опорочивания в глазах советского зрителя, возбуждения в последнем «гражданской ненависти» ко всему «отжившему» (классовая борьба).

Отсюда следует, что подлинного, настоящего Достоевского советский зритель в театре не видит и не увидит, — ему преподносится по существу другой автор, препарированный по советской методологии и советскими методами. Для этого в распоряжении партийного идеологического руководства есть много средств и приемов:

а) социалистический заказ автору инсценировки,

б) социалистический заказ постановщику-режиссеру,

в) контрольная приемка спектакля от театра,

т. е. система воздействия как предварительного, так и последующего.

---

[16] И. Вишневская, указ. ст., «Советская культура», 21. 7. 1956.
[17] Там же.
[18] В. Гаккебуш, указ. ст., там же, 14. 8. 1956.

Ни одна дореволюционная инсценировка, даже такого театра, как МХАТ, не была допущена теперь к исполнению, и все повести и романы Достоевского получали новое сценическое воплощение [19], в котором авторы теперешних инсценировок должны были учесть идейные установки партии, стержневые линии, по которым ей было угодно направить внимание зрителя. Постановщику-режиссеру давалось задание «переосмыслить идейные установки» Достоевского, «решительно усилив остроту... социального звучания» [20]. За весь облик спектакля несли ответственность партийные директоры, партийные ячейки, художественные советы театров, приемочные комиссии Главного Театрального управления Министерства Культуры.

Как на один из примеров «нового прочтения» Достоевского должно указать и на трактовку роли князя Валковского («Униженные и оскорбленные» в Свердловском театре, показанные на гастролях в Москве) в плане чрезвычайно хитрого и тонкого классового врага, злого гения добрых и честных людей, дурного и циничного человека.

Его играют,

> «подчеркивая безукоризненную вежливость, ...милую любезность, обаятельную светскость. И в контрасте с этой внешней обходительностью особенно выразителен страшный внутренний мир Валковского. Самые слова «добродетель», «чистая девушка», «благородное создание», которые он произносит, неорганичны... Валковскому, они сразу же выделяются в его речи, как чужие, наигранные, «обманные» слова» [21].

Стремление «переосмыслить» Достоевского по-советски нередко приводит к такой вульгаризации, что становится зазорно и самим вдохновителям подобного подхода. На сцене Киевского театра им. Франко недавно была поставлена (режиссером Брилль) инсценировка повести Достоевского «Дядюшкин сон», причем постановщик сделал из нее «сатирический спектакль», наполнил его внешним комизмом, всячески подчеркивал «анекдотическую остроту ситуации», раскинул «калейдоскоп комедийных положений», стремясь «любыми способами осмеять «скандальное происшествие» [22].

Спектакль этот, благополучно принятый комиссией и поставленный в столице Украины, имеет слишком мало общего с Достоевским и его психологической правдой. Профанированными оказались и тематическая, и стилевая основы произведения. Критика, правда, взяла под обстрел (легкий) эту постановку, но ведь право режиссера прочитать по современному Достоевского не только осталось, но и является обязанностью в советском театре. Препарированию открыта широкая дорога.

Более или менее развернутое показание о существе «нового прочтения» Достоевского в советском театре мы находим в статье Ю. Щербако-

---

[19] Так «Униженные и оскорбленные» сделаны были Рахмановым и Юлкевичем, «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково» — Эрдманом, «Преступление и наказание» — Радзинским, «Идиот» — Ю. Олеша, Братья Карамазовы» — Ливановым.

[20] В. Гаккебуш, указ. ст., «Советская культура», 14. 8. 1956.

[21] И. Вишневская, указ. ст., там же, 21. 7. 1956.

[22] Там же.

ва «Когда театр ищет», помещенной в одном из сентябрьских нумеров газеты «Советская культура»[23] и представляющей из себя рецензию на гастрольную постановку в Москве Красноярского областного драматического театра инсценировки «Преступления и наказания» Пьеса (С. Радзинского) начинает действие (как это вытекает из материала рецензии) собственно уже после совершения убийства (персонажи, связанные с последним, и само преступление в инсценировке не показаны) и со 2-й картины сосредоточивает внимание на «душевном потрясении» Раскольникова, на поединке его со следователем (Порфирием) и нагнетании процесса идущего возмездия; «самого страшного ... — «наказания»:

> «Ход спектакля, — говорится в статье, — постепенно, шаг за шагом, покажет всю г л у б и н у с о ц и а л ь н о г о г н е т а и н е с п р а в е д л и в о с т и, глубину безысходного человеческого унижения, горя и нищеты, которые привели Раскольникова к преступлению»[24].

Когда первый вариант финала пьесы, сделанный автором инсценировки по роману Достоевского и оканчивающийся сценой Раскольникова с Соней, был прочитан театром (а это значит прежде всего партийным руководством), то он не удовлетворил постановщиков, и появился новый, который уже «выправлял» этот недостаток великого писателя.

> «Не случаен, — пишет рецензент, — и отказ театра от финала, предложенного в одном из вариантов пьесы. Известно, что с л а б ы м м е с т о м р о м а н а я в л я е т с я е г о э п и л о г» (Разрядка Н. К.)[25].

Автору инсценировки предлагается о т б р о с и т ь «...религиозно-примиренческие мотивы эпилога романа» и построить концовку

> «...на признании Раскольникова (вместо любовной сцены с Соней. — Н. К.) в совершенном им преступлении, что, кажется нам (т. е. советским людям. — Н. К.), придает спектаклю более лаконичное и г л у б о к о е з в у ч а н и е и в ы я в л я е т о б л и ч и т е л ь н у ю с и л у гениального романа Достоевского» (Разрядка Н. К.)[26].

Подобные же подходы оказались и постановочной линией спектакля. Лейтмотивом всего показа режиссура сделала мотив петербургской дворовой шарманки как символ бедного и страшного существования.

Образ Раскольникова понимают

> «...не как декларацию «права сильного», не как проповедь ницшеанства... Его рассуждения (т. е. Раскольникова. — Н. К.) воспринимаются как попытка... оправдать себя... а за каждым словом утверждения — вопросительная интонация... начинается самое страшное в жизни Раскольникова, начинается «наказание»[27].

Режиссер (А. Дунаев) и артисты

> «...не боятся т е н д е н ц и о з н о с т и в своем отношении к героям Достоевского» (Разрядка Н. К.)[28].

---

23) Ю. Щ е р б а к о в, Когда театр ищет, «Советская культура», 29. 9. 1956.
24) Там же.
25) Там же.
26) Там же.
27) Там же.
28) Там же.

Образ Сони освобождается от «религиозного фанатизма» и делается «земным» [29].

Художник (Г. Волков) показывает Петербург

> «...скупыми, выразительными деталями. Единый, почти не меняющийся на протяжении всего спектакля пейзаж, воссоздающий образ жестокого, холодного города, пейзаж, в который вписываются маленькие жалкие конурки, наполненные страдающими людьми. Художник понял, как важен этот скупой пейзаж для создания образа, атмосферы спектакля» (Разрядка автора. — Н. К.) [30].

Совершенно ясно, какой Достоевский и какая «атмосфера» в его спектаклях нужна сейчас партии в целях воспитания своих подсоветских граждан. Постановка «Преступления и наказания» Красноярским театром потому и была расхвалена московской критикой, что она, будто бы, подошла к раскрытию «...самого дорогого для нас в творчестве гениального художника» [31] и что на самом деле является фальсификацией.

Следует сопоставить подход советских театров к творчеству Достоевского с мыслями литературного партийного критика Ермилова (ему партией «отдан на откуп» Достоевский и поручено злободневное его истолкование), выраженными им в последней статье и главным образом в главе о «Преступлении и наказании» [32].

Этот роман Достоевского, по Ермилову, именно и раскрывает бесчеловечность капиталистического общества, безвыходность человека в его «удушливой атмосфере». Убийства, страшного преступления Раскольникова большевики не прощают не потому, что оно идет против Божьей заповеди «не убей», а потому, что оно совершается не во имя коммунистических целей и задач, не в духе коммунистической морали (когда все позволено). Раскольников, по Ермилову, есть отщепенец, взятый как тип, его образ клевета на молодое поколение. Всю христианскую, религиозную, всю «буржуазно-морализирующую» подоплеку из Достоевского следует убрать, оставив в назидание потомству лишь обличения, разоблачения и бичевания старого мира. Если таковых и нет, то их следует найти средствами социалистического реализма.

Установки, следовательно, одни и те же и в литературе, и в искусстве, и, в частности, в театре. Везде видна одна направляющая, корректирующая и контролирующая рука.

Имея в руках все возможности фальсификации на свой лад Достоевского на советской сцене, партийное руководство, естественно, и не очень опасается «реакционности» Достоевского и проповеди «церковщины». Все это при желании можно в той или иной степени убрать и даже более: — перевести на другие объекты, приписать и смердяковщину врагам революции, а не ее деятелям, как это сделал писатель, о чем нам еще придется говорить несколько ниже.

При всех этих манипуляциях самый факт поворота к Достоевскому в советском театре уже не покажется сенсацией, а получает совсем иное освещение. Мы видим, что новое «коллективное» партийное руководство,

---

29) Ю. Щербаков, указ. ст., «Советская культура», 29. 9. 1956.
30) Там же.
31) Там же.
32) В. Ермилов, Ф. М. Достоевский, «Новый мир», № 12, 1955, стр. 159.

в сущности, пользуется здесь уже давно известными способами и приемами, изобретенными и применявшимися еще в первые периоды существования советской власти. Возьмем хотя бы конъюнктурные мотивы реабилитации Достоевского, которая совершалась и снова отменялась много раз. Ленин и его сподвижник по культурным вопросам Луначарский официально выступали против Достоевского. Луначарский считал, что «динамизм пролетариата, утверждения и отрицания его борьбы — полярно далеки от переживания Достоевского... подчинение ему в чем-либо есть вообще вещь для пролетариата не только вредная, но и позорная и вряд ли вообще возможная [33]. Тем не менее, из тех же соображений создания общественного мнения это было как раз время, когда Достоевский переиздавался относительно более свободно. Сталинщина и ждановщина больше всего клеймили Достоевского. Однако и тогда, в моменты вынужденной либерализации, а также юбилейных дат памяти писателя, для последнего, в целях пропаганды, делались и даже не малые смягчения и уступки. Особенно характерен пример реабилитации Достоевского в годы второй мировой войны, возведение его в исторические великие имена русских патриотов, когда советская критика находила даже оправдание «Бесам» Достоевского [34] — этому «яростному пасквилю против русского освободительного движения», «знамени политической реакции» [35].

До такой смелости не дошло еще и теперешнее новое советское руководство.

Не меньшую традиционность имеет при Советах и способ фальсификации Достоевского. Заметим, что все «переосмысливания» (по инициативе Ленина) творческого наследства Достоевского как раз шли по линии особого акцентирования «гуманизма» (в советском смысле) и обличительства. И в сталинское время критика «очищала Достоевского от наслоений», выдвигала «маленьких людей», которых изображал писатель, «раскрывая их человеческое достоинство, душевную чистоту и благородство» [36] заостряла «глубокие обличения... критику капитализма» у Достоевского, указывая, что роль и значение его в литературе определены «именно обличительным содержанием» [37].

Буквально то же говорят сейчас советские театральные критики, буквально то же выдвигают и заостряют советские постановщики-режиссеры.

Превращение отрицательных образов в положительные и наоборот опять-таки изобретено ранее и достигло особого искусства в сталинский период. Достаточно упомянуть здесь только такой факт, как новое прочтение тех же «Бесов» Достоевского, в котором угодническая критика в образах романа нашла гениальное предвидение фашистских немецких извергов [38], свалив таким образом вину с одних исторических преступников на других. После таких «исследований» не было ничего невозможного и в постановке «Бесов» на советской сцене еще тогда. Современная политика идет и здесь по указанным дорожкам. Если уже разрешены

---

33) А. Луначарский, Достоевский Ф. М., БСЭ, т. 23. 1931, стр. 332.
34) В. Ермилов, О Достоевском, «Литература и искусство», № 36, 5. 9. 1942.
35) Достоевский Ф. М., БСЭ, т. 15, 1952, стр. 148.
36) Там же.
37) Там же.
38) «Литература и искусство», № 36, 5. 9. 1942.

«Братья Карамазовы», то разрешение «Бесов» в советском театре — логическая последовательность, вопрос лишь во времени и в нахождении ловких рук.

Но как бы далеко ни зашли «реабилитация» Достоевского и показ его «созвучия современности», для каждого коммуниста идеологически Достоевский, несомненно, был, есть и останется классовым врагом. В этом случае взгляды Ленина и первого пролетарского писателя Горького, называвшего Достоевского «архискверным» [39], останутся непреложным авторитетом и заветом и для нового, «коллективного руководства». Смешно было бы поверить в искренность такого парадоксального явления, как постановка произведений Достоевского на сцене театра имени Ленинского Комсомола, и в признание роли Достоевского в этом кругу как учителя жизни. Только конъюнктурные, пропагандные соображения и обстоятельства могут объяснить подобные факты. Суть же дела говорит за то, что борьбу против Достоевского «продолжают советские писатели и советская критика» [40], что, как сказано в книге, выпущенной только год назад (т. е. с согласия и одобрения нового руководства), советские люди не могут

> « . . . «забыть», «простить» Достоевскому . . . ослеплявшую его мрачную злобу против лучших демократических сил» [41].

Подлинного Достоевского советская власть в театр не допустит, у нее нет для него прощения.

---

39) Достоевский Ф. М., БСЭ, т. 15, 1952, стр. 148.
40) Там же.
41) В. Ермилов, Ф. М. Достоевский, «Новый мир», № 12, 1955, стр. 159.

Проф. А. С. Коцевалов

Кризис науки об античной древности в Советском Союзе

Придя к власти, большевики почти совсем упразднили науку о древности [1]. Особенно плохо пришлось классической филологии. После ликвидации в 1921 году историко-филологических факультетов преподавание латинского языка в гимназиях и классической филологии в университетах восстановлено не было. Причиной этого, как говорится в статье «Классическая филология и ее задачи» [2], отчасти было «отношение к классической филологии школы М. Н. Покровского, все еще находившегося под впечатлением царского реакционного школьного классицизма». По данным этой статьи, латинский и греческий языки преподавались историкам и лингвистам в Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук и в Государственной Академии искусствознания. В этих учреждениях, в античных секциях, разрабатывались и проблемы античной литературы. Также в Институте красной профессуры, наряду с античной литературой для античников (историков и словесников), преподавались древние языки; они изучались также и аспирантами Академии истории материальной культуры.

В 1932 году в Москве был открыт Институт философии, литературы и истории (МИФЛИ) и такой же институт в Ленинграде. Эти институты исполняли функции филологических факультетов. В них и были открыты новые отделения классической филологии. Впоследствии эти ин-

---

[1] В настоящей статье дается только общая характеристика положения науки о древности в Советском Союзе. О методах работы советских ученых на конкретном материале см. А. Коцевалов, Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании, издание Института по изучению СССР, серия 1, вып. 19, Мюнхен, 1955; Он же, Античное рабство и революции рабов в советской исторической литературе, там же, серия 1, вып. 30, Мюнхен, 1956; проф. А. Миллер, Археология в СССР, там же, серия 1, вып. 12, Мюнхен, 1954; Он же, Archeology in the USSR, Research Program on the USSR, Frederick A. Praeger Publishers, New York, 1956.

[2] Классическая филология и ее задачи (Редакционная статья), «Вестник древней истории» (ВДИ), № 2, 1947, стр 3—8.

ституты вошли в состав Московского и Ленинградского университетов в качестве филологических факультетов. В дальнейшем классические отделения стали открываться в других университетах — Тбилисском, Харьковском, Томском (с 1941—1942 учебного года), Казанском (с 1944—1945 г.), Латвийском (с того же года); преобразовано отделение классической филологии во Львовском университете. Приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 4 февраля 1944 года был увеличен прием на классические отделения университетов и создано новое отделение классической филологии в Московском государственном педагогическом институте. Наконец, решением Министерства народного просвещения с 1949 учебного года в некоторых школах Москвы, Ленинграда и нескольких других городов введено преподавание латинского языка. Как сообщала «Литературная газета» 2 августа 1952 года, в новом учебном году в тридцати двух средних школах РСФСР вводится преподавание латинского языка. Издано несколько учебников латинского и греческого языков [3]), учебников и хрестоматий по истории греческой и римской литературы [4]); вышли в свет некоторые школьные издания латинских авторов [5]); уделяется довольно большое внимание методике преподавания латинского и греческого языков [6]); организуются заседания кафедр классической филологии, на которых читаются научные доклады [7]).

---

3) С. И. Соболевский, Грамматика латинского языка, Москва, 1939; Он же, Хрестоматия по латинскому языку, ч. 1, Москва, 1938; Он же, Грамматика латинского языка, Часть первая. Теоретическая морфология и синтаксис, изд. 3-е, Изд-во литературы на иностранных языках, Москва, 1950; А. Н. Попов и П. М. Шендяпин, Латинский язык. Элементарный курс, хрестомантия, грамматика, словари, издан в качестве элементарного учебника для вузов, Москва, 1945; Учебники латинского языка Я. М. Боровского и А. В. Болдырева, Н. Г. Крихацкого, А. Н. Попова для заочников; С. Кондратьев и А. Васнецов, Учебник латинского языка для 8—10 классов средней школы, Учпедиздат, Москва, 1948; Я. М. Горовский и А. В. Болдырев, Латинский язык, издание 2-е, 1949; Учебник греческого языка А. Н. Попова; С. И. Соболевский, Древнегреческий язык, Учебник для высших учебных заведений, Издательство литературы на иностранных языках, Москва, 1948.

4) Н. Ф. Дератани, История римской литературы, 1929; Античная литература, под ред. Н. Ф. Дератани, Государственное социально-экономическое издательство, Москва, 1940; С. И. Радциг, История греческой литературы, издание Академии наук СССР, Институт мировой литературы им. Горького, 1940; История греческой литературы под редакцией С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга, З. Г. Гринберга, Ф. А. Петровского, С. И. Радцига, т. I — Эпос, лирика, драма классического периода, издание Академии наук СССР, Москва—Ленинград, 1946; И. М. Тронский, История античной литературы для филологических факультетов и педагогических институтов, Ленинград, 1946; Н. Ф. Дератани, С. П. Кондратьев, Н. А. Тимофеева, Хрестоматия по античной литературе для вузов, издание 4-е, т. II — Римская литература, 1949; Зразки по старо-грецькій та римській художній літературі, упорядкував проф. О. І. Білецький, Харків, 1946.

5) Например, Энеида Вергилия, вводная статья и комментарий М. М. Покровского, Москва, 1946; Записки о Галльской войне Ю. Цезаря, кн. 2 под редакцией С. И. Соболевского, Москва, 1946; Овидий, Избранные произведения под общей редакцией М. М. Покровского, Москва, 1946.

6) В. С. Соколов, К вопросу о методике и методологии учебников по древним языкам, ВДИ, № 4, 1949, стр. 189—197; Б. И. Надэль, О постановке преподавания древних языков, ВДИ, № 3, 1948, стр. 132—135; П. И. Глебов, Еще раз об учебниках латинского языка для средней школы, ВДИ, № 3, 1950, стр 145—148.

7) Отчеты об этих заседаниях, ВДИ, № 4, 1946, стр. 215; № 1, 1948, стр. 150; № 3, 1948, стр. 181.

Научное изучение классических языков едва ли было возможно в эпоху Н. Марра.

Как говорит Н. Дератани в своей рецензии на книгу И. М. Тронского, «Очерки из истории латинского языка»,

> «Н. Я. Марр и его последователи недооценивали научное значение классических языков для общего языкознания. Они использовали из них лишь термины и собственные имена в целях демонстрации пресловутого четырехэлементного палеонтологического анализа» [8].

Данная книга И. М. Тронского представляет собой самостоятельное и довольно серьезное руководство, хотя оно и не дает систематической исторической грамматики латинского языка [9].

Официальные данные не совсем соответствуют фактическому положению науки в Советском Союзе. Партия и советская власть не признают классическую филологию, историю, археологию самостоятельными науками, имеющими свои цели и свои методы. По мнению партии, эти науки имеют право на существование лишь постольку, поскольку они подкрепляют положения марксизма и другие идеи, выдвигаемые партией. Конечно, классическая филология была упразднена в первые годы революции за ненадобностью, а не потому, что в глазах М. Н. Покровского она ассоциировалась со старым реакционным классицизмом [10]. О том, что исследования классических филологов, по мнению партии, были совершенно бесполезными, показывают статьи о крупнейших русских филологах в Большой советской энциклопедии.

Так, о С. А. Жебелеве мы читаем следующее:

> «В 1928 году Жебелев возбудил негодование советской общественности помещением в одном из белогвардейских изданий статьи, содержащей выпады против Октябрьской революции [11]. Научно-исследовательская деятельность Жебелева относится к области древней истории, археологии и сакрального быта. Им выполнен также ряд переводов греческих классиков ... Наибольшее значение в научной деятельности Жебелева имеют именно эти переводы. Исторические работы Жебелева, несмотря на стремление автора к историчности, проникнуты духом старой германской филологии, а работы по ар-

---

8) См. рецензию проф. Н. Ф. Дератани на книгу И. М. Тронский, Очерки из истории латинского языка, Издательство Академии наук СССР, Москва— Ленинград, 1953, ВДИ, № 3, 1954, стр. 95.

9) Там же, стр. 95—99. Укажем также, что в 1938 г. я написал по договору с Институтом языка и мышления Академии наук СССР исследование «Грамматика античных греческих надписей северного побережья Черного моря. Фонетика, словообразование, морфология, словоупотребление (продолжение моего «Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum, Graecarum orae Septentrionalis Ponti Euxini. Eus Supplementa, v. 12, Leopoli, 1935. Однако акад. С. Жебелев предупредил меня тогда, что книга не будет скоро напечатана.

10) Классическая филология и ее задачи (Редакционная статья), ВДИ, № 2, 1947.

11) Как мне рассказывал покойный акад. В. П. Бузескул, С. А. Жебелеву инкриминировалось помещение статьи в Seminarium Kondakovianum, т. 2, Прага, 1928, и переписка с М. И. Ростовцевым.

хеологии полны эклектизма, переходящего порой в чистую компиляцию» [12].

О В. В. Латышеве:

«В настоящее время труды Латышева ценны лишь благодаря собранному в них богатому материалу, касающемуся государственного строя и топографии древнегреческих колоний» [13].

О Ф. Ф. Зелинском:

«Зелинский — принципиальный идеалист, методология его эклектична и сводится к обновлению филологического метода психологическими установками... Обобщения Зелинского часто проникнуты ложной идеализацией античности» [14].

Наконец, о С. И. Соболевском, выдающемся знатоке греческого синтаксиса [15], равно как и о Н. И. Новосадском, известном эпиграфисте, в Большой советской энциклопедии вовсе не упомянуто.

В настоящее время отношение советской власти к классической филологии мало изменилось. Поле деятельности классических филологов в Советском Союзе весьма ограничено, и большевики и теперь полагают, что чуть ли не единственной задачей классических филологов является издание элементарных учебников греческого и латинского языков и руководств по истории античных литератур, организация преподавания древних языков и истории греческой и римской литературы (в марксистском духе) для историков, литературоведов, лингвистов в высшей школе и подготовка кадров преподавателей латинского языка для средней школы [16]. Вопросы восстановления и толкования текста древних авторов, как и детальное изучение исторической грамматики греческого и латинского языков, советскую власть совсем не интересуют. Мало того, можно с уверенностью сказать, что восстановление древних языков в высшей и средней школах носит исключительно демонстративный характер и советская власть совсем не заботится о создании кадров историков, литературоведов, лингвистов, которые действительно могли бы самостоятельно и критически разбирать в оригиналах тексты греческих и латинских авторов. Латинский язык введен только в старших классах весьма немногих средних школ, в некоторых высших учебных заведениях, например, в Московском педагогическом институте им. Ленина латинский язык то вводится, то снимается, то снова допускается лишь как факультативный курс [17]. Филологический факультет Московского университета отказался в 1949 и 1950 гг. от приема студентов на классическое отделение [18]. Вследствие этого в советских вузах практические занятия по истории Греции и Рима, античной литературе и т. д. проводятся не по оригиналам, а по пере-

---

[12] Большая советская энциклопедия (БСЭ), 1-е изд., т. 24, 1932, стр. 655.

[13] Там же, т. 36, 1938, стр. 105.

[14] Там же, т. 26, 1933, стр. 562.

[15] Вспомним хотя бы магистерскую диссертацию С. И. Соболевского «De praepositionum usu Aristophaneo», Москва, 1890 и его докторскую диссертацию «Syntaxis Aristophaneae capita selecta: de sententiarum conditionalium, temporalium, relativarum formis et usu», Москва, 1892.

[16] Классическая филология и ее задачи (Редакционная статья), ВДИ, № 2, 1947.

[17] Там же.

[18] О подготовке кадров специалистов по истории древнего мира (Редакционная статья), ВДИ, № 4, 1950.

водам. Переводы античных авторов появляются теперь в большом количестве [19], но рецензенты этих переводов, за исключением некоторых старых ученых, начавших свою деятельность еще до революции, например, проф. С. Я. Лурье, обыкновенно, не интересуются вопросом о том, насколько эти переводы соответствуют оригиналам, не производят сличения переводов с оригиналами, и, например, проф. С. Протасова в своей рецензии [20] на перевод избранных биографий Плутарха под редакцией проф. С. Я. Лурье [20a] пишет, что для оценки переводов следовало бы проделать кропотливую работу сопоставления с прежним переводом Алексеева, забывая даже о том, что, кроме сопоставления одного перевода с другим, должно было бы сопоставить перевод также с оригиналом.

Ученые цитируют обыкновенно античные тексты по переводам, часто даже не производя сличения перевода с оригиналом, и, например, акад. В. В. Струве, цитируя Полиена (VI, 9), заявляет: «Я следую переводу, данному в ВДИ, № 2, 1948, стр. 217» [21].

О полном отсутствии интереса у большевиков к науке о древности, особенно к классической филологии, свидетельствует хотя бы тот факт, что уже давно правительство перестало выдавать провинциальным университетам ассигнования на приобретение книг по классической филологии, античной истории и т. д. из-за границы и, например, Харьковский университет перестал выписывать такого рода книги из-за границы еще с начала тридцатых годов. Но и столичные университеты приобретают не много иностранных книг по античности, и благодаря этому в трудах советских ученых можно отметить частые недоразумения, находящие себе объяснение в незнакомстве советских ученых с новейшей иностранной литературой [22].

Как сильно регрессировала советская классическая филология, показывает история публикаций советскими учеными собраний античных текстов корпусного характера, являющихся в значительной мере основанием какой бы то ни было работы по истории античного мира. В двадцатых и тридцатых годах некоторым советским ученым благодаря их героическим усилиям удалось опубликовать за границей и в Грузии, в которой влияние большевиков долгое время было не таким сильным, несколько собраний античных текстов, вполне удовлетворяющих требованиям современной науки. В Тифлисе Г. Церетели, позднее арестованный и исчезнувший, литографским способом публиковал вместе с О. Крюгером и

---

[19] Переводы античных текстов помещаются почти в каждом выпуске ВДИ. Насколько неточными бывают иногда советские переводы античных текстов, дает понятие Сборник «Античный способ производства в источниках», под ред. С. А. Жебелева и С. И. Ковалева, «Известия Российской Академии истории материальной культуры», вып. 78, Ленинград, 1933. См. мою рецензию на данное издание в «Проблемах истории докапиталистических обществ», 9—10, 1935, стр. 258 сл.

[20] ВДИ, № 1, 1946, стр. 165.

[20a] Плутарх, Избранные биографии, перевод с греческого, под редакцией и с предисловием проф. С. Я. Лурье, Ленинградский государственный университет, Исторический факультет, Москва, 1941.

[21] ВДИ, № 3, 1950, стр. 38, прим. 5.

[22] Примеры см. А. Коцевалов, Античное рабство и революции рабов в советской исторической литературе, стр. 31, прим. 127 и 128 , стр. 34, прим. 139.

П. Ернштедтом русские и грузинские собрания греческих папирусов [23]. Там же С. Каухчишвили издал в тридцатых годах один выпуск известий греческих писателей о Кавказе (греческие тексты с грузинским переводом и комментарием).

В Голландии русские ученые (С. Лурье, О. Крюгер и другие) подготовили к печати и опубликовали в 1929 году собрание надписей античного Причерноморья, изданных после того, как вышел в свет корпус В. Латышева [24]. В Бельгии М. Шангин, с помощью Института истории науки и техники АН СССР, издал описание русских рукописей греческих астрономов с обширным приложением — публикациями новых астрономических текстов [25].

Однако собрания, официально публикованные Академией наук СССР в последнее время, мало могут быть полезными серьезному ученому в разрешении известных проблем. Их главная цель гораздо скромнее — обслуживать среднего советского «научного работника», лишь немного знакомого, а то и вовсе незнакомого с латинским и греческим языками.

Так, «Вестник древней истории» переиздал сборник В. В. Латышева «Scythica et Caucasica» (Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, 1893—1906) [26]. На первый взгляд, редакция внесла много улучшений в сборник Латышева: прибавлены восточные тексты в переводе Д. Редера; переводы греческих и латинских авторов снабжены реальным комментарием; пользование сборником облегчает именной указатель этнографических и некоторых других терминов, которых не было в 1-м издании.

Но редакция удалила самое главное — греческие и латинские тексты. Таким образом, читателю приходится всецело полагаться на переводы. Затем редакция не провела работы по переводу заново текстов, собранных В. Латышевым, а повторила его переводы и переводы его сотрудников, не свободные от некоторых недосмотров [27] и основанные на изданиях, давно устаревших.

Еще давно были запроектированы, а в двадцатых годах подготовлены к печати II том, 2-е издание, «Боспор» (подготовлен к печати В. В. Латышевым) и III том, содержащий нелапидарные надписи (подготовлен к печати Е. Придиком, картотека которого находилась ранее в Ленинграде, в Эр-

---

23) Papyri russischer und georgischer Sammlungen, herausgegeben von Gregor Zereteli, Universitätslithographie, Tiflis, 1925 (5 выпусков).

24) Supplementum Epigraphicum Graecum, vol. III fasc. II, 1929, p. 113 сл., № 565 сл.

25) Catalogus codicum astrologorum Graecorum. Codices Rossicos descripsit Mstislav Antonini f. Šangin. Adjuvante Instituto Historiae Scientiarum et Artium Technicarum Academiae Scientiarum URSS. Fol. XII, Bruxellis in Aedibus Mauritii, Lamartin, 1936, p. 268, сл.

26) ВДИ, № 1, 1947; № 4, 1950. Вступительная статья принадлежит А. Мишулину, Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР. См. также «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, Дополнения» ВДИ, № 2, 1952, стр. 265—323. В «Дополнения» вошли тексты, случайно не попавшие в издание В. В. Латышева или впервые опубликованные после выхода в свет его корпуса. Подбор текстов и перевод отрывков сделан С. Кондратьевым, А. Абрамовичем и другими. Общая редакция принадлежит О. Кудрявцеву.

27) Ср. разбор Страбона, VII, 3, 7—8 у А. Коцевалова, Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании, стр. 14 сл.

митаже, а теперь находится в Москве), имеющего громадное значение для мировой науки собрания античных надписей северного побережья Черного моря [28]. Однако II том так и не вышел в свет, а вместо III тома была опубликована покойным академиком И. Толстым только в 1953 году небольшая книга (154 страницы обычного формата) «Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья [29]. Нельзя, конечно, не признать этот труд акад. И. Толстого добросовестным и ученым. Можно только не соглашаться с Толстым в восстановлении отдельных граффити, так как некоторые реконструкции Толстого и его исправления чтений Придика спорны. Между тем, в распоряжении читателя имеются лишь зарисовки, а не фотографии, и я совершенно согласен с Карышковским в том, что по зарисовкам читатель не в состоянии судить в каждом отдельном случае о том, кто прав –– Придик или Толстой. Может быть, и следует согласиться с Толстым в том, что тексты, нацарапанные на поверхности обожженной глины, следует воспроизводить не в виде фотографий, а в виде технически точных рисунков. Однако, по нашему мнению, по крайней мере в некоторых случаях, издатель мог бы дать, кроме зарисовок, также и фотографии. Вероятно, эти фотографии облегчили бы дальнейшую работу по расшифровке и восстановлению данных надписей.

Опубликовав книгу И. И. Толстого, Академия наук СССР ни в коей мере еще не выполнила обязательства, принятого на себя еще Императорской Академией наук — издать корпус керамических надписей Причерноморья.

Книга содержит только граффити Эрмитажа, и Толстой пишет:

> «Предположительно за ним последуют выпуски, в которых собраны будут керамические надписи, хранящиеся в музеях Москвы, Киева, Одессы, Керчи, Феодосии, Краснодара и других» [30].

Но когда, наконец, это осуществится? Затем, принцип опубликования граффити по признаку хранения их в том или другом музее (а не происхождения из того или другого греческого города или греческого государства) совсем неправилен. Исследователь мало интересуется вопросом о том, в каком музее хранится данная надпись. Ученому, изучающему, например, язык или культуру Ольвии или Херсонеса, важно иметь корпус, объединяющий все граффити Ольвии или Херсонеса.

Далее остается неизвестным, каким образом Академия наук предполагает опубликовать другой вид керамических надписей, собранных в

---

[28] В. В. Латышев до революции опубликовал следующие томы этого собрания: v. I — Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum, edicio prima Petropoli, 1885, ed. altera, 1916; v. II — Inscriptiones regni Bosporani, 1890; v. IV — Supplementa per annos, 1888—1900 collecta, 1901.

[29] См. рецензию П. Карышковского на эту книгу: И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Граффити Государственного Эрмитажа, Москва—Ленинград, 1953, ВДИ, № 1, 69 сл. Ср. рецензию А. Коцевалова на эту же книгу в настоящем нумере Вестника Института.

Граффити — надписи или рисунки, нацарапанные на стенах зданий, сосудах и т. д. каким-нибудь острым предметом.

[30] И. И. Толстой, указ. соч., стр. 5.

картотеке Придика, — богатейшие собрания клейм астиномных[31], херсонесских, родосских, фасосских, книдских и т. д.[32].

Далее, можно было бы задать вопрос, почему книга Толстого опубликована по-русски, а не на латинском языке, что совсем не способствует распространению книги среди иностранных ученых. Ведь корпус Латышева и картотека Придика написаны по-латыни. Непонятно, почему советские ученые так избегают латинского языка. Латинский язык не является языком одного из современных народов, с которыми СССР ведет идеологическую войну. Это — общее наследство всех культурных наций.

Наконец, неприятное впечатление производят опечатки в книге Толстого: опечаткам совсем не место в такого рода изданиях.

Сравнение того, что было сделано в России за 1885—1917 гг. в области публикации корпусов по Причерноморью, с «достижениями» советской власти в этой области даже за несколько больший период (1917—1953 гг.) совсем не говорит о процветании науки в СССР: до революции — превосходный сборник «Scythica et Caucasica», 4 фолианта надписей Понта Евксинского, сборник христианских надписей Причерноморья, образцово изданный Е. Придиком «Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания» (Петроград, 1917), а после прихода к власти большевиков — второе издание «Scythica et Caucasica» без греческих и латинских текстов и небрежно изданная книжка Толстого «Греческие граффити» (Всего 255 надписей. Обыкновенно надписи состоят из нескольких букв, редко из 2—3 строчек).

Говоря о корпусах, не лишним будет упомянуть о Сборнике греческих надписей Грузии Т. Каухчишвили[33].

Автор взял на себя, по поручению Академии наук Грузинской СССР, большой труд составить и подготовить к печати полное собрание греческих надписей, найденных на территории Грузии. В книге опубликовано свыше 1000 надписей, датируемых временем с I по XIX в. Рецензию на книгу дает А. Болтунова[34]. Как специалистка по античной эпиграфике, она ограничивается рассмотрением надписей античного времени, опубликованных в книге (их сравнительно немного, всего 14).

Стараясь дать возможно благоприятный отзыв о книге, Болтунова все же не может не отметить неряшливости в графическом воспроизведении надписей, в издании греческих текстов (в транскрипции надписей, в дополнении лакун) и т. д.

Очевидно, Болтунова полагает, что Сборник в настоящем своем виде не удовлетворяет своему назначению: в противном случае она не высказала бы в конце рецензии пожелания, чтобы данный Сборник надписей был выпущен вторым изданием, «свободным от тех серьезных дефектов», которые она отметила.

---

31) Е. Придик в 1928 году по материалам своего корпуса опубликовал в Берлине «Die Astynomennamen auf dem Amphoren- und Ziegelstempeln aus Südrußland, Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaft. Phil. hist. Klasse, XXIV, но эта книга остается неизвестной некоторым советским исследователям, как видно из их публикаций.

32) Я ознакомился с картотекой Е. Придика в Эрмитаже в 1938 году.

33) Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии, Тбилиси, 1951, 08+LII+378 стр. (на грузинском языке).

34) А. Болтунова, Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии, ВДИ, № 4, 1953, стр. 78—84.

Вообще говоря, исследования в области классической филологии в СССР печатать негде [35].

Многие филологи-классики давно уже поняли, что филологические исследования совсем не нужны большевикам, и они отказались от надежд на издание работ по своей специальности. Например, проф. С. И. Соболевский ограничивается публикацией учебников латинского и греческого языков, участием в составлении учебника по истории греческой литературы, переводами [36].

Положение античной истории не многим лучше положения классической филологии. М. Н. Покровский, имевший большое влияние в первые годы советской власти, полагал, что дальнейшая разработка истории не нужна, так как все уже дано Марксом и Энгельсом. Поэтому историки этой школы подменяли конкретное исследование социологическими рассуждениями. Взгляды Покровского были осуждены только в 1938 году Сталиным в Кратком курсе ВКП(б) (глава IV). Однако Сталин в том же курсе указывает историкам единственно правильный, по его мнению, путь:

> «...заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов, раскрытием законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества» [37].

Учение исторического материализма о смене формаций — первобытной, рабовладельческой, феодальной и капиталистической — обязательно для историка, и историку древнего мира предписывается прежде всего изучать отношения раба к рабовладельцу [38].

Однако марксистская доктрина о том, что античное хозяйство было всецело основано на рабовладении и что в древнем мире наряду с рабовладением не существовало феодализма, представляется спорной. Ученые в Советском Союзе принуждены слепо следовать Марксу-Энгельсу-Ленину-Сталину, и, например, М. А. Дынник [39] нападает на проф. С. Я. Лурье

---

[35] Это признают сами советские ученые. Например, на «Авторско-читательской конференции «Вестника древней истории» К. Полонская указала на необходимость большего внимания редакции ВДИ к вопросам классической филологии, тем более, что филологи-классики не имеют своего печатного органа. По мнению В. Н. Ярхо, журналу следует отводить место и для наиболее ценных и интересных филологических исследований и т. д., ВДИ, № 4, 1955, стр. 179 сл.

[36] С. И. Соболевский, Рабы в комедиях Аристофана как литературный тип, ВДИ, № 4, 1954, стр. 9—10. Статья С. И. Соболевского напечатана, вероятно, по необходимости, так как неудобно было не привлечь к празднованию юбилея Аристофана такого выдающегося знатока Аристофана, как Соболевский. Но статья, как видно, из редакционного примечания, напечатана «со значительными сокращениями за счет филологических экскурсов и цитат из источников». Реферат статьи см. А. Коцевалов, Античное рабство и революции рабов в советской исторической литературе, стр. 22 сл.

[37] История ВКП(б), Краткий курс, Гл. IV, Москва, 1954, стр. 116.

[38] Сталинский краткий курс истории ВКП(б) и советская историческая наука (Передовая), ВДИ, № 3, 1948; Ленин и советская историческая наука, ВДИ, № 1, 1949 (Передовая); Историческое значение трудов товарища Сталина для изучения первобытно-общинного и рабовладельческого общества (Передовая), ВДИ, № 4, 1949.

[39] М. А. Дынник, За марксистское изучение античного материализма, ВДИ, № 4, 1948.

за то, что он осмеливается отрицать научное значение эмпиризма Эпикура [40], которое защищал против Гегеля сам Ленин.

Особенно гибельные последствия для древней истории, без сомнения, будет иметь кампания последних лет против «низкопоклонства перед Западом», открытая Ждановым и совершенно изолирующая русскую науку от науки иностранной. Исходя из предпосылки о безусловном превосходстве советской науки, большевистская партия предлагает исследователям, с одной стороны, поменьше ссылаться на иностранных ученых и побольше цитировать русских ученых, и, с другой стороны, в своих рецензиях на западноевропейские и американские труды вести борьбу с буржуазной наукой «за торжество марксистской идеологии» [41]. В «раболепстве перед Западной Европой» обвинялись С. Я. Лурье [42], Г. Ф. Александров [43], А. О. Маковельский [44], С. Ф. Кечекьян [45] и другие ученые. Например, проф. С. Я. Лурье ставится на вид, что он в своей книге о Геродоте приводит только девять русских работ, рядом с громадным, растянувшимся на три страницы списком иностранной литературы. Однако автор статьи о низкопоклонстве не указывает, какие же еще имеются русские труды о Геродоте и что следует делать исследователю, если по интересующему вопросу совсем не имеется работ на русском языке. Не остается ли в таком случае не давать никакой библиографии?

Археологи также не избегли опеки большевиков, и в 1949 году, в связи с постановлением Президиума АН СССР от 16. 11. 1948 г., состоялось расширенное заседание Ученого совета Института истории материальной культуры АН СССР для обсуждения положения в археологической науке. На этом заседании, между прочим, было обращено внимание на то, что исследования в области археологии носят аполитический характер без выводов, почти прекратилась публикация работ по разоблачению взглядов современных западноевропейских и американских археологов, что, например, в книге В. Равдоникаса, «История первобытного общества» теории «буржуазных» ученых излагаются весьма подробно.

Неудивительно, что при таких требованиях со стороны большевиков, как было отмечено на этом заседании, в течение трех с половиной лет не вышло ни одного тома журнала «Советская археология» [46].

Наконец, многие представители науки о классической древности подверглись гонениям со стороны Министерства внутренних дел, и, например, папиролог с европейским именем Г. Ф. Церетели в 1936 или в 1937 году был арестован и казнен в Тифлисе, археологи К. Э. Гриневич и М. Болтенко долго пробыли в ссылке в Сибири и т. д.

---

40) Лукреций, О природе вещей. Статьи, комментарии, фрагменты, Эпикура и Эмпедокла. Сост. Ф. А. Петровский, Изд-во АН СССР, стр. 128—129.

41) Против низкопоклонства перед иностранщиной в области исторической науки (Передовая), ВДИ, № 1, 1948; Проблемы античной философии в советской науке (Передовая), ВДИ, № 2, 1948.

42) Очерки по истории античной науки, Москва—Ленинград, 1947; Геродот, АН СССР, Научно-популярная серия, 1947.

43) История западноевропейской философии, изд. 2-е, АН СССР, 1946.

44) Древнегреческие атомисты, Баку, 1946.

45) Учение Аристотеля о государстве и праве, Москва—Ленинград, 1947.

46) См. Отчет об этом заседании Г. Федорова, ВДИ, № 2, стр. 258—262.

Проф. А. Д. Шмеман

Богословская школа в СССР (1943—1955)

14 июня 1944 года в Москве, в стенах Новодевичьего монастыря, состоялось открытие Православного Богословского Института и Богословско-пастырских курсов [1].

В настоящее время на территории СССР существуют две духовные академии и 8 духовных семинарий, общим числом 1500 учащихся [2].

В условиях советской диктатуры, в особенности после последней вспышки гонения на Церковь [3], такой переворот требует тщательного анализа.

Между тем как эмигрантская, так и иностранная пресса уделили мало внимания этому вопросу.

Цель предлагаемой статьи, поэтому, наметить главные вопросы и дать на них по мере возможности ответы.

Перед революцией в России намечался, с одной стороны, расцвет академического богословия, к этому времени уже вполне овладевшего всей западной научной техникой и вышедшего на самостоятельный путь, с другой, — встреча его с религиозно-философской проблематикой целой плеяды мыслителей, иными путями завершавших свой возврат к Церкви. Русская богословская школа переставала быть закрытой сословной школой; русская богословская мысль все очевиднее становилась одним из значительных факторов того духовного ренессанса, который ярко выступает в русской культуре с начала текущего столетия.

Все это необходимо иметь в виду, изучая и оценивая теперешнее восстановление духовной школы.

---

1) Патриарх Сергий и его духовное наследство, издание Московской Патриархии, Москва, 1947, стр. 383.

2) В. Елизаров, Поездки в Советский Союз. Духовенство, «Русская мысль», 21. 2. 1956 г., стр. 3.

3) N. S. Timascheff, Religion in Russia 1917—1942, London, 1943, p. 49 ff.

Какова связь с этим прошлым той школы, что строится сейчас в России?

Это первый вопрос.

Само собой очевидно, что устанавливать связь теперешней богословской школы с прежней, рассуждать о ее уровне и стремлениях было бы абсурдно, не принимая во внимание тех условий, в которых она создается.

Говоря о том, чего хотят и к чему стремятся руководители и строители этой школы, мы должны всегда иметь в виду ограниченность их возможностей. A priori ясно, что, как и вся жизнь Церкви, ее школы в СССР несвободны, но строго ограничены рамками и требованиями режима, при котором им приходится существовать.

Каковы эти требования в отношении богословской школы, как в ее жизни сказывается давление, которого при диктатуре никто не может избежать?

Ответить на этот вопрос — наша вторая задача.

Важность обеих очевидна. Сейчас в русских духовных школах, как сказано выше, обучаются 1500 кандидатов священства. Через несколько лет в их руках будет жизнь Церкви. И то, как и чему их учат, в каком духе воспитывают, несомненно надолго определит собой церковную жизнь. Предлагаемая ниже оценка поневоле ограничена, так как ограничено наше знание о совершающемся «там». Источники же, по которым приходится работать, заведомо неполны и двусмысленны. Положить, однако, хотя бы начало изучению этого важнейшего факта — необходимо.

1. Восстановление духовной школы

До революции 1917 года кандидат в священники оканчивал четыре класса духовного училища и шесть классов (четыре общеобразовательных и два специальных богословских) семинарии. В академию поступали лишь лучшие из окончивших семинарии, командируемые по особому выбору семинарских правлений, после специальных конкурсных испытаний при академии.

Это обеспечивало хороший отбор.

> «Нельзя не признать, — пишет проф. Н. Н. Глубоковский, — что в студенты принимались и подбирались хорошо приготовленные и аппробированные кадры... К их услугам были всегда огромные академические библиотеки, которыми каждый студент мог пользоваться беспрепятственно... Студенты имели все возможности продолжать, восполнять и развивать профессорские уроки в излюбленной всяким области...» [4].

Что касается профессоров, то про них тот же автор, не склонный вообще к преувеличениям, говорит, что «едва ли где-нибудь вне России они обладали таким высоким цензом» [5].

Вся эта система богословского образования была разрушена вскоре после революции. По декрету 6 сентября 1918 года духовные школы были закрыты, их помещения и имущество конфискованы. Правда, в Петрограде в течение нескольких лет после революции существовал Бого-

---

[4] Проф. Н. Н. Глубоковский, Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии, Варшава, 1928, стр. 87.

[5] Там же, стр. 72.

словский Институт, ректором которого был прот. Н. Чуков (будущий Митрополит Ленинградский Григорий, скончавшийся в 1955 г.), а одним из преподавателей — С. С. Безобразов (ныне епископ Катанский Кассиан, ректор Богословского Института в Париже)[6]. Попытка эта, насколько известно, не была единственной. Кажется, одно время существовали богословские школы «Живой Церкви»[7]. Имеются довольно неясные сведения о существовании тайной семинарии православной («Тихоновской») церкви в тридцатые годы[8]. Но формы «катакомбного» сохранения духовных интересов и вся тайная история церковности под советской властью вряд ли могут сейчас быть предметом объективного изучения.

Таким образом, на протяжении двадцати пяти лет у Русской Церкви не было школы. Не трудно догадаться, к каким катастрофическим результатам это вело. К началу второй мировой войны кадры духовенства были невероятно уменьшены не только расстрелами, ссылками, лишением прав и вообще гонением, но и невозможностью их пополнения. Мы знаем, однако, что, несмотря на все трудности, а они были ужасающими, молодые люди продолжали вступать в число пастырей[9]. Но, во-первых, число их вряд ли могло удовлетворить всем потребностям, а, во-вторых, получение богословского образования оказывалось невозможным.

Еще острее стоял вопрос о епископах: на Соборе 1943 года было всего 19 епископов. И весьма показательно, что почти весь теперешний епископат Русской церкви состоит из бывших вдовых священников с семинарским, но без академического образования, бывшего до революции обязательным условием епископского служения.

Неудивительно поэтому, что почти одновременно с тем «поворотом», который произошел в положении Церкви в начале сороковых годов в связи с войной, был с необходимостью поднят вопрос о восстановлении духовной школы. Очевидно, тема эта обсуждалась при первых же встречах с большевистской властью летом 1943 г.

Это явствует из статьи архиепископа Саратовского Григория (позднее митрополита Ленинградского) уже в 3-м нумере восстановленного Журнала Московской Патриархии в ноябре 1943 г.:

> «Вместе с вопросом о Церковном Соборе, избрании Патриарха и учреждении Священного при нем Синода, правительство сочувственно отнеслось к предложениям об учреждении богословских школ для подготовки образованных кандидатов священства»[10].

---

[6] Речь митрополита Григория при открытии Ленинградской Духовной семинарии, Журнал Московской Патриархии (ЖМП), № 10, 1946, стр. 9 сл.; Епископ Кассиан, Родословие духа, «Православная мысль», Париж, № 8, 1949, стр. 12—13.

[7] о. М. д'Эрбиньи, Церковная жизнь в Москве, Париж, 1926, стр. 87 сл.; проф. С. Троицкий, Что такое живая церковь?, Варшава, 1927.

[8] N. S. Timascheff, op. cit., pp. 80—81.

[9] Прот. Д. Константинов, Советская молодежь в борьбе за Церковь (1920—1950 гг.), Вестник Института по изучению истории и культуры СССР, № 1 (14), 1955 стр. 61.

[10] Архиепископ Григорий, Учреждение духовно-учебных заведений, ЖМП, № 3, 1943, стр. 22—24.

Статья помечена 6. 9. 1943 г., а исторический визит митрополитов Сергия, Алексия и Николая к Сталину имел место 4. 9. 1943 г. Из этого видно, что вопрос о духовной школе рассматривался, как первоочередной, наряду с главными вопросами о реорганизации церковного управления.

Указанная статья является первой вестью о предстоявшем восстановлении духовной школы.

Она интересна с двух точек зрения. Во-первых, в ней определяются программа и дух возрождаемой школы, во-вторых, она принадлежит перу человека, которого по всей видимости и следует признать главным вдохновителем и организатором всего плана.

Не случайно, конечно, именно архиепископу Григорию (Чукову) патриархом Сергием была поручена разработка первого проекта восстановления духовно-учебных заведений. В его лице устанавливалось преемство новой школы от старой: кандидат С.-Петербургской Духовной академии (1895), ректор Олонецкой семинарии, позднее ректор Петроградского Богословского института и Высших богословских курсов (до смертного приговора, вынесенного ему вместе с Петроградским митрополитом Вениамином, но замененного ссылкой в Соловки), прот. Н. К. Чуков [11] был свидетелем и носителем не только традиций прежней духовной школы, но также и того религиозного движения русской интеллигенции, о котором мы говорили выше.

В двадцатых годах он был председателем в Петрограде Братства Св. Софии, «попытки, — по словам одного из его участников, — церковной организации светского богословия») [12]. Проект архиепископа Григория, утвержденный Синодом, и был положен в основу восстановления духовной школы.

Вот его общие черты [13]: в Москве предполагается учредить Православный богословский институт, как высшую богословскую школу, а по епархиям — Богословско-пастырские курсы, как богословские школы среднего типа; продолжительность обучения на Богословско-пастырских курсах — 2 года, в Институте — 3 года. Признавая краткость учебного времени по сравнению со старой школой, архиепископ Григорий считал, что она «будет восполняться умственной зрелостью учащихся (поступающих не моложе 18 лет), личной заинтересованностью и сосредоточенностью на исключительно богословских предметах, тогда как в прежних духовных уч. заведениях проходились и небогословские науки». Во всяком случае перечень богословских наук в Институте не оставляет сомнения в том, что, по замыслу архиепископа Григория, восстанавливаемая школа должна была быть именно богословской школой, а не просто пастырско-практической. Перечень этот не только соответствует дореволюционной программе академий, но даже вводит в него новые предметы, например, историю русской религиозной мысли.

Таким образом, замысел следует признать высоким: мыслится возрождение богословской науки и русской богословской традиции.

Что же из этого замысла удалось осуществить в действительности?

Как мы уже знаем, Московский Богословский институт был открыт в здании Новодевичьего монастыря в июне 1944 года. Первые учебные го-

---

11) Патриарх Сергий и его духовное наследство, издание Московской Патриархии, Москва, 1947, стр. 409—410; ЖМП, № 7, 1945; № 6, 1947.

12) Епископ Кассиан, указ. соч., стр. 12, пишет: «...душою братства... были... бывший преподаватель Петроградской Духовной семинарии И. П. Щербов, бывший ректор Олонецкой семинарии прот. Н. К. Чуков и бывший доцент Московской духовной академии Ф. К. Андреев. Собиралось братство на квартире у о. Николая Чукова».

13) Архиепископ Григорий, указ. соч., стр. 22.

ды оказались практической проверкой проекта архиепископа Григория.

О результатах этой проверки мы узнаем из обстоятельной статьи доцента А. В. Ведерникова, написанной в 1946 году [14].

Здесь выясняется, что во всем своем объеме замысел архиепископа Григория оказался неосуществимым.

> «Живой опыт заставил руководителей новой духовной школы встать на путь реформ, в которых первоначальная основа должна была подвергнуться коренным изменениям» [15].

Основная трудность заключалась в почти полной неподготовленности студентов.

> «Уже к концу первого полугодия стало очевидным несоответствие учебно-воспитательных требований школы с развитием и запросами многих учащихся, принятых в Институт и на Курсы по одним документам, без всяких предварительных испытаний» [16].

Неподготовленность духовная в первую очередь:

> «... наставники Института видели перед собой не прежних студентов ..., а ... людей современности, нередко только что пришедших к религии и не имеющих о ней ни малейшего понятия ... » [17].

Во-вторых, неподготовленность интеллектуальная. Это видно из того, например, что лекции пришлось заменить

> «... простыми уроками с объяснением материала, его записью, ежедневными опросами учащихся и заданиями на дом ... Обязательные сочинения сыграли большую роль в воспитании умственных интересов учащихся и очень многим из них помогли овладеть навыками работы над книгой и письменного изложения мыслей» [18].

И, наконец, во многих случаях, повидимому, и нравственная неподготовленность:

> «... слишком резкие противоречия между нравственными требованиями школы и поведением некоторых слушателей пришлось разрешить в пользу школьной дисциплины путем исключения неисправимых» [19].

Перед руководителями Института стояла, таким образом, дилемма — либо снизить требования до уровня слушателей, либо же коренным образом изменить его структуру с тем, чтобы в новых и чрезвычайно трудных условиях сохранить что возможно из первоначального высокого замысла.

Необычайно знаменательным следует признать то, что решено было идти вторым из указанных путей, а первый был отброшен как соблазн.

> «Нет нужды доказывать, — пишет А. В. Ведерников, — что в условиях современности на всякое снижение уровня духовной школы можно смотреть только как на опасное разоружение православного пастырства, которое тем самым обрекается выходить на жатву «не с оружием правды в правой и левой руке» (Кор. II, 6, 7), а с одним требником. Вот почему новая школа, склоняясь в сторону высших интересов Церкви, сознательно устремилась к высотам прежней

---

14) Жизнь духовной школы, в сб. «Патриарх Сергий и его духовное наследство», стр. 383—401.

15) Там же, стр. 386.

16) Там же, стр. 387.

17) Там же, стр. 390.

18) Там же, стр. 391.

19) Там же, стр. 388.

богословской образованности с желанием превзойти их в будущем. Это стремление легко понять, если оценить задачи Православия в условиях современной жизни. Теперь, как никогда в прошлом, православному пастырю необходима сила богословских знаний, скопленная в неисчислимых трудах прежней духовной школы. Воспринять это богатое наследие с тем, чтобы пустить его в жизненное обращение, и составляет одну из важнейших задач современной духовной школы» [20].

Каким же образом решено было проводить этот высокий план в исполнение?

Прежде всего строгим отбором слушателей [21]. Были введены строгие приемные экзамены, а также и переводные экзамены для перехода с курса на курс. Началом оздоровления явились весенние экзамены 1945 года,

«после которых в Институте и на курсах осталась только половина слушателей» [22].

Зато к концу второго учебного года

«у студентов I и II курсов Богословского института успеваемость представляется уже весьма близкой к норме, а студенты III курса могли бы с успехом заниматься и в прежних академиях» [23].

Вопрос о теоретической неподготовленности слушателей разрешен был путем усиления начального богословского образования. Было учреждено одногодичное подготовительное отделение (взамен бывших Богословско-пастырских курсов), а программа Института с трех лет была расширена до четырех

«так, что первые два курса составили вполне законченный цикл дисциплин, удовлетворяющий требованиям среднего духовного образования» [24].

И, наконец, больше всего внимания было обращено на церковное воспитание учащихся, прежде всего, через участие их в богослужении.

Богословская наука не должна была оставаться

«...ни схоластическим упражнением ума, ни безразличной теорией христианства, а прежде всего и главным образом — руководящим началом жизни, устрояемой по примеру святых отцов и подвижников Церкви. Отсюда образовательная задача новой духовной школы незаметно перерастает в задачу воспитания будущих пастырей Церкви» [25].

Второй учебный год, 1945—1946, был, таким образом, годом переходным. И произведенные перемены оказались, повидимому, столь удачными, что в Патриархии зародилась мысль о возвращении к дореволюционной системе, а именно: к восстановлению духовных семинарий и духовных академий с четырехлетним курсом в каждой из них. Резолюцией патриарха Алексия от 26 августа 1946 года Московский Богословский институт был переименован в Московскую Духовную академию, а Богословско-пастыр-

---

20) Жизнь духовной школы в сб. «Патриарх Сергий и его духовное наследство», стр. 393. Некоторые фразы целиком повторяют речь архиепископа Григория.

21) Там же, стр. 392.

22) Там же, стр. 389.

23) Там же, стр. 391.

24) Там же, стр. 388.

25) Там же, стр. 399.

ские курсы в Московскую Духовную семинарию с одной администрацией и в одном помещении [26].

В семинарию было принято 147 человек, а в академию — 14 человек (Она открыта была сначала в составе всего двух курсов). В профессорско-преподавательской корпорации ко дню открытия состояли 4 магистра богословия, 7 кандидатов богословия, 8 кандидатов светских наук и 1 со специальным образованием (церковное пение).

Открытие московских школ состоялось 26 сентября, а через несколько дней, 8 октября, такое же торжество происходило в Ленинграде [27]. Там академии и семинарии предшествовали Богословско-пастырские курсы, открытые 22 ноября 1945 года [28]. Семинария была открыта в составе двух курсов: 1-го (28 учащихся) и 3-го (30 учащихся), академия в составе одного первого курса с 16 слушателями. Всего — 74 человека. Преподавательский персонал состоял из 3 профессоров, 5 доцентов и 2 преподавателей. При академии имелась библиотека в 10 тысяч томов, общежитие на 40 человек и столовая.

Окончание семинарии дает право на пастырскую деятельность в селах. Кроме того, окончившие полный курс семинарии по первому разряду принимаются в академию без экзамена, по второму же — с экзаменами.

Общий план восстановленной духовной школы, сложившийся на основе двухлетнего пробного периода, в первую очередь требовал кадра квалифицированных преподавателей.

Восстановление духовной школы именно с этой стороны натолкнулось на одно из самых серьезных препятствий. В своей речи при открытии Ленинградской Духовной академии митрополит Григорий сказал, что уже в 1929 году (т. е. вскоре после так называемой «легализации» высшего церковного управления) проект открытия Богословского института не удался по причине недостатка профессуры [29].

В двадцатые годы умерли такие славные представители старой школы, как И. Д. Андреев — известный византолог, А. А. Дмитриевский — литургист, А. В. Петровский и др.

Митрополит Григорий не мог, конечно, прямо сказать, что оставшиеся в России ученые богословы разделили с духовенством крестный путь в страшные годы открытого гонения на Церковь. Во всяком случае очевидно, что, если уже в 1929 году ощущался недостаток профессуры, то в 1944 году он стал еще острее. Богословская школа восстанавливалась в тот момент, когда последние ученые дореволюционной формации сходили со сцены.

Тем не менее нашлась небольшая группа профессоров старых духовных школ, которая, с одной стороны, составила первый набор преподавателей, с другой же — обеспечила хотя бы внешнее преемство традиции. Первым проректором Московского Богословского института был магистр богословия С. В. Савинский [30] (с 1947 года протоиерей, умер в 1954 г.), ректором — проф. протоиерей Т. Д. Попов. К ним нужно прибавить магист-

---

26) ЖМП, № 10, 1946, стр. 3.
27) Там же, стр. 6.
28) Там же, № 1, стр. 41.
29) Там же, № 10, стр. 11.
30) Св. А. Ветелев, С. В. Савинский (некролог), там же, № 10, 1954, стр. 5—10.

ров богословия — прот. Н. В. Чепурина [31], прот. В. В. Платонова [32] (защитившего в 1916 году в Московской Духовной академии диссертацию на тему «Повествование Евангелиста Иоанна о прощении Господом Иисусом Христом жены грешницы»), прот. Д. И. Боголюбова [33].

В Ленинграде в преподавании приняли участие проф. В. В. Четыркин [34] (ученик по Петроградской Духовной академии проф. Н. Н. Глубоковского, а по университету — проф. Б. А. Тураева и И. М. Гревса, автор известного труда «Апокалипсис Св. Апостола Иоанна Богослова); проф. А. И. Сагарда [35], магистр по кафедре Патрологии Петроградской академии и автор известной книги о Св. Клименте Александрийском; прот. И. Богоявленский (позднее еп. Таллинский и Эстонский). Несколько позднее к этой первоначальной группе примкнул архиепископ Гермоген, также магистр Казанской Духовной академии (за диссертацию «Русская ультрамонтанская литература в защиту папской системы в сопоставлении с учением христианского откровения и голосом Вселенской Церкви», 1917), ректор Московской академии с ноября 1947 года по август 1949 г.

Из этой группы магистров, фактически преподавателями старой высшей школы были только проф. Четыркин и проф. А. И. Сагарда.

За магистрами следуют кандидаты богословия, то есть успевшие окончить полный курс старых академий и написать кандидатскую диссертацию, в Москве: В. С. Вертоградов, свящ. А. А. Встелев, Н. П. Доктусов, архим. Вениамин (Милов), Н. И. Муравьев, в Ленинграде: Н. Д. Успенский, К. А. Сборовский, Л. Н. Парийский и С. А. Купресов.

Все поименованные стали впервые преподавателями высших богословских школ уже только после 1943 года.

К преподаванию были привлечены также обладатели светских, а не богословских ученых степеней — кандидаты словесных наук И. Н. Шабатин, А. В. Ведерников, А. И. Георгиевский, а также богословы эмигрантской формации — прот. А. Осипов (бывший профессор православного отделения богословского факультета в Дерпте) и прот. А. Сергеенко, окончивший Православный Богословский институт в Париже, но научной работой

---

[31] Доц. А. В. Ведерников, Профессор протоиерей Н. В. Чепурин (1881—1947), там же, № 3, 1947, стр. 17—22. Прот. Н. В. Чепурин — воспитанник Харьковской Духовной семинарии (1902); учился в Киевском университете, в 1903 г. — священник, в 1911 г. — епархиальный миссионер Новгородской епархии, окончил Богословский институт, в 1919 г. — проректор этого же Института, в 1927 г. — магистр богословия, в 1928 г. проректор Высших богословских курсов.

[32] Доц. А. В. Ведерников, Протоиерей В. В. Платонов (некролог), ЖМП, № 1, 1949, стр. 71—76.

[33] Протоиерей Д. И. Боголюбов (некролог), см. в ЖМП, № 10, 1950. См. также отзыв о покойном прот. Д. И. Боголюбове архиепископа Волынского Антония в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», № 2, СПБ, 1906, стр. 145.

[34] Проф. А. А. Осипов, В. В. Четыркин (некролог), ЖМП, № 3, 1948, стр. 49—50.

[35] А. Макаровский, А. И. Сагарда (некролог), ЖМП, № 6, 1950, стр. 8—11. А. И. Сагарда был кандидатом богословия Петроградской Духовной академии (1909 г.), оставлен при кафедре истории древней церкви у проф. А. И. Бриллиантова; затем исполняющим должность по кафедре патрологии (1913), диссертация о Св. Клименте Александрийском.

не занимавшийся, а состоявший настоятелем одного из парижских пригородных приходов [36].

Дальнейшее увеличение преподавательского состава шло главным образом по линии привлечения в профессуру окончивших новую духовную школу.

21 января 1947 года при Московской Духовной академии под председательством митрополита Крутицкого Николая была образована «Аттестационная комиссия» в составе 5 магистров богословия старой школы, целью которой было придать необходимую правомощность Совету Академии для присуждения в дальнейшем ученых степеней и избрания профессоров и доцентов.

Таким образом, «правомощность» новой школы находила свое обоснование в старой.

Всего в 1947—1948 году в Московской Духовной академии состояло 19 преподавателей. К 1954 году эта цифра возросла до 24. Ленинградская Духовная академия начала с 13 преподавателей, а в 1954 году в ней состояло около 20.

Переходя теперь к краткому обзору жизни духовных школ за первое десятилетие их существования, нужно прежде всего заметить, что с каждым годом сведения, печатаемые о них в Журнале Московской Патриархии (рубрика «Из жизни духовных школ»), становятся все более и более краткими и, так сказать, «официальными». Это касается и цифровых данных, и описания отдельных событий академической жизни.

Так, например, за учебные годы до 1949—1950 г. годовой отчет включает неизменно число учащихся (184 в Москве, 172 в Ленинграде).

С 1951 года эти цифры исчезают, остаются только «косвенные» показатели (число переэкзаменовок, число премированных сочинений и т. д.). Вряд ли это случайно. Почти все свидетельства иностранцев, посетивших Московскую патриархию, указывают на явное нежелание возглавителей Церкви, а, следовательно, и на запрет, ими полученный, сообщать статистические данные о церковной жизни.

Далее, если за годы 1946—1947 и 1947—1948 мы имеем в ЖМП обширные статьи о жизни школ, с указанием распределения профессоров по кафедрам, тем сочинений и т. д., то в дальнейшем эти интересные и содержательные сведения все более уступают место сухим, казенным и почти бессодержательным отчетам, в которых главное ударение ставится на «парадную» сторону (посещения высокопоставленных лиц, иерархов, иностранцев и т. д.).

Так, в 1948 году дано сравнительно подробное описание магистерского диспута архимандрита Вениамина (Милова) в Московской Духовной академии. Дана тема его диссертации («Преподобный Григорий Синаит. Его жизнь и учение») и в основном пересказано ее содержание. То же самое можно сказать и о первых диспутах в Москве — докторском прот. В. М. Верюжского и магистерском В. С. Вертоградова. Но уже с 1949 года эти сведения почти исчезают. Еще в 1951 году отмечена тема диссертации Л. Парийского. В дальнейшем указываются только имена соискателей степеней и факт их присуждения. И, наконец, даже о переменах в администрации и

---

[36] Его характеристика имеется в кн. митрополита Евлогия, «Путь моей жизни», Париж, 1947.

в преподавательском составе мы узнаем только случайно, из описания других событий.

Так, например, об учебном 1953—1954 годе кратко сказано, что в число преподавателей «вступило 3 новых наставника из числа профессорских стипендиатов» без указания их имен и сфер научной работы.

Если это сравнить с 1946—1948 годами, когда сообщались даже имена окончивших, то нельзя не придти к выводу, что вначале жизнь духовных школ описывалась с большей свободой, чем в дальнейшем, и что новейшие казенные и крайне расплывчатые отчеты, написанные часто теми же лицами, которые писали подробные отчеты раньше, по всей вероятности отражают определенные инструкции: как и что писать. Все сказанное показывает, что восстанавливать сколько-нибудь полную историю школ в настоящих условиях невозможно.

Некоторые факты отметить, однако, следует. Прежде всего — текучесть высшего административного персонала академий. За истекшее первое десятилетие в Москве сменилось 5, а в Ленинграде 3 ректора. Московскими ректорами были прот. Т. Д. Попов (1944—1946 гг.), прот. Н. В. Чепурин (умер в феврале 1947 г.), епископ Гермоген (с 14 ноября 1947 г. по 15 августа 1949 г.), прот. А. П. Смирнов (с 1949 г. и умер осенью 1950 г.) и состоящий в этой должности в настоящую пору прот. К. И. Ружицкий. В Ленинграде: прот. И. Богоявленский (рукоположеный во епископа Таллинского и Эстонского 22 июля 1947 г.), епископ Симеон Лужский (прот. С. Бычков, умер 30 июля 1952 года) и теперешний ректор проф. прот. М. Сперанский. Также часто менялись и инспектора.

В течение 1948—1949 года Московская Духовная академия и Семинария получила в свое распоряжение так называемый «ректорский корпус» в Троицкой Сергиевой Лавре, куда они и переехали из Новодевичьего монастыря.

В 1949—1950 году защитили магистерские диссертации и удостоены звания профессоров доценты Н. П. Доктусов и свящ. А. Ветелев. В 1950—1951 г. нужно отметить открытие при Московской академии Церковно-Археологического музея и назначение инспектором бывшего эмигранта из Болгарии прот. В. Шпилера. За 1952—1953 учебный год заслуживает упоминания итог работы по улучшению письменных работ в Академии и Семинарии:

> «Из общего количества 340 письменных работ за первое учебное полугодие комиссия по премированию признала лучшими 42 сочинения, составителей которых и назначила к поощрению».

О 1953—1954 годе сказано, что он отмечен «большим наплывом» желающих учиться и «большей сравнительно с прошлыми годами подготовленностью поступающих», но без точных данных.

В Ленинграде в январе 1951 года защитил диссертацию Л. Н. Парийский, в 1952 году — А. Макаровский и К. Сборовский. Подчеркнем неизменное празднование во всех школах годовщины Октябрьской революции и, начиная с 1949 года, активное участие преподавателей и студентов во всевозможных выступлениях «кампании за мир во всем мире».

Такова внешняя канва жизни духовных школ за десять лет. Как видим, составить себе полную и живую картину на основании имеющихся у нас сведений невозможно. Посмотрим теперь, возможно ли хотя бы в самых

общих чертах, представить себе дух, направление и содержание той богословской работы, которая проводится в этих школах.

2. Направление богословской мысли

> «Прежние духовные академии, — пишет Ведерников, — слишком увлекались научно-образовательной работой в ущерб воспитанию пастырства... органический порок... состоял в явном преобладании чистой научности над воспитанием пастырского духа... Новой школе оставалось лишь найти должное соотношение между наукой и воспитанием пастырского духа» [37].

Таким образом, первое, что нужно сказать о направлении и духе новой школы, это то, что в основу своей деятельности она полагала задачу воспитания пастырского духа. Высказывания такого рода красной нитью проходят через все имеющиеся в нашем распоряжении документы.

Так, в день выпуска 1948 года окончивший Семинарию о. Б. Писарев говорил:

> «...здесь была не наука для науки, а наука для христианской жизни, для живой пастырской деятельности» [38].

На заседании Совета Московской академии 26 сентября 1946 года ректор Н. В. Чепурин, признавая, что

> «в задачу Духовной академии, помимо учебной и воспитательной работы, входит и ученая деятельность...», требовал, «чтобы жизненная конкретность задач служила и творческим стимулом, и контролем для каждого научного работника...
>
> Благовременно можно сказать и о направлении научно-богословской работы. Прежние наши академии, следуя в своих трудах западным образцам, отдавали слишком большую дань человеческому рассудку, притязания которого на область догматических истин должны быть решительно отвергнуты. Пора понять, что только в послушании веры наш разум цветет и благоухает. Пора отказаться и от фетиша немецкой научной обстоятельности, от собирания из пространных цитат целых томов исследований, ибо такой метод прикрывает лишь скудость творческих сил. Высшие цели Православия требуют, чтобы каждый из нас в своей области творил по разуму Св. Церкви и на основании собственного религиозного опыта раскрывал жизненные тайны Православия» [39].

Подобного рода цитаты можно было бы умножить. Но и приведенных достаточно, чтобы показать тот основной тон, который был взят деятелями новой школы с самого начала. Ему соответствует и само устройство школы, в котором, опять-таки с самого начала, мы видим стремление к должной церковности, прежде всего к литургическому благочестию. В академических храмах совершаются ежедневные богослужения, и как в жизни, так и в преподавании сказывается особенный интерес к литургичес-

---

37) Патриарх Сергий и его духовное наследство, издание Московской Патриархии, Москва, 1947, стр. 384—385.
38) ЖМП, № 11, 1948, стр. 12.
39) Там же, № 10, 1946, стр. 5.

кому преданию Церкви, к уставу и уставному пению[40], к благолепному служению[41].

Такова основная тенденция, по всей видимости оказавшаяся решающей. Но заслуживает особенного внимания, что на самых первых порах восстановления духовной школы звучали и несколько иные тона. Особенно явственно проступают они в речи митрополита Григория при открытии Ленинградской Духовной академии. В этой речи он связывает начало новой школы с послереволюционными попытками возродить богословское образование, в первую очередь, с упоминавшимся уже Петроградским Богословским институтом.

Мы знаем уже, что Петроградский институт не был простым возвратом к дореволюционной школе.

> «Его деятельные работники были не только профессора Духовной академии и труженики церковно-общественные, но и представители университетской науки»[42], [его дух восходил] «не только к старым духовным академиям, но, может быть, еще больше к Петербургскому университету в годы его предвоенного расцвета»[43].
>
> Это была попытка «организации светского богословия»[44].

Практически это выражалось, прежде всего, в расширении богословского «кругозора» путем включения в него предметов, не входивших в программы старой духовной школы. Митрополит Григорий, бывший ректор Института, перечисляет их в своей речи:

> «...Христианское обществоведение, которое должно было знакомить с церковным взглядом на социальные вопросы и явления, Христианская педагогика, знакомящая со свойствами человеческого духа в его падшем и возрожденном состоянии, в частности, с психологией детской души и благодатными средствами воздействия на нее...; История русского религиозного самосознания, знакомящая с общим ходом и направлением умственных исканий русского общества в области религиозно-нравственной с указанием самобытных особенностей подобных исканий»[45].

---

40) ЖМП, № 7, 1952, стр. 59. Ср. № 11, 1948, стр. 15.

Слова патриарха Алексия: «Церковное пение должно вполне отвечать своему высокому значению. Лучшим выражением высоких религиозных настроений являются старинные церковные распевы, ныне почти забытые... Нужно сделать все возможное для того, чтобы изгнать мирской дух из нашего церковного пения и обратиться к древним прекрасным образцам его».

41) Патриарх Сергий и его духовное наследство, стр. 398.

В главе XII пишется: «Если общим источником и основным предметом нашего богословия является Божественное Откровение (Св. Писание и Предание), ...то общей исторически сложившейся формой и подлинной основой жизни по этому Откровению является православная церковность, которую нужно понимать в смысле полноты религиозно-духовной, благодатной жизни, утверждающей и реализующей богооткровенную Истину о нашем спасении. В недрах именно церковности совершается тот богочеловеческий процесс, из которого, — как говорит о. П. Флоренский, — «сгущаются, выкристаллизовываются в историческом ходе церковного человечества чинопоследования таинств, формулировки догматов, канонические правила и, отчасти, даже текучий и временный уклад церковного быта».

42) Епископ Кассиан, указ. соч., стр. 12—13.

43) Там же, стр. 12.

44) Там же.

45) ЖМП, № 10, 1946, стр. 10.

Указывал на все это митрополит Григорий не случайно, а потому, что в продолжении этой традиции видел назначение и новой школы. В отличие от других, он не подвергал критике старую школу, напротив, призывал новую

> «стремиться к высотам прежней богословской образованности с желанием превзойти их в будущем».

В его речи звучит призыв — не к уходу в «инобытие», а к уразумению

> «. . . задачи Православия в условиях современной жизни. Теперь, как никогда в прошлом, православному пастырю необходима сила богословских знаний, накопленная в неисчислимых трудах прежней духовной школы. Воспринять это богатое наследие с тем, чтобы пустить его в жизненное обращение, и составляет одну из важнейших задач . . .» [46].

Судить об этой работе очень трудно. У духовных академий в СССР нет возможности издавать ни богословские труды, ни научные журналы, подобные дореволюционному «Богословскому Вестнику» или «Христианскому чтению».

За 13 лет, истекших с «поворота» 1943 года, не издано ничего, за исключением Журнала Московской Патриархии, календарей, богослужебных указаний, да нескольких книг не специально богословского содержания (это «Слова и речи митрополита Николая», 2 тома, «Деяния Совещания глав и представителей автокефальных православных церквей», 2 тома, «Патриарх Сергий и его духовное наследство», «Правда о религии в СССР» и «Слова, речи, послания . . .» Патриарха Алексия»).

Мы почти ничего не знаем о том, что происходит в аудиториях Академий, о содержании курсов и лекций. Поэтому фактически единственным источником сведений о научно-богословской работе духовных школ являются сравнительно небольшие статьи профессоров и преподавателей, помещаемые в Журнале Московской Патриархии.

Источник этот, конечно, заведомо недостаточный и неполный. В ожидании, однако, более полных сведений, он может дать нам хотя бы самые общие контуры, некое общее впечатление.

Тот материал из Журнала Московской Патриархии, который с большими или меньшими оговорками можно отнести к области богословия, сам собой распределяется по основным темам. Прежде всего, интересно количественное соотношение этих тем. На первом месте стоят статьи, посвященные Богослужению: их бывает иногда по две-три в одном нумере, и они принадлежат перу не только тех, чьей специальностью является литургика, но и преподавателей других дисциплин. Литургическое «ударение» современной духовной школы находит здесь явное выражение.

На второе место нужно поставить статьи, посвященные истории Русской Церкви. Они также находятся почти в каждом нумере. Обычно это либо очерки о святых или известных деятелях Русской Церкви, либо же очерки, написанные по поводу того или иного «юбилея» (как, например, юбилей автокефалии Русской Церкви 1448—1948).

Третье место занимает тема «Рим и католичество». О ее трактовке мы скажем несколько слов ниже.

---

[46] ЖМП, № 10, 1946, стр. 11—12.

Далее идут статьи, которые в широком смысле этого термина могут быть отнесены к догматике (вероучению) и к нравственному богословию — их уже значительно меньше, чем статей первых трех категорий.

И, наконец, к последнему разряду можно отнести все остальное: статьи об искусстве, две-три работы о св. Писании, о пении и композиторах (русских в особенности) и т. д.

Конечно, такая классификация не означает, что и в преподавании, в школьных программах указанное соотношение тем определяет собой «иерархию ценностей» новой школы. Журнал Московской Патриархии не является научным органом духовных академий, и в него попадает то, что считает нужным или полезным редакция. Нам кажется, тем не менее, что некое отображение главных интересов школы мы все-таки тут видим.

В общепринятой классификации богословских наук на первом месте стоит обычно изучение Св. Писания — дисциплины библейские. Этот отдел, как мы уже знаем, представлен в ЖМП слабее других. Здесь нужно выделить, как строго научную, статью проф. В. В. Четыркина «Новозаветная письменность в древнецерковном предании и библейская критика нового времени» [47]. Автор ее, ученый старой школы, отражает в своей работе то положение вопроса о происхождении новозаветных писаний, какое существовало в первое десятилетие этого века. Дальнейшего развития его он, конечно, не мог знать в условиях подсоветской жизни. Другие статьи этого отдела на особую научность не претендуют. Довольно большая работа доцента священника Н. Никольского, «Св. Павел, его жизнь и деятельность» [48], представляет из себя пересказ всего новозаветного исторического материала об Апостоле Павле. Статьи Н. Попова, как, например, «Св. Первоверховные Апостолы Петр и Павел» [49] или «О смысле ветхозаветных прообразов» [50], являются скорее комментариями к библейскому материалу, заключенному в православном богослужении. Статья А. Ястребова «Св. Апостол Павел в Афинах» [51] дает в популярной форме комментарий к афинскому эпизоду Деяний Апостольских, заимствованный из книг вроде известной «Жизни Павла» Фаррара и «Толкового Апостола» епископа Михаила [52].

Такую же приблизительно цель преследует статья В. Никонова «Св. пророк Божий Илия Фесвитянин» [53]. На основании этих нескольких популярных статей вряд ли можно заключить о наличии большого интереса к экзегезе.

За Священным Писанием следует Догматика, то есть систематизация и раскрытие учения, заключенного в Предании Церкви. Как мы уже указывали, статьи на эту тему также не составляют слишком значительной части всего печатного материала, которым мы располагаем. Что еще важнее, не имеют они и сколько-нибудь общего направления. В этом смысле

---

47) ЖМП, № 11, 1948, стр. 34—43.

48) Там же, № 8, стр. 60—67; № 9, стр. 46—54; № 11, стр. 43—48, 1950.

49) Там же, № 7, стр. 58—67.

50) Там же, № 3, 1949, стр. 13—17.

51) А. Ястребов. Святой Апостол Павел в Афинах, там же, № 6, 1953, стр. 45—49.

52) А. Ястребов цитирует обе книги: Фаррара в русском переводе П. А. Лопухина, СПБ, 1887 и епископа Михаила, Киев, 1897.

53) ЖМП, №8, 1953, стр. 32—38.

та общая программа или дух, которые, как мы видели, начертывались при основании школы, вряд ли смогли быть положены в основание какой-либо планомерной и общей разработки православного догматического богословия. Примером может служить трактовка разными авторами догмата Искупления, составляющего тему нескольких статей.

Статья проф. И. Айвазова «Догмат Искупления» [54] направлена против тех, кто

> «модернизирует православное учение об Искуплении в том виде, как это учение сложилось в древней, со времени Иисуса Христа и Святых Апостолов, Вселенской Церкви и содержится в Русской Православной Церкви».

Под «модернизмом» разумеется здесь учение митрополита Антония (Храповицкого), вызвавшее в свое время споры в среде русских богословов [55].

Для нас важен сейчас не вопрос о сущности этого спора, а то, что в итоге своей работы профессор Айвазов всецело подтвердил православность и незыблемость известных «систем» XIX века — «Догматических Богословий» архиепископа Филарета (Амфитеатрова) и митрополита Макария (Булгакова) [56], — особенно в вопросе об Искуплении. Другой же автор — П. Гнедич, разбирая учение Патриарха Сергия [57] о спасении, видит его главную заслугу в том, что им была преодолена старая теория Искупления, основанная на

> «человеческих понятиях права и его нарушения, оскорбления и удовлетворения . . .» [и составляющая основу] «юридического понимания искуплений».

Сохранение под видом православного учения этой юридической теории он считает пороком догматических систем XIX века [58].

Опять-таки, разногласия по этому вопросу ни в коем случае не приходится считать характерным признаком одних только богословов изучаемых нами школ. Но указанный нами разительный пример такого разногласия показывает только, что программа «переоценки» старых систем и обновления, на основе исконных православных источников, догматики осталась на бумаге. Как на интересные примеры богословских этюдов, укажем еще на статьи профессора догматического богословия протоиерея С. Савинского «Крест Христов» [59] и «Воистину восста Господь» [60], митрополита Варфоломея — «Воплощение Сына Божия в плане домостроительства нашего спасения» [61], Л. Н. Парийского — «Нравственное значение дог-

---

[54] ЖМП, № 1, 1952, стр. 64—76.

[55] См. на эту тему Г. Флоровский, Пути русского богословия, Белград, 1937, стр. 427 сл. и митрополит Елевферий, Об Искуплении (письма митрополиту Антонию в связи с его сочинениями «Догмат Искупления» и «Опыт Христианского Катехизиса»), Париж, 1937.

[56] ЖМП, №1, 1952, стр. 76.

[57] Там же, № 10, 1949, стр. 27—32.

[58] Там же, стр. 28. П. Гнедич пишет далее: «. . . отрицательное отношение к тому пониманию . . . Искупления, которое содержалось в «Догматическом богословии» митрополита Макария».

[59] ЖМП, № 3, 1953, стр. 41—46.

[60] Там же, № 4, 1946, стр. 45—51.

[61] Там же, № 1, 1952, стр. 51—53.

мата Вознесения Господа нашего Иисуса Христа»[62] и епископа Исидора (прот. И. Богоявленского, первого ректора Ленинградской Духовной академии) — «Рождество Богородицы»[63], прекрасное изложение православной оценки римского догмата о Непорочном Зачатии.

Лучшим, самым живым и несущим на себе печать личного опыта нам представляется литургический отдел — многочисленные статьи, посвященные богослужению. Во всех статьях чувствуется желание раскрыть богатства литургических текстов и не только с «духовно-эстетической», но и с богословской стороны. Как на примеры укажем: прот. Д. Боголюбов, «Крещение Господне»[64] и «Сретение богомладенца Христа старцем Симеоном»[65], В. Никонов, «Весна постная, цвет покаяния»[66], свящ. А. Ястребов, «Преображение Господне»[67], С. Савинский, «Радость Воскресения Христова»[68], Н. Попов, «Введение во Храм Пресвятыя Богородицы»[69] и многие другие.

Читая их и сравнивая со статьями других отделов, приходишь к выводу, что именно здесь, в опыте богослужения, сердцевина интересов и стремлений пишущих, тем более, что авторы статей разных отделов обычно те же самые.

Прошлому Русской Церкви, как мы уже говорили, посвящено особенно много статей. Большинство из них посвящено отдельным лицам — либо святым, либо же значительным церковным деятелям. Например, «Русские Святые» (Г. Звенигородский)[70], «Св. Димитрий, митрополит Ростовский» (свящ. В. Ганецкий)[71], «Преподобный Серафим» (Н. Волнянский)[72], «Сибирские Святители-Чудотворцы» (архиепископ Варфоломей)[73], «Преподобная Евфимия, кн. Суздальская» (И. Спасский)[74], «Апостольский подвиг Святителя Стефана Пермского» (А Крашенников)[75].

Это — святые, а вот деятели: «Митрополит Макарий, как составитель Великих Четьих-Миней (доц. Н. Муравьев)[76], «Митрополит Макарий, светоч русской культуры XVI века» (Н. Волнянский)[77], «Гордость Рязани — Митрополит Стефан Яворский»[78].

Оба списка можно было бы увеличить во много раз. Тон всех статей всегда хвалебный, причем особенно подчеркивается патриотический, национальный характер служения и деятельности описываемых лиц. Например, «Св. Феогност, митрополит Киевский, как поборник объединения

---

62) ЖМП, № 5, 1947, стр. 33—35.
63) Там же, № 9, 1949, стр. 34—37.
64) Там же, № 1, 1952, стр. 62—63.
65) Там же, № 2, 1953, стр. 35—36.
66) Там же, стр. 47—51.
67) Там же, № 8, стр. 28—31.
68) Там же, № 4, стр. 39—43.
69) Там же, № 11, 1949, стр. 26.
70) Там же, № 11, 1946, стр. 29—34 и № 2, 1947, стр. 22—26.
71) Там же, № 6, 1947, стр. 42—48.
72) Там же, № 8, стр. 18—28.
73) Там же, № 1, 1949, стр. 59—65.
74) Там же, № 4, стр. 34—37.
75) Там же, стр. 15—22.
76) Там же, № 5, 1953, стр. 49—54.
77) Там же, № 6, 1947, стр. 26—41.
78) Там же, стр. 45 сл.

Руси»[79], «Св. митрополит Алексий — великий поборник возвышения Москвы» (Н. Волнянский)[80], и так далее. Интересна «апология» Феофана Прокоповича (Н. Волнянский, «Архиепископ Феофан Прокопович и его время»[81]), состоявшего до революции под единодушным осуждением всех русских церковных деятелей. Характерен и выбор событий: автокефалия Русской Церкви[82], «Церковно-политическое значение Троицкой Сергиевой Лавры в истории Российского Государства» (В. Васильев)[83]. Правда, наряду с этим мотивом (церковно-патриотическим) есть статьи и исключительно назидательного содержания — уже указанный очерк о преподобном Серафиме, статья «о пастыреводительном характере творений Святителя Димитрия, митрополита Ростовского» (Архиепископ Варфоломей)[84], «Епископ Феофан Затворник и его духовное наследие» (И. Н. Шабатин)[85]. Но и здесь, и там выступает не критический, а, так сказать, иконографический» подход к прошлому своей Церкви. В особую группу нужно выделить статьи, посвященные церковному искусству во всех его разновидностях — об иконописи: Феофан Грек» (Н. Сергеев)[86], «Мастер древнерусской иконописи Дионисий»[87], «М. В. Нестеров»[88], о музыке: работы о Бортнянском[89], Чайковском, Львове и т. д. Вне Русской Церкви, исторические темы группируются главным образом вокруг церквей славянских («Несколько замечаний о христианстве у южных славян» Н. Волнянского[90], и часто в связи с греко-славянским антагонизмом (профессор И. Н. Шабатин, «Константинопольская патриархия и балканские славяне в 50—70-х годах XIX века»)[91]. Но отметим также статьи о Халкидонском Соборе[92], о Св. равноапостольной Нине—просветительнице Грузии[93], о христианстве в Индии[94].

Следующая большая группа статей посвящена Риму и его обличению. Здесь тон резко меняется, проникаясь казенной пропагандой.

> «Роль Ватикана, этого заклятого врага народов, защищающих мир, нам всем известна, она требует нашего осуждения, она не может не вызвать содрогания каждого честного сердца», —

пишет митрополит Николай[95].

Вот несколько заглавий: А Волков, «Отход Ватикана от основ Христианства»[96], Л. Н. Парийский, «Обличение Ватикана католическим свя-

---

79) ЖМП, № 8, 1953, стр. 39—46.
80) Там же, № 5, 1947, стр. 36—43.
81) Там же, № 3, стр. 38—43 и № 4, 1946, стр. 61 сл.
82) Там же, № 4, стр. 22—25 и № 6, 1948, стр. 43—55.
83) Там же, № 7, 1947.
84) Там же, № 1, 1949, стр. 54—58.
85) Там же, № 5, 1948, стр. 43—55.
86) Там же, № 1, 1946.
87) Там же, № 6, стр. 40—44.
88) Там же, № 10, 1945.
89) Там же, № 11, 1950, стр. 49—83.
90) Там же, № 11, 1947, стр. 51—59.
91) Там же, № 6, 1948, стр. 24—42.
92) Там же, № 6, 1951, стр. 32 сл.
93) Там же, № 3, 1947, стр. 38—43.
94) Там же, № 2, 1948, стр. 51—62.
95) Митрополит Николай, Сборник «Слова и речи», № 2, стр. 343.
96) ЖМП, № 9, 1949.

тым»[97], архиепископ Гермоген, «Характеристика деятельности Ватикана за последние двадцать лет»[98].

Несмотря на научную обстоятельность некоторых из этих статей, не может быть сомнения в том, что здесь начинается сфера прямого давления извне. Богословская наука до такого тона опускаться не может, каковы бы ни были догматические заблуждения или историческая недальновидность Римской Церкви. По тону эти статьи приближаются уже к отделу «Борьба за мир», появляющемуся в «Журнале Московской Патриархии» начиная с 1949 года, и в котором выступлениям профессоров и «коллективов» духовных школ отведено заметное место.

Таковы в самых общих чертах темы работ, в той или иной мере принадлежащих области богословской науки и нашедших себе место в единственном ныне печатном органе Русской Церкви. Строить на этом основании общие выводы, конечно, нельзя. Мы знаем, например, что профессора готовят литографированные курсы лекций, что многие из них пишут диссертации и книги, ни одна из которых доселе не была напечатана. Отдельного исследования заслуживает тема «экуменизма», как она нашла свое отражение в двухтомных протоколах совещания Глав и Представителей Автокефальных Церквей, а также каноническая аргументация в переписке Московской партиархии со Вселенским патриархом, другими Православными Церквами и во взаимоотношениях ее с зарубежными русскими церковными образованиями. Но все это не относится прямо к теме богословской школы и науки.

3. Заключение

Подводя итоги всему сказанному, хочется в первую очередь обратить внимание на следующий факт: в 1946—1948 годах, когда восстановление богословской школы только еще начиналось, деятели этого восстановления говорили более полным голосом, более свободно (поскольку речь вообще может идти о свободе), чем в последующие годы. В речи митрополита Григория, в статье Ведерникова, в отчетах о жизни школ в 1946—1947 годах — больше живого непосредственного интереса, чем во все последующие годы вместе взятые. Создается такое впечатление, что в то время было больше надежд, больше веры в возможности, которые не осуществились. Опять-таки это относится к описаниям школы, к отражению ее в печатном материале. Что происходит внутри, остается неизвестным. Но то, что мы знаем, заставляет нас думать, что духовная школа, как, впрочем и вся Церковь, живет все в большей изоляции, которую один из недавно побывавших в СССР протестантских церковных деятелей назвал более опасной, чем открытое гонение. Мы знаем далее, какую страшную и позорную цену платит Церковь власти за возможность существовать хотя бы в этой изоляции: те же страницы Журнала Московской Патриархии свидетельствуют об этой цене во всем ее безобразии. Духовная школа участвует в этой расплате в полной мере.

Духа не хватает, в конечном итоге, по-настоящему сравнивать духовное просвещение в СССР сейчас с тем взлетом, с тем творческим вдохновением,

---

97) ЖМП, № 2, 1950, стр. 52—60.
98) Там же, № 9, 1949.

с теми обещаниями, какими оно отмечено было в последние годы старой России. Да разве можно и сравнивать? Без свободы не может быть духовной науки. Даже и при высокой оценке отдельных ее проявлений сейчас, ни на минуту нельзя забывать всего того, о чем ей приходится молчать.

И все-таки эта школа существует — в стране абсолютной государственной монополии просвещения и неслыханного порабощения ученых.

> «. . . На Голгофе поведано миру, что добро на зѐмле — есть страдающее добро: на Голгофе страдало Само Добро, Сама Любовь. Отныне всякая истинная любовь ко Христу преобразуется в истинных последователях Его в сознательную любовь к страдающему добру, в решимость нести крест вслед за всемирным Крестом Голгофским . . . Униженный и умаленный на Голгофе «паче всех сынов человеческих», Христос стал славою учеников, славою человечества, слава о Кресте — могучим орудием, перевернувшим весь мир, всю человеческую историю . . . У подножия Креста — зарождается . . . духовная жизнь, начинающаяся слезами о собственных грехах, негодованием на грех и злобу людскую, питающаяся жалостью к Агнцу Божию и завершающаяся твердой любовию ко Христу и мужественной решимостью следовать за Ним тем крестным путем, каким и Он шел, пока не взошел на Голгофу . . . в Нем — вся наша сила, в Нем — вся наша радость, в Нем — все наше упование» [99].

Слова эти написаны человеком, все эти годы преподававшим догматическое богословие будущим священникам. Вот о чем, в конце концов думаешь, перелистывая страницы Журнала Московской Патриархии. Сумеют ли эти слушатели «раскрыть скобки»? Сумеют ли — в духе завещанных всем нам лучших традиций русского богословия, русских богословов, видевших в богословии исповедание веры перед миром, во зле лежащим, и суд Христов над этим миром — понять слова, написанные на книге Нового Завета, которую получают они по окончании Семинарии: «. . . окончившему курс . . . дана эта святая книга, как оружие Божественной правды, побеждающей мир»? [100].

Ответы даст будущее.

---

99) ЖМП, № 3, 1953, стр. 46.
100) Там же, № 7, 1947, стр. 39.

СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

К вопросу об обеспечении народного хозяйства СССР металлом за период с 1918 по 1938 г.

Общепринятая концепция восстановления народного хозяйства СССР после разрухи, вызванной коммунистическим захватом власти, а затем периодом «военного коммунизма», примерно такова:

После введения в 1921—1922 гг. нэпа начинается период быстрого восстановления всех отраслей народного хозяйства, достигающего по отдельным отраслям к 1926—1927 годам в общем уровня довоенного 1913 года, а по многим важнейшим отраслям даже превзойденого.

Таким образом, в 1926—1927 гг. происходит окончание восстановительного периода и ликвидируются последствия вызванной коммунистическим захватом власти разрухи. С 1927 года начинается строительство новой индустрии, по преимуществу тяжелой промышленности и в особенности машиностроения. С 1928 года это строительство оформляется в виде пятилетних планов индустриализации, планов, превративших отсталую сельскохозяйственную Россию в мощный индустриальный Советский Союз.

В это распространенное и даже общепринятое представление следует внести по меньшей мере две весьма существенных поправки. Во-первых, необходимо на основании опубликованных, даже и в советской литературе, данных уточнить дату действительного достижения производственного уровня 1913 года; во-вторых, необходимо учесть, в течение какого периода прирост промышленной продукции сверх этого уровня шел еще на возмещение или покрытие количества этой продукции, выпавшей из производства и недоданной в народнохозяйственный организм за годы разрухи и последующего периода работы на уровне более низком, нежели 1913 г.

Только таким образом можно установить с достаточной точностью дату ликвидации прямых последствий народнохозяйственной разрухи в результате коммунистического захвата власти.

В настоящей статье произведен анализ выплавки чугуна, исходя из того, что объем производства тяжелой промышленности и в первую очередь машиностроения, так же как и промышленного, железнодорожного и др. видов строительства, с большей степенью точности должен определяться поступлением нового металла в фонд народного хзяйства.

При этом наиболее показательным будет именно выплавка чугуна как исключительно первичного металла, так как на выпуск стали или проката может оказывать существенное влияние вторичный, оборотный металл (переплавка лома, стружки и других отходов и т. д.), а вторичный металл только частично может рассматриваться как пополнение металлического баланса, в значительной степени он служит скорее характеристикой рациональности применяемых технологических методов обработки. Мало

рациональная технология с большим процентом отхода (большие припуски, и т. д.), а также повышенный процент брака увеличивают количество вторичного металла, что не увеличивает, а за счет потерь при переплавке даже уменьшает возможный выход готовых металлических изделий.

Последнее обстоятельство, принимающее иногда формы хищнического расточительства металла, имеет место и в Советском Союзе [1], что и делает данные о выплавке стали непоказательными для оценки размеров поступления нового металла в народное хозяйство.

За исходные данные для проводимого нами анализа примем цифры, приводимые в опубликованном в 1956 г. труде проф. Лященко, «История народного хозяйства СССР» [2]. Эти цифры можно свести в таблицу:

Выплавка чугуна в России и СССР за годы с 1913 по 1937 г. (в млн. тонн)

Год	Выплавка за год	Недодано по сравнению с 1913 г.	Избыток по сравнению с 1913 г.	Суммарная недодача на конец года
I	II	III	IV	V
1913	4,2	—	—	—
1919	—	3,5	—	3,5
1920	0,1	4,1	—	7,6
1921	0,1	4,1	—	11,7
1922	(0,2)	4,0	—	15,7
1923	0,3	3,9	—	19,6
1924	0,7	3,5	—	23,1
1925	1,3	2,9	—	26,0
1926	2,2	2,0	—	28,0
1927	3,0	1,2	—	29,2
1928	3,3	0,9	—	30,1
1929	(3,9)	0,3	—	30,4 *
1930	(4,5)	—	0,3	30,1
1931	(5,2)	—	1,0	29,1
1932	6,2	—	2,0	27,1
1933	(7,2)	—	3,0	24,1
1934	(8,6)	—	4,4	19,7
1935	(10,2)	—	6,0	13,7
1936	(11,8)	—	7,6	6,1
1937	14,5	—	10,3	избыт. 4,3

Примечания: 1. Цифры графы II, взятые в скобки, получены графическим интерполированием; 2. Цифры граф III—V получены расчетом по цифрам графы II; 3. Данные за период с 1922 по 1928 г. с советской системой учета с 1. 10. по 1. 10. отнесены условно к концу года; 4. Дата покрытия недодачи — середина 1937 г.; *) Максимальная величина.

---

[1] См. доклады Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина на совещаниях и пленумах ЦК КПСС («Правда» с 25. 1. по 31. 1. 1955 г.), посвященные вопросам строительства и работы промышленности, а также ряд выступлений на XX съезде КПСС, «Правда» с 14. 2. по 25. 2. 1956 г.

[2] Проф. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. III, Ленинград, 1956, стр. 167, 226, 294 и 391.

Исходя из величины годовой выплавки, согласно этой таблице, были вычислены годовые размеры недовыработки металла по сравнению с уровнем его производства в 1913 году и затем значение суммарной недодачи металла за весь период с 1919 г. на конец текущего года, соответственно цифровым данным колонок II и V, построены кривые на графике (кривая I и II), дающие наглядное представление хода изменения этих величин.

При вычислении суммарной недовыработки недодача 1918 года нами не учитывалась, хотя, благодаря развивавшейся полным ходом разрухе, выработка 1918 года была уже близка к нулю, далее недодача за 1919 год подсчитана не от уровня 4,2 млн. тонн, а от более низкого значения, условно принятого в 3,5 млн. тонн, учитывая снижение выработки в годы первой мировой войны [3].

Оба эти допущения несколько снижают определенную на их основе суммарную недовыработку металла, так что фактическая картина соотношений будет хуже, чем полученная на основе проведенных расчетов.

Из приведенной выше таблицы и графика (см. стр. 105) можно сделать следующие выводы.

1. Фактический уровень дореволюционного и довоенного производства чугуна — уровень 1913 года был достигнут только к середине 1930 года, т. е. вся страна по уровню производства металла была отброшена на 17 лет назад.

2. Суммарная недодача металла в народном хозяйстве страны по сравнению с уровнем производства 1913 года к этому времени (1930 г.) достигла солидной цифры, т. е. 30,4 млн. тонн чугуна.

3. Покрытие этой недодачи за счет повышения выплавки сверх уровня 1913 года происходило в течение последних лет первой пятилетки и всей второй пятилетки и закончилось только к концу 1937 года.

Таким образом, по насыщению страны металлом она была отброшена не на 17 лет, а на 24 года, т. е. почти на четверть века.

4. Суммарное количество металла, поступившего в народнохозяйственный организм страны за период с 1919 по 1937 год, несмотря на все усилия коммунистической индустриализации, не превзошло того количества, которое было бы получено при условии сохранения уровня производства 1913 года, условии, требующем совершенно невероятного прекращения какого бы то ни было экономического и технического развития страны и ее хозяйства. Последнее сравнение особенно наглядно показывает, во что обошелся только с одной этой чисто технико-экономической стороны народам России коммунистический захват власти.

5. На графике роста выплавки ясно виден перелом в плавном течении кривой, падающий на 1927 год. Этот перелом является признаком того, что на это время приходится переход от ремонта и пуска в эксплуатацию

---

[3] По данным БСЭ, изд. 1-е, т. «СССР», выплавка чугуна в 1913 году составляла 257,4 млн. пудов, а в 1916 г. 231,6 млн. пудов, т. е. снижение в 1916 г. составляет около 10%, в основном за счет остановки некоторых мелких устаревших заводов на Урале в связи с трудностями обеспечения их рабочими руками. При расчете недодачи эта линия снижения продолжена до 1918 года, когда условно можно принять конец первой мировой войны при отсутствии коммунистическо- захвата власти и затем следующих 2 лет.

еще достаточно сохранившихся промышленных объектов горной металлургии преимущественно к сооружению новых объектов [4].

В этом смысле дату 1927 года можно понимать как окончание восстановительного периода, т. е., что к этому моменту было восстановлено все, что еще поддавалось восстановлению, но не в смысле достижения (восстановления) уровня производства 1913 года.

Уровень производства 1927 года по выплавке чугуна составлял 3,0 млн. тонн против 4,2 млн. тонн в 1913 году. Следовательно, из общей производственной мощности металлургических заводов около 1,2 млн. тонн (около 29%) в результате коммунистического захвата власти и последовавших событий погибли безвозвратно и восстановлению не поддавались, что также следует отнести на счет издержек по установлению коммунистического режима в России [5].

Общее заключение из вышеприведенного анализа можно выразить следующим образом:

Советский Союз, в результате разрушений, причиненных коммунистическим захватом власти в стране, находился вплоть до периода, непосредственно предшествовавшего второй мировой войне, несмотря на все «масштабы» индустриализации и строительства тяжелой промышленности, «на металлическом пайке», в среднем не превышавшем уровня обеспечения 1913 г. по общему выпуску, а, следовательно, с учетом роста численности населения, на более низком уровне душевого потребления, в среднем за весь рассматриваемый период.

Учитывая общемировую тенденцию технического и экономического развития, сопровождающуюся неуклонным ростом производства и потребления металла, даже в странах, которые еще недавно совсем не имели металлургической промышленности, можно утверждать, что такой уровень обеспечения страны металлом должен быть охарактеризован как голодный паек или норма.

Действительно, если обратиться к положению в народном хозяйстве Советского Союза в течение как восстановительного периода, так и предвоенных пятилеток, то можно обнаружить, что острый металлический голод является постоянным признаком этого периода.

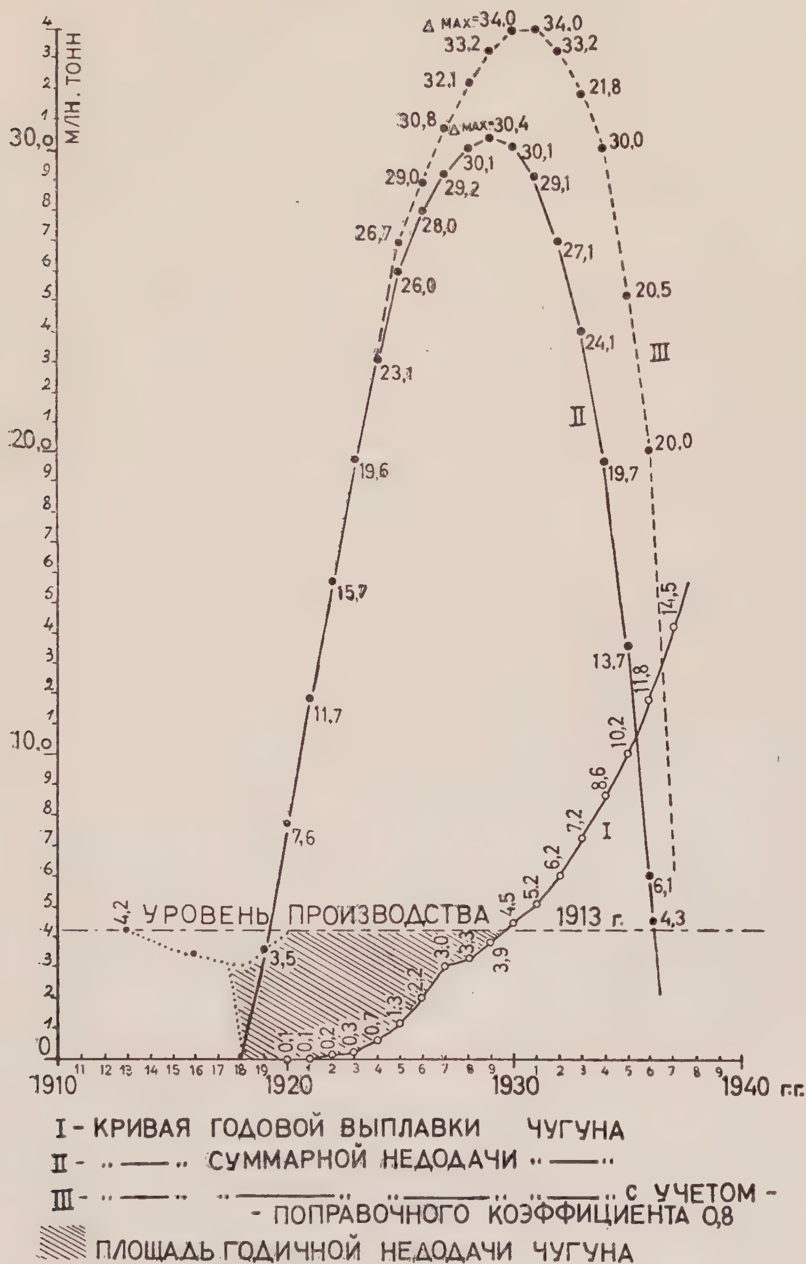
Этим голодом обусловливались многие трудности в заводском производстве (отсутствие металла в нужный момент, отсюда штурмовщина и замены, ведущие к перерасходам по весу, увеличению трудоемкости и т. д.), а также и на строительстве, что вело к появлению часто уродливых и неуместных безметаллических конструкций (деревянные шлюзовые ворота на Беломорканале или деревянные перекрытия в заводских цехах с горячим производством — литейных, стекольных, кузнечных и т. д.) и вызывало задержку строительства важных, но металлоемких объектов. В первую очередь это относится к железным дорогам, строительство которых совершенно не соответствовало по своим ничтожным масштабам потребностям войны.

---

4) Этот перелом становится особенно ясным, если кривые перенести на логарифмическую координатную систему.

5) Как пример таких объектов можно привести доменный цех Таганского металлургического завода и др.

График выработки и недодачи чугуна в СССР за 1918–1938 г.г.

Появление ряда новых видов производства, являющихся существенными потребителями металла, как, например, массовое производство тракторов или автомобилей, не меняет дела, так как общая сумма металла остается при этом неизменной и, следовательно, рост одних потребителей мог происходить только за счет еще большей урезки других потребностей и усиления диспропорции отдельных отраслей экономики.

Необходимо особо отметить, что эта, полученная на основании чисто количественного анализа картина существенно усугубляется еще за счет ряда специфических особенностей, присущих коммунистической системе тоталитарной диктатуры:

1. Значительно повышенное, по сравнению с дореволюционной Россией, использование металла для целей военных, — изготовления вооружения и снаряжения.

2. Особенности советского хозяйствования, которые ведут к нерациональному использованию металла и его огромным перерасходам, как это в частности было отмечено во многих случаях Хрущевым и Булганиным в их выступлениях на пленумах ЦК КПСС по вопросам строительства и работы промышленности, а также во многих выступлениях на XX съезде КПСС. При накладывании последнего обстоятельства на влияние голодного пайка происходит их суммирование и взаимное усиление, ведущее к еще большим перерасходам, нарушениям нормальной работы и т. д.

3. Повышенный расход металла в связи с необходимостью восстановления ряда объектов, разрушенных в результате насильственного коммунистического захвата власти (взорванные мосты и т. п.), а также бросовых работ и строительных объектов в связи с несостоятельностью системы тотального планирования.

При учете этих обстоятельств суммарная недодача металла и длительность периода, потребного для его покрытия, должны еще более повыситься, так как выплавленный в советских условиях металл является менее эффективным в расчете на единицу его веса, чем такой же металл в нормальном народном хозяйстве, каким в частности являлось и народное хозяйство дореволюционной России.

На графике нанесена дополнительная (пунктирная) кривая суммарной недовыработки, построенная исходя из принятия величины этих дополнительных потерь металла в 20% от выплавленного количества, или при коэффициенте эффективности 0,8.

Вычисленные на основе такого предположения величины дают значение (условное) максимальной недодачи в 34 миллиона тонн, а срок ее покрытия уходит к 1939—1940 гг., т. е. непосредственно ко времени начала второй мировой войны.

Инж. С. Кирсанов

Письмо в редакцию «Вестника Института»

Глубокоуважаемый Господин Редактор!

В нумере 3 (20) «Вестника» помещена статья проф. В. Н. Сперанского, «Творчество Достоевского и советская власть». Статья эта в высшей степени интересна. Она дает правильную в основном трактовку по затронутому вопросу и опирается, несомненно, на проверенные источники.

Однако она содержит в себе одно не вполне ясное замечание на стр. 75:

> «Инсценировки творений Достоевского были сняты с театральных подмостков. Сочинения великого писателя сделались заманчивым запретным плодом . . .»

Это место может быть неправильно понято в смысле официального и тотального запрещения сочинений Достоевского и основанной на них драматургии. Такое представление не соответствовало бы действительности. Правда, за все советское время, вплоть до «реабилитации» Достоевского в 1956 году, появилось одно единственное полное издание его художественных произведений в 13 томах (1926—1930 гг.). Но, несмотря на вполне отрицательное отношение режима к наследию писателя, официальное запрещение читать его творения никогда не выносилось, и читатель мог беспрепятственно получать из библиотек книги Достоевского в старых изданиях. Кроме того, их можно было свободно приобрести у букинистов.

Что же касается инсценировок произведений Достоевского, то они, несмотря на все более усиливавшиеся гонения со стороны партийного и советского руководства, никогда не исчезали с советской сцены. Театры и артисты делали все возможное, чтобы показать зрителю сцены из Достоевского. Условия этой борьбы за Достоевского в театре не были благоприятными и при нэпе, а в дальнейшем они все более ухудшались. Этой борьбы тем не менее нельзя забывать.

Еще в двадцатых годах можно было видеть на сцене знаменитого актера Орленева в роли Раскольникова. Гастролируя по многим городам Советского Союза, он неизменно включал в свой репертуар инсценировку «Преступления и наказания».

В этой же инсценировке тогда же очень часто выступал Петров-Братский, актер меньшего масштаба, но необычайно популярный у зрителя провинции.

Известный актер Блюменталь-Тамарин чуть ли не до самой войны гастролировал с инсценировкой «Идиота», играя сам роль Рогожина.

В 1928 году, во время празднования тридцатилетнего юбилея Московского Художественного театра, были показаны отдельные сцены из известной постановки этого театра «Братья Карамазовы» (1911 г.). В сукнах, но в костюмах и гримах были исполнены сцены «И на чистом воздухе», допроса Мити и др. В юбилейном вечере приняли участие Москвин (капитан Снегирев), Добронравов (Алеша), Леонидов (Митя), Н. Подгорный (следователь) и др.

В 1932 году на Малой сцене этого же театра состоялась премьера инсценировки рассказа Достоевского «Дядюшкин сон», в которой замечательно играл роль князя актер Хмелев, а в остальных ролях выступали Книппер-Чехова, Коренева, Яншин и др.

Приблизительно в это же время Московский Художественный театр 2-й осуществил новую инсценировку «Униженных и оскорбленных», где в главных ролях выступали Чебан (Ихменев), Гиацинтова (Нелли), Гейрот (князь Волковский). Постановка стала широко известна благодаря гастролям театра в главных городах СССР.

Нередко был представляем Достоевский в эстрадном исполнении. На весь Советский Союз прогремела сцена Ивана Карамазова с Чортом, играемая Качаловым за столом при свете лампы и длившаяся в исполнении час сорок минут, при затаенном дыхании тысяч зрителей.

Этот же артист выступал на эстраде и в других сценах из «Братьев Карамазовых», в частности играя в трех лицах (Федор Павлович, Иван и Алеша) сцену «За бутылкой толстобрюшки». Во второй половине тридцатых годов автор этих строк был в числе зрителей вечера отрывков из «Братьев Карамазовых («Надрыв в гостинной» в исполнении Кореневой, Аллы Тарасовой, Добронравова и др.), «Преступления и наказания» (сцена Свидригайлова с Дуней) и др.

Очень часто брали отрывки из Достоевского для своего репертуара выдающиеся чтецы. Артист МХАТ 2-го Михаил Чехов до самого своего отъезда за границу захватывал слушателя своим чтением монолога Мармеладова. Артистка МХАТ Михайловская отличалась прекрасным чтением фрагмента из «Белых ночей». Одной из этапных программ в художественной деятельности известного чтеца Владимира Яхонтова стал монтаж из «Идиота» (под названием «Настасья Филипповна»).

Отдало некоторую дань Достоевскому и советское кино. На рубеже двадцатых и тридцатых годов была сделана экранизация «Записок из мертвого дома». В тридцатых годах стал популярным среди зрителей снятый по мотивам Достоевского фильм «Петербургская ночь».

Я сознательно оставляю здесь в стороне возможности для советского гражданина подобраться к «запретному плоду» не непосредственным путем, в частности такие факты, как включение в собрание сочинения Андрэ Жида (печатавшееся в русском переводе со второй половины двадцатых годов) его знаменитого эссе о Достоевском с многочисленными цитатами из последнего. В этих случаях редакция, конечно, снабжала текст ироническими примечаниями по поводу «славянской души» и тому подобного, но это нисколько не мешало читателю ознакомиться с религиозной концепцией Достоевского в трактовке французского писателя. То же относится к русскому изданию произведений Стефана Цвейга и т. п.

Все эти факты жизни Достоевского на советской сцене, на экране и эстраде, свидетельствуют, само собою разумеется, не о преимущественной любви советского правительства к творчеству великого писателя, а как раз наоборот: о бессилии правительства перед его феноменом. Свидетельствуют, иными словами говоря, в подтверждение главной мысли статьи проф. Сперанского.

С совершенным к Вам, г-н Редактор, уважением

Игорь Костецкий

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Russia since Stalin: Old Trends and New Problems, „The Annals of the American Academy of Political and Social Science“, Volume 303, January 1956, Philadelphia, USA.

Двухмесячный журнал Американского Общества содействия политическим и социальным знаниям посвящает время от времени целые свои выпуски проблемам Советского Союза. Так, майский нумер 1949 г. заключал серию статей о послевоенном СССР. Первая книга «Анналов» Общества за 1956 г. содержит 15 статей разных авторов по проблемам СССР со времени смерти Сталина. Статьи выпущены под редакцией профессора Русского Института Колумбийского Университета Филиппа Е. Мозели, который в предисловии указывает, что редко существовал столь интенсивный интерес к какой-либо общественной проблеме, как к теме развития СССР после смерти Сталина в марте 1953 г. Наследники Сталина изменили кое в чем его политику и его методы, но нет данных считать, что эти изменения означают серьезную эволюцию советского режима. Установить степень эволюции, рассмотреть «старые тенденции и новые проблемы» — задача рецензируемой книги.

Сборник 15 статей американских исследователей отражает высокую специализацию советоведения, достигнутую за последние годы в США. Предоставляя оценке специалистов статьи, анализирующие партийную политику, идеологию, культурную жизнь и внешнюю политику, мы займемся здесь оценкой четырех экономических статей сборника:

Joseph Kershaw, «Новые явления в советской экономике»;

M. Gardner Clark, «Черная металлургия СССР: недавние сдвиги и перспективы»;

Gregory Grossman, «Советское сельское хозяйство после Сталина»;

Oleg Hoeffding, «Новые явления в советской внешней торговле».

Все статьи экономического отдела дают правильную оценку хозяйственных явлений в СССР и в целом не вызывают возражений. Американские исследователи советской экономики обнаруживают глубокое знакомство с советскими источниками и умение воспринимать их критически, толковать и сопоставлять. Относительно статьи д-ра Гроссмана следует сказать, что автор ее исключительно хорошо разбирается в связях социальных явлений в СССР, что представляет редкое качество у иностранца, т. е. лица, не имеющего непосредственного опыта жизни в СССР. Но по всем статьям могут быть высказаны некоторые замечания и сделаны пополнения.

Статья И. Кершоу уделяет значительное внимание темпам развития советского народного хозяйства и советской промышленности. Автор ссылается на расчеты различных американских исследователей и приходит к выводу, что среднегодовой темп развития хозяйства СССР составляет около 6,5—7%, а темп развития советской промышленностти — 10—15% в год (за исключением лет войны). Эти темпы развития больше, чем вдвое, превышают темпы хозяйственного развития США. Хотя

такие данные правильно в общем отражают экономическую энергию двух стран по знаку («больше» или «меньше»), но количественные расчеты по всему хозяйству СССР затруднены недостатком данных о сельском хозяйстве, расчеты же по совокупной промышленности наталкиваются на неодинаковость структуры промышленности в СССР и в западных странах. Ввиду этого количественные расчеты по всему хозяйству и по всей промышленности СССР могут содержать в себе значительные ошибки. Поэтому есть серьезные основания опираться, при расчете темпов развития США и СССР, на основные продукты тяжелой промышленности — сталь, нефть, уголь, электроэнергию, а также на основные строительные материалы (цемент) и основные химические продукты. При таком сравнении выводы получаются более определенные, несмотря на суженное поле зрения.

И. Кершоу объясняет высокие темпы советского хозяйственного развития централизованным руководством, копированием уже готовых образцов, отсутствием конъюнктурных циклов, сосредоточением в руках государства рычагов экономического управления, как налоги, субсидии. Все это может быть объединено понятием «авторитарное распределение труда». В таком виде эти причины почти совпадают с советской трактовкой «преимуществ социалистического хозяйства». Однако из этого круга причин выпадают хозяйственно-психологические причины, которые в свободном хозяйстве определяют темпы и направление его роста в соответствии с ощущением человеком своих потребностей, а в СССР занимают совершенно ничтожное место в планах диктатуры. Итак, коренная причина высоких темпов советского хозяйственного развития сводится к диктатуре в хозяйстве. Диктатура пренебрегает нормальной психологией хозяйства и интересами потребления. Более того, она пренебрегает высшим благом людей, когда обрекает миллионы людей на гибель во имя пятилеток.

Характеризуя советское хозяйство в целом, И. Кершоу считает его все еще аграрным, имеющим около половины всей рабочей силы в сельскохозяйственных отраслях (1953 г.). К моменту выхода из печати сборника «Анналов» эти данные устарели. Новый статистический сборник дает возможность рассчитать, что, при общем числе занятых в народном хозяйстве СССР в 1955 г. в 85,5 млн. чел., в сельском хозяйстве занято 37,8 млн. чел., то есть 44% (сюда входят и подсобные производства МТС). Следовательно, по числу занятых в сельском хозяйстве (и, разумеется, по валовой продукции) СССР не является более аграрной страной, хотя удельный вес сельскохозяйственного труда достаточно велик.

Отсталость сельского хозяйства СССР И. Кершоу склонен объяснять скудостью природы Севера, а вопрос колхозной организации сельского хозяйства и ее губительные последствия он рассматривает только на втором месте. В статье не отразились некоторые, уже известные результаты нового курса в сельском хозяйстве, связанные с повышением материальной заинтересованности крестьян в колхозном производстве, а между тем эти результаты очень показательны для всей колхозной политики старого и нового направления. Рекомендуя правительству СССР импорт зерна, скота, хлопка, хотя и сомневаясь, что СССР когда-либо откажется от политики автаркии, И. Кершоу упускает из виду, что дореволюционная Россия, несмотря на низкую урожайность и низкую производительность труда в сельском хозяйстве, была одной из крупнейших хлебо-экспортных стран. Выход из сельскохозяйственного тупика необходимо искать в другом направлении.

По расчетам автора, капиталовложения в СССР отнимают в среднем 20% или более всех экономических ресурсов (в других странах доля капиталовложений значительно ниже), а на военные нужды в СССР уходит 15% всех ресурсов хозяйства (1953 г.). Но понятие военных нужд очень неточно. В СССР в это понятие входят такие отрасли труда, которые в других странах считаются и являются чисто гражданскими. Поэтому, может быть, более

уместно говорить не о военных нуждах СССР, а о тех отраслях труда, которые не связаны с потреблением — ни прямо, ни косвенно. Все такие отрасли и являются, согласно доступным нам данным, военными отраслями. Автор не приводит, к сожалению, своих расчетов, положенных в основу этих 15 процентов. Нам же кажется, что его цифра занижена в несколько раз.

Через всю статью проходит мысль автора, что ни преобладание тяжелой промышленности в советском хозяйстве, ни «узкие места» в нем не означают еще кризиса, катастрофы или безысходного тупика и что, несмотря на напряженность заданий планов, дальнейшее развитие советского хозяйства возможно при сохранении прежних темпов и прежних пропорций. Это, конечно, правильно, если добавить, что такое развитие и в дальнейшем будет происходить за счет урезания потребления, отдыха и досуга трудящихся, т. е. в конечном счете оно будет зависеть не только от экономических, но и от политических и психологических факторов. Очень интересна и, по существу, правильна мысль автора, что наблюдаемые во всех отраслях советского производства нехватки сырья и продуктов, рабочей силы, машин неизбежны при существующей политике максимального использования всех ресурсов и даже желательны с советской точки зрения, так как противоположное явление — остатки, изобилие — означало бы плохое и несогласованное использование ресурсов.

Можно согласиться с И. Кершоу, что в будущем неизбежно некоторое снижение темпов хозяйственного развития СССР (хотя все же они будут превосходить скорость развития западных стран), но важно подчеркнуть, что в VI пятилетке это снижение еще не ощущается. В этом случае так же, как и в других, отсутствие в работе данных VI пятилетки делает ее недостаточно полной для освещения современного положения. Автор не ставит вопроса о мерах обороны западных стран против высоких темпов хозяйственного развития, навязанных народам советской диктатурой.

Единствнное заключение в работе Кершоу, заслуживающее прямого отвода, это его ожидание возможных перемен в советской экономике в сторону забот о потреблении под влиянием «более мягкой» международной политики СССР. Как нам уже приходилось отмечать на конференции Института, связь событий имеет обратный смысл: не «мягкость» внешней политики изменит экономику, а принципиальная неизменность советской военизированной экономики говорит о лицемерии советской политики улыбок во внешнем мире.

Статья Гарднера Кларка о черной металлургии СССР показывает очень основательное знакомство автора с техническим и экономическим аспектом новейшего развития советской металлургии. Помимо вопроса о темпах развития, рассматриваются вопросы производительности доменных и мартеновских печей, производительности труда и вопросы сырьевой базы.

Автор отмечает, что производительность труда металлургов в СССР значительно ниже, чем в США, но не дает никаких обоснований своему мнению. Между тем существует и другая точка зрения, отмеченная в работах нашего Института. Ссылки автора на выводы W. Galenson'a недостаточны, так как работа Galenson'a касается в основном довоенного состояния советской металлургии.

Интересны заключения автора, основанные на косвенных доказательствах, что в начале пятидесятых годов советская металлургия почти в такой же мере была переведена на работу для военной промышленности, в какой это имело место во время войны (1941—1945 гг.). Автор не дает оснований для своего суждения о степени удовлетворения потребности советской металлургии в скрапе. Здесь уместно спросить: учтена ли та масса скрапа, которая получается в результате ликвидации устарелого оружия? Этот источник скрапа в СССР должен быть более значительным (относительно), чем в европейских странах и в США, не занятых постоянной модернизацией оружия в таком объеме, как СССР.

Анализируя трудности, вытекающие из недостатка коксующихся углей и железной руды высокого качества в районах, удобных для развития производства, Кларк отмечает стремление советского хозяйства к автаркии, чем и объясняется экономически нецелесообразное размещение промышленности. Это очень важная констатация. Автор правильно считает это несовместимым с «мирным сосуществованием». Но тогда совершенно необъяснимо следующее заявление автора:

> «Мы серьезно думаем, что руководители, ответственные за экспансию советской металлургии, приветствовали бы такое сокращение потребления стали на вооружение» (стр. 61).

Увеличение потребления стали на вооружения толкает большевиков на экспансию металлургической промышленности. Или, может быть, автор противопоставляет руководителей советской внешней и военной политики руководителям советской металлургии? Такого противопоставления в жизни не существует.

Работа д-ра Г. Гроссмана о сельском хозяйстве СССР дает подробный анализ изменений в аграрной политике, имевших место с 1953 г., и освещает попутно смежные проблемы, как вопросы населения и недостатка трудовых ресурсов, положения легкой промышленности и так называемой «политики крутого подъема потребления». От внимательного взгляда автора не ускользают и малозаметные, малоизвестные за рубежом явления, характерные для колебаний советской политики и помогающие распознать действительные результаты советских мероприятий. Единственное, что в этом аспекте может быть поставлено в упрек автору, это его недостаточное внимание к исследованию новых заготовительных цен, повышение которых началось в 1953 г и продолжается в различных видах до настоящего времени.

Реформы в сельском хозяйстве представляются автору «существенными», хотя и не задевающими основ советского и колхозного строя (стр. 69). В этом мы полностью согласны с автором. Реформы «нового курса» представляют собою более серьезную, чем бывшие до сих пор, попытку вывести сельское хозяйство из перманентного кризиса и одновременно приблизить организацию и внутренние отношения в сельском хозяйстве к формам государственного хозяйства. Но считать положение советской экономики настолько угрожающим, чтобы оно могло заставить советских вождей «смягчить» курс внешней политики, нет никаких оснований. Во-первых, советская внешняя политика всегда подчиняла (и теперь еще подчиняет) себе внутреннюю политику, а не наоборот: международные цели являются более важными, всеобъемлющими и всеспасительными для советского режима. Во-вторых, СССР и при своем «жестком» курсе внешней политики не может ожидать больших международных осложнений, если он не вызовет их сам. Связывая трудности экономического положения со «смягчением» международной политики (стр. 74), д-р Гроссман повторяет популярный на Западе вариант объяснения событий в СССР после смерти Сталина (точнее, после речи Маленкова в августе 1953 г.), но это объяснение, повидимому, совершенно не отвечает действительности.

Д-р Гроссман правильно отмечает, что производительные силы, необходимые для повышения потребления в СССР, в основном имеются, но полное использование их для потребления поставило бы под угрозу основные, международные цели советской системы. В самом деле, ресурсы для повышения потребления в годы пятилеток пускаются в ход постепенно, когда повышение уровня жизни становится совершенно необходимым для поддержания политической морали в народе. Нынешний недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве также служит мотивом реорганизации сельского хозяйства в сторону повышения потребления на селе.

Статья Олега Хефдинга написана в намерении разоблачить «мифы и недоразумения» в американских представлениях о советской внешней торговле.

Автор отмечает развитие автаркических тенденций после войны, несмотря на энергичную советскую пропаганду в пользу двусторонней торговли, начавшуюся с новой силой на Московской экономической конференции 1952 г., т. е. еще до смерти Сталина. Сокращение советского импорта проводилось в полном согласии с принципами Сталина, высказанными в его последней брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952). Но маленковская политика «крутого подъема потребления» изменила картину постепенного, но неизменного сокращения внешней торговли после войны, и в течение года (1953—1954) советский импорт возрастал за счет ввоза потребительских товаров. После ухода Маленкова внешняя торговля СССР, особенно заморская, начала снова сокращаться, при росте доли стратегических материалов (например, каучука) в импорте. Этим моментом кончается анализ г. Хефдинга, хотя теперь мы знаем, что в 1955 г. внешняя торговля СССР все же возросла, но остается очень небольшой долей в объеме всей международной торговли мира.

Автор приходит к выводу, что СССР, уплатив в период увеличения импорта потребительских продуктов в 1953—1954 г. 150 млн. долларов в золоте, далее стал избегать золотых платежей, как это было и в сталинскую эпоху. Но, так как СССР не располагает достаточными резервами для обменной торговли, то не может быть речи о широком развитии внешней торговли, о чем советские представители так ратуют на словах.

Введение в 1951 г., во время Корейской войны, эмбарго на стратегические товары дало советской пропаганде удобного «козла отпущения», на которого сваливается вина за недостаточное развитие торговли. На самом деле, торговля СССР сокращалась и в тех странах, которые не присоединились к соглашению об эмбарго (Швейцария, Швеция). За время действия эмбарго страны советского блока стремились развивать собственное производство стратегических материалов, а потому и после возможной отмены запрещений торговля этими материалами не сможет расшириться до прежних размеров. Однако, несмотря на веские возражения против отмены эмбарго, эта отмена лишила бы советский блок, по крайней мере, выгодной для него дымовой завесы и заставила бы его обнаружить истинные намерения в торговле между Западом и Востоком. Таковы мысли автора о возможностях развития внешней торговли СССР.

На наш взгляд, отмена эмбарго на стратегические материалы с той только целью, чтобы лишить Советский Союз возможности ссылаться на него в своей пропаганде, была бы большой ошибкой руководителей западной политики. Задачей исследователя-экономиста является показать, что намерения коммунистов были одинаковы и до, и после введения эмбарго. Этот факт очень важен для западной внешнеторговой политики. Конечно, интерес СССР к стратегическим материалам и техническим новинкам мог бы несколько оживить советские заказы, но всегда с одной только целью — укрепить собственную автаркию и военную мощь. Как видно из других мест критикуемой статьи, г Хефдинг это хорошо знает.

Автор ясно показывает незначительные размеры торговли СССР с индустриально-отсталыми странами в настоящее время, несмотря на ее большой политический резонанс, но он считает, что эта торговля может в будущем развиться, особенно с теми странами, в которых СССР имеет политические интересы. Нельзя, однако, ожидать, что СССР выступит в виде крупного экспортера капитального оборудования, полагает автор. На самом деле СССР является импортером, а не экспортером капитального оборудования. Оно импортируется в СССР даже внутри советского блока — из Чехословакии и Восточной Германии.

Эти соображения автора об ограниченных возможностях советского экспорта промышленных фабрикатов совершенно правильны, и автору надлежало бы только сформулировать практические выводы для политики западных стран, в частности, тех «деловых

кругов», которые серьезно опасаются конкуренции на мировом рынке со стороны дешевых советских товаров. Из того основного факта, что СССР, по выражению автора, враждебно относится к торговле с капиталистическим миром, следовало бы сделать вывод о необходимости обходиться во внешней торговле без участия СССР, подобно тому, как оборонительные союзы Запада, по очевидности и необходимости, должны обходиться без участия СССР.

В конце статьи дан содержательный обзор торговли между странами советского блока — тема, которой уделяется мало внимания в литературе об СССР. Однако, экономические отношения между СССР и Китаем освещены в этом обзоре недостаточно.

В. Марченко

Jean Romeuf, Le niveau de vie en URSS, préface d'Alfred Sauvy, Presses Universitaires de France, Paris, 1954, 140 pp.

Хотя книга Жана Ромэфа, директора французского Института экономических наблюдений, издана уже два года тому назад, она заслуживает особого внимания исследователей Советского Союза тем, что и поныне остается единственной в своем роде публикацией об уровне жизненного стандарта в СССР в настоящее время, непревзойденной по детализации и методологии анализа [1]).

Книга состоит из шести разделов. В первом разделе автор описывает систему товарооборота и цен в СССР. Второй раздел дает анализ системы заработной платы. Третий — анализ уровня жизненного стандарта на основании бюджетов разного типа и в разные годы. В четвертом разделе сжато описываются различия реальной покупательной способности разных групп населения. В пятом представлена историческая эволюция покупательной способности, и шестой раздел кратко анализирует перспективы роста жизненного стандарта в СССР.

Кроме этих текстовых разделов, почти треть книги занята статистическими приложениями, дающими длинный список цен на разные продукты за последнее время, с указанием источников, откуда они взяты, а также и список ставок заработной платы различных профессий рабочих и служащих в послевоенное время, с указанием источников. В приложениях также приводятся примеры состава наборов продуктов и других товаров жизненной необходимости, цены на отдельные товары с 1913 года и текст закона от 8. 7. 1944 г. о материальной помощи многодетным матерям.

Самой характерной чертой работы Ж. Ромэфа, чертой, которой могут позавидовать многие другие авторы, является весьма заметное старание автора быть объективным. Поэтому трудоемкость его работы огромна. Он собрал массу материала, систематизировал, взвесил и проницательно его проанализировал. Взяв 30 наименований про-

---

[1]) Следует отметить еще две важные работы за последнее время, имеющие прямое отношение к проблеме измерения жизненного стандарта в СССР: a) Janet Chapman, Real Wages in the Soviet Union, 1928—1952, „Review of Economics and Statistics", May 1954, pp. 139—156; b) Les fluctuations des prix de detail en Union Soviétique, „Etudes et Conjoncture", No. 4, avril, 1955. Обе эти статьи основаны на богатом материале (особенно французская статья), но они не так полны, как работа Ж. Ромэфа.

дуктов продовольствия, 6 видов одежды, квартиру, отопление и освещение, 16 прочих нобходимых для нормальной жизни вещй, Ромэф оценил эти товары в ценах и получил стоимость жизни (бюджет) одного советского жителя. Для сравнения он привел также подобный бюджет француза, причем учел, конечно, разницу в предпочтениях француза к вину, а советского гражданина к водке и т. д. Ромэф также привел отдельные типы бюджетов для чернорабочих, квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала, учитывая разницу их вкусов и предпочтений.

Сравнительный анализ этих различных типов бюджетов является основным содержанием рецензируемой книги. В главных чертах автор пришел к следующим выводам. Стоимость жизни в месяц в 1953 г. для советского чернорабочего составляла 594,7 руб., для квалифицированного рабочего — 897,1 руб., для инженера — 1701,6 руб. Квалифицированный рабочий расходует 30,6% своего бюджета на продовольствие, 34,8% — на одежду, 4,4% — на квартиру, 8% — на отопление и освещение и 22,2% — на прочие необходимые расходы. Жизненный стандарт советского инженера составляет 286%, а квалифицированного рабочего — 150%, если жизненный стандарт чернорабочего принять за 100%. Автор делает общий вывод, что рабочий может прожить на 600 руб. в месяц; на 900 руб. он живет уже неплохо, а инженер с 1700 руб. зарплаты живет зажиточно.

Метод бюджетных сравнений сам по себе, конечно, безупречен, если условный набор товаров произведен удачно и цены каждого товара точные. Набор товаров в бюджетах Ж. Ромэфа кажется нам достаточно обоснованным. Ромэф при этом руководился производством отдельных товаров на единицу населения, что и послужило ему мерилом при составлении бюджетов. Однако оценка набора бюджетных продуктов Ромэфом кажется нам несостоятельной. Цены, которыми пользовался Ромэф, являются исключительно ценами, преобладающими в государственной торговле в городе Москве. Московские цены в общем отличны от цен в остальном СССР, так как цены в СССР в большинстве поясные. Этот факт уже позволяет применять бюджеты Ромэфа только к одной Москве, а не ко всему Союзу. Но в этом еще полбеды. Самая важная несостоятельность оценки бюджетов Ромэфа заключается в том, что он не учел цен колхозного рынка, имеющих весьма большое значение для бюджетов рабочих и вообще городских жителей. Конечно, не опубликовано еще ни одной работы ни в СССР, ни за границей, в которой бы приводились базарные цены и удельный вес покупок на базаре в бюджетах городских жителей. Следует отметить, что и западные корреспонденты и туристы никогда не обращают достаточного внимания на эти цены в СССР и не сообщают их за границу. У Ромэфа тоже таких цен не было. Но он обязан был по крайней мере оговориться на этот счет, если он сознавал, что без этих данных оценка его бюджетов занижена и в действительности стоимость жизни в СССР еще дороже. Однако Ромэф об этом ничего не сказал.

Это, пожалуй, единственный, хотя важный, недостаток в основном содержании книги Ж. Ромэфа — в его сравнительном анализе бюджетов. Если бы книга была ограничена только этим анализом, то ее ценность была бы более значительна. Но Ромэф, кроме анализа бюджетов, решил также определить и настоящие доходы советских граждан, чьи бюджеты он анализировал, то есть он задался целью определить, какую зарплату получают рабочие в СССР и хватает ли этой зарплаты для покрытия стоимости жизни.

Этот вопрос не был центральным в работе Ромэфа, и он, повидимому, мало внимания уделил ему. Или Ромэф стал жертвой чрезмерной своей объективности. Он хотел, чтобы каждая цифра, которую он приводит, была взята из советского источника или подтверждена таковым. В этом желании, конечно, нет ничего плохого в принципе, но в результате все же получилась неосторожная оплошность. Ромэф старательно выписал из советской печати сооб-

щаемые там случайные заработки отдельных рабочих. Он также собрал все сведения от иностранных туристов о заработках рабочих тех заводов, на которые водили гостей проводники «Интуриста». В результате всего этого, в таблице заработной платы советских рабочих и служащих у Ромэфа нет ни одной ставки ниже 375 руб. в месяц, а средний заработок рабочего получился у него превышающим 1000 рублей!

Исходя из такой, значительно преувеличенной, средней, Ромэф сделал вывод, что жизненный стандарт промышленного рабочего в Москве только на 10% ниже жизненного стандарта рабочего в Париже, причем семейные имеют несколько большие преимущества в Париже, а одинокие — в Москве.

Однако, если ни в советских газетах ни у Ромэфа не оказалось заработной платы рабочих ниже 375 руб. в месяц, то в действительности, как свидетельствует теперь опубликованный закон о минимальной заработной плате [2]), шестая часть всех рабочих и служащих СССР получала до 1957 года от 180 до 235 руб. в месяц, а с 1957 г. будет получать от 270 до 350 руб.

Ввиду того, что в СССР существует огромная пропасть между зарплатой низкооплачиваемых и высокооплачиваемых работников (в таблице Ж. Ромэфа отмечена одна зарплата в 15 000 руб. в месяц!), вывести какую-то точную среднюю зарплату на основании единичных случаев представляется весьма нелегкой задачей. Кстати, этого очень важного фактора роста неравности доходов граждан СССР на протяжении истории не учла в своей статье о советской реальной зарплате и г-жа Дженет Чапман (в указанной в первом примечании статье на английском языке). Полезная стоимость рубля для разных социальных групп в СССР разная. То, что для дворника стоит рубль, для генерала — копейка. Следовательно, при исчислениях средней заработной платы в СССР никак нельзя ограничиваться невзвешенной арифметической средней (делением, например, общего фонда заработной платы на количество всех рабочих и служащих), а надо более обстоятельно учитывать социальные неравенства в обществе. Советские пропагандисты привыкли утверждать, что только буржуазная статистика выводит среднюю зарплату из зарплаты рабочего и директора компании, но в действительности как раз советские статистики вынуждены прятать правду о социальном неравенстве в своей стране [3]).

Следует также отметить еще один аспект в работе Ж. Ромэфа, который следует считать не совсем состоятельным. Этот аспект имеет общий интерес, так как он весьма широко распространен в литературе об СССР. Говоря о покупательной способности и обменной стоимости рубля в других валютах, (в частности — на франки), Ромэф обращает внимание только на способность рубля покупать потребительские товары. Конечно, в работе по вопросам измерения уровня стоимости жизни только этот аспект покупательной способности важен. Но для соизмерения обменной стоимости рубля и иностранных валют никак не кажется возможным ограничиваться только параметрами цен на потребительские товары. Следует не упускать из виду того, что цены на средства производства в СССР тоже определяют стоимость рубля, а они часто по-монопсонистически [4]) занижены в интересах расширенного воспроизводства. При анализе настоящего паритета валют следует и эти цены брать во внимание.

В общем, однако, несмотря на указанные недостатки, книга Жана Ромэфа интересна и важна. Необходимость поправок в расчетах не уменьшает ее значения особенно как методологического справочника при анализе бюджетов советских рабочих.

Всеволод Голубничий

---

[2]) «Правда», 9. 9. 1956 г.

[3]) Ср. В. Фелікс, Доходи й привілеї совєтської бюрократії, «Вперед», Мюнхен, № 7(68), 1956 р., ст. 2—3.

[4]) Монопсонист — это значит один покупатель, подобно как монополист — это один продавец. Монополисту выгодно повышать цены, а монопсонисту — их понижать. Ред.

Raymond A. Bauer with the assistance of Edward Wasiolek, Nine Soviet Portraits, Massachusetts Institute of Technology and John Wiley and Sons, New York, 1955, 190 pp.

Автор «Девяти советских портретов», психосоциолог д-р фил. Бауер, начиная с войны, во время которой он был инструктором русского языка, занят изучением России и советских проблем. После войны он состоял сотрудником Русского исследовательского центра при Харвардском университете (Russian Research Center), затем был одним из руководителей Центра по изучению международных вопросов (Center for International Studies) при Массачусетском университете, а также читал социальную психологию в Харвардском университете, где принимал руководящее участие и в работах по изучению советской социальной системы (Harvard Project on the Soviet Social System). Им написана также книга «Новый человек в советской психологии» (The New Man in Soviet Psychology), обрисовывающая положение науки в Советском Союзе.

«Девять советских портретов» есть обратный разложению человеческого поведения на элементы опыт синтеза «типичных советских человеческих типов» из отдельных элементов психики советского мира. Иными словами, целью автора было облечь абстрактные пенятия в форму живых людей, составить из частей снова человека, поставить его в советские условия и позволить ему жить, чувствовать и действовать, как ему свойственно в мире советских схем, вещей и понятий.

Действующие лица этих рассказов и их события — сами по себе вымышленные, но, как это явствует из вышесказанного, передают верно и без малейшего вымысла полную подробностей советскую действительность. Взята она из жизни студентов, писателей, домашних хозяек, колхозницы и колхозного тракториста, женщины-врача, партийного работника, советского хозяйственника и энкаведиста.

Главной целью взятых прототипов было «дать конкретизированное социально-психологическое суждение о советской системе и показать отрицательные и положительные побудители-нажимы и приманки, которые пускает в ход режим, преследуя свои цели, а также реакцию на них советского гражданина, преследующего свои цели внутри созданного режимом корсета».

Материал для этого облеченного в беллетристическую форму опыта, имеющего прецеденты для объектов не из советского мира, был в значительной мере собран автором в Европе в 1950—1951 гг. среди советских перебежчиков и невозвращенцев и дополнен из огромного запаса сведений о Советском Союзе, накопленного американскими научно-исследовательскими учреждениями. При этом автор столкнулся в различных слоях советской жизни в огромной степени с одними и теми же основными темами, которые, нельзя не добавить, так же стары, как и породивший их режим: с террором тайной полиции; принуждением работать до предельного напряжения сил; хронической нехваткой материалов как для потребителя, так и для производителя; всеобщей политизацией жизни; триединством партии, полиции и администрации; необходимостью обходить закон и пускаться на уловки, чтобы пройти «узкие места» под неумолимым прессом советской системы; борьбой личности за расширение объема ее свобод и за увеличение ее урезанной доли в материальных благах; стремлением режима воспрепятствовать этой борьбе.

Девять рассказов, живо написанных и изобилующих верно переданным диалогом, передают многие типические стороны довоенной жизни рядовых и социально приподнятых советских граждан.

Студент выступает в защиту провинившегося профессора и в страхе ждет неприятных последствий.

Писатель, не видя иных путей печататься, сочиняет рожденную безвыходностью негодную книгу, которая вдруг становится самым ходким антикапиталистическим боевиком и открывает ему дверь на вожделенный олимп.

Домашняя хозяйка после полного рабочего дня несет все тяготы и неустройства советского быта.

Колхозница, чтобы прокормить мать и ребенка, ночью ворует умышленно недожатую пшеницу и застигает за тем же занятием своего очень строгого, напоказ, бригадира.

Женщина-врач, под угрозами боящегося попасть в прорыв начальства, посылает больных на работу, но делает, наперекор закону, из сочувствия, аборты.

Секретарь райкома партии, окруженный стихией взлетов и падений, принимает внезапное повышение или арест как неотвратимые превратности судьбы.

Директор завода, чтобы «выйти из положения», пускается на противозаконные комбинации и знает, что все сойдет ему с рук, лишь был бы выполнен план

Колхозный тракторист, вернувшийся со шрамами и орденами с войны, впрягается снова в старую лямку, озабочен только тем, как прокормить семью и не нарваться на неприятность, вспоминает украдкой товарища, ушедшего в Западную Германию, и делает, став бригадиром, колхозную карьеру.

Особняком стоит, сам по себе также правдивый, случай энкаведиста в силу своей исключительности и нетипичности. Сын репрессированного становится сначала сексотом, затем кадровым энкаведистом и, наконец, под влиянием душевного разлада и страха быть уличенным в этом разладе кончает с собой. Такая психологическая отягощенность и такой исход нетипичны для рядовых чекистов.

«Девять портретов» д-ра Бауера, реалистически отражающие советский социализм, являются антиподом пресловутого социалистического реализма. Один изъян в книге следует отметить: неправильную передачу на английский язык русских имен и некоторых слов.

П. Шпилевой

И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, Граффити Государственного Эрмитажа, Москва—Ленинград, Издательство АН СССР, 1953, 154 стр.

Еще в девяностых годах прошлого столетия было запроектировано собрание керамических надписей греческих городов Северного Причерноморья, которое должно было войти в корпус надписей античного Причерноморья[1]) как 3-й том. В двадцатых годах Е. Придик подготовил это собрание к печати. Наконец, в 1953 г. акад. Толстой опубликовал небольшую часть надписей, которые должны были войти в 3-й том корпуса, а именно граффити Эрмитажа. Книга И. И. Толстого содержит 255 надписей, из них 242 надписи появляются впервые.

Граффити распределяются по своему происхождению на граффити Ольвии, Березани, Херсонеса, Нимфея, Пантикапея, Таманского полуострова, одно граффити неизвестного происхождения; по своему содержанию — на надписи, свидетельствующие о производстве керамических изделий и о торговле ими, бытовые и застольные

1) Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae.

надписи, посвятительные надписи, магические тексты, тексты, смысл которых не ясен, одиночные буквы и цифровые знаки и, наконец, рисунки и знаки без сопроводительного текста.

Нельзя не признать публикацию И. И. Толстого в исследовательском отношении превосходной. Граффити, изданные Толстым, во многих отношениях обогатили наши сведения об античном Причерноморье. Например, мы узнаем из этих граффити о почитании Афродиты — Апатуры в Ольвии (№ 78), о культе Ахилла на Таманском полуострове (№ 252), о Ленейских празднествах на Березани (№ 75). Большинство граффити относится к IV—VI вв. до Р. Х. и поэтому имеет большое значение для изучения местного греческого произношения [2].

Однако, имея в своем распоряжении только зарисовки (а не фотографии), мы не можем судить в каждом отдельном случае, насколько прав издатель, исправляя чтения Придика — см., например, №№ 159 (с примечанием к нему П. Карышковского) [3], 5, 10, 48, 53, 84, 87, 153, 191, 217, 233 и т. д. Мы, с своей стороны, могли бы сделать следующие замечания к отдельным граффити, изданным Толстым.

Стр. 13 сл. № 11 (Ольвия, V в. до Р. Х.) Толстой предполагает весьма спорную форму *ἀπίπλη=ἀναπίπλη* — «наполняй». Существование предполагаемых им фонетических процессов в греческом языке данной эпохи нужно было бы подтвердить аналогичными формами из других памятников греческого языка.

Стр. 22, № 22 (Ольвия, V в. до Р. Х.) Толстой читает *ὁ δεῖνα Διον[ύ]σωι παρὰ Κλείτου* — «такой-то (посвятил) Дионису по поручению (от имени) Клейта». Однако Придик не думает, чтобы в надписи перед словом *Διονύσωι* было личное имя, и переводит надпись следующим образом: «(посвящено) Клейтом». По моему мнению, толкование надписи Придиком гораздо проще и естественнее, так как *παρά* с родительным (наряду с *ὑπό, ἐξ, πρός* с родительным) употребляется в греческом языке между прочим для обозначения действующего лица при пассиве [4] и слово, соответствующее русскому «посвящено», часто пропускается в граффити [5].

Стр. 26, № 29 (Ольвия, V или IV стол. до Р. Х.) форма *Δι (ί)* находит себе аналогию в Феодосии: ср. Записки Одесского Общества Истории и Древностей XX стр. 163—199, № 34, 35.

Стр. 30, № 38 (Ольвия, IV стол. до Р. Х.) едва ли можно читать вместе с Толстым *ὑγίας (= ὑγείας)*, так как аналогичные формы появляются только во втором столетии до Р. Х. [6] и *α* долгая вместо ионийской *η* окончания также мало вероятна для Ольвии IV в. до Р. Х Быть может, следует восстанавливать graffito как *ὑγιᾶ* [7] *Σ*...

Стр. 43—44, № 62 (IV стол. до Р. Х. Ольвия) *ἀμύντορας κα[τ᾿ἀρ]ὰν* — «защитников против проклятия». Однако значение «против» имеет иногда *κατά* с род., но не *κατά* с винительным [8].

Стр. 37, № 53 (Ольвия, IV в. до Р. Х., на обломке чернолакового килика с наружной стороны) Толстой восстанавливает еще нигде не встречавшееся имя *Ἥγουτος* [9], сопоставляя это имя с *Ἡγουμενός* Jos PE II 402. Структура восстанавливаемого имени не ясна: повидимому, это — adjectivum verbale 1 от *ἡγέομαι*, однако в adjectivum verbale 1 основа глагола присоединяется непос-

---

2) См. также И. Толстой, Народное произношение в керамической эпиграфике Северного Причерноморья, ИАК СССР, «Известия Отделения литературы и языка», т. X, вып 4, июль —август, 1951.

3) ВДИ, № 1, 1954, стр. 69—72.

4) E. Schwyzer, Griechische Grammatik, II, 1950, стр. 237 и 497.

5) A. Kocevalov, Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini, Eus Supplementa, 12, 1935, стр. 4.

6) Liddel-Scott-Jones, A Greek-English Lexicon, s. v.

7) Acc. sing. masc. или fem. от форма *ὑγιᾶ* в ионийском диалекте, быть, может, сохранилась у Гиппократа, Art. 33 (*v*. l. *ὑγιέα*): «Возможно, кто-то желает кому-то быть здоровым».

8) E. Schwyzer, op. cit., S. 480.

9) Придик читал *Ἡγευτός*.

редственно к окончанию — *τος* и мы ожидали бы форму *"Ηγητος* или *"Ηγετος* (ср. *ἡγε-μών*)[10]. Быть может, следует читать ... *ἡγου το (ῦ) Σ* . . ., рассматривая ..*ἡγου* как конец имени (например, *κυνήγου*)[11], а *Σ* как начало отчества — «(Я — собственность) Кинега (?), сына С...»

Стр. 63, № 91 (Херсонес, IV ст. до Р. Х.), быть может, следует читать не *Λυσαν(ί)α[ς]*, а *Λυσάνα[ξ]*?

Стр. 75, № 111 (Нимфей) *Ἡρακλέως*. Может быть, следовало бы указать, что такая же форма родительного падежа имен на *—κλῆς* встречается на астиномных клеймах, в надписях Ольвии, Боспора, в аттических надписях Римского времени.

Стр. 94, № 151 (Пантикапей, конец V — начало IV в. до Р. Х.) по Толстому *Ἱκεσίο μ' ἔκλεψε* — «он меня украл у Гикесия». По мнению Толстого, такая надпись была сделана с целью отбить у кого бы то ни было охоту украсть горшок: с такой надписью он был бы совершенно бесполезен вору. Такое толкование представляется весьма искусственным, а, главное, «красть что-нибудь у кого-нибудь» по-гречески будет не *κλέπτειν τί τινος*, а *τί τινι*[12]. Может быть, лучше было бы читать: *Ἱκεσίο· μὲ κλέψε[ι]* (conjunctivus prohibitivus) — «(Я — собственность) Гикесия. Пусть (вор) не украдет (меня)»[13].

Ср. граффито VI века с Березани, Записки Одесского Общества Истории и Древностей, XXVIII приложение, стр. 50: *μηδείς με κλέψει* «пусть никто не украдет меня».

В рассматриваемом граффито подлежащее пропущено потому, что сказуемое здесь может относиться только к одному определенному подлежащему.

Высказанные замечания ни в каком случае не имеют своей целью умалить научную ценность публикации покойного акад. Толстого. Они имеют в виду лишь содействовать правильной интерпретации некоторых из текстов, изданных И. И. Толстым.

Советское научное руководство в последнее время подчеркивает научное значение сборника Толстого. Даже в кратком Энциклопедическом словаре, в заметке об И. И. Толстом, скончавшемся в 1954 г., мы читаем о данной книге[14]. К сожалению, при этом умалчивается, что сборник И. И. Толстого есть одно из немногих изданий по греческой эпиграфике за 40 лет существования Советского Союза, что своим появлением, обратившем на себя всеобщее внимание, оно свидетельствует об окружающей его пустыне в данной области научного исследования в СССР, что после опубликования в 1918 г. написанной еще в свободных условиях работы того же автора «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте» научная деятельность автора, обреченная на произвол коммунистических гонителей классических изысканий, была безжалостно скомкана и подавлена. Таким образом, предсмертное издание акад. Толстого имеет не только научное значение: оно, как исключительное явление в своем роде, говорит о подлинно трагическом положении классической филологии в стране победившего социализма.

Проф. А. Коцевалов

---

10) В *Ἡγουμενός ου* возникло вследствие контракции конечного гласного основы *ε* и соединительного *ο*.

11) Нам известно имя *Κύναγος*, см. Pape-Benseler, Wörterbuch der Griechischen Eigennamen, s. v. Waddington, Inscr. gr. et. lat. de la Syrie, 2413 g.

12) E. Schwyzer, op. cit., II, 146,2.

13) A. Kocevalov, op. cit. S. 1, 1a.

14) Энциклопедический словарь, т. 3, 1955, Москва, Гос. науч. изд. «Большая советская энциклопедия», стр. 410.

Журнал Московской Патриархии, январь—июнь, 1956 г.

1

Нередко в ЖМП мы встречаем различные сообщения о событиях, которые имели место за несколько месяцев до того, как они попали на страницы журнала. Поэтому нам придется отметить некоторые факты, которые относятся еще к 1955 году.

Краткий календарь исторических событий, извлеченный нами из первых шести номеров ЖМП за 1956 год, выглядит следующим образом:

9. 10. 1955 — скончался епископ Михаил (Мельник) Дрогобычский и Самборский (рожд. 21. 10. 1903 г.).

21. 11. 1955 — прибытие в СССР делегации Евангелическо-Лютеранской Церкви Дании (отъезд — 12. 12. 1955 г.).

28. 11. 1955 — митрополит Елевферий слагает с себя права и обязанности Главы Православной Церкви в Чехословакии и назначается митрополитом Ленинградским и Новгородским.

29. 11. 1955 — прибытие в Москву делегации от приходов экзархата Московской патриархии в Америке.

25. 12. 1955 — хиротония епископа Иоанна (Алексеева) Таллинского и Эстонского.

31. 12. 1955 — скончался патриарх Иерусалимский Тимофей (рожд. 1878).

31. 12. 1955 — скончался архиепископ Иоркский Кирилл Ф. Гарбетт.

20. 2. 1956 — назначение игумена Пимена (Хмелевского) начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме с возведением его в сан архимандрита.

4. 3. 1956 — хиротония епископа Мстислава (Волонсевича) Великолуцкого и Торопецкого.

11. — 21. 3. 1956 — прибытие в СССР делегации Национального Совета Церквей Христа в США.

21. 3. 1956 — скончался архиепископ Спиридон, митрополит всея Эллады.

26. 3. 1956 — прием Н. А. Булганиным патриарха Алексия и митрополита Николая в присутствии Г. Г. Карпова.

5.—9. 4. 1956 — Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира в Стокгольме.

9. 4. 1956 — речь митрополита Крутицкого Николая на Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира в Стокгольме.

9. 4. 1956 — призыв к верующим всех религий мира Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира в Стокгольме.

10. 4. 1956 — скончался архиепископ Димитрий (Градусов), бывший Ярославский и Ростовский, в схиме Лазарь (рожд. 14. 6. 1881).

16. 4. 1956 — скончался архиепископ Никон (Петин) Одесский и Херсонский (рожд. 1. 6. 1902).

18. 4. 1956 — речь митрополита Николая Крутицкого на собрании представителей советской общественности в Москве.

25. 4. 1956 — назначение архиепископа Бориса (Вик), на Одесскую и Херсонскую кафедру с оставлением за ним звания экзарха Северной и Южной Америки.

Некоторые из перечисленных нами событий заслуживают особого внимания.

Так, в январе в ЖМП появилось сообщение о том, что в Киеве, по пути в Москву, в начале октября 1955 г. скончался епископ Михаил (Мельник), каковое событие не задержало делегацию, с которой ехал епископ, и она продолжила свой путь в Москву и Ленинград. Накануне по пути в Киев скончался секретарь Дрогобычского Епархиального Управления протоиерей Владимир Куновский.

Таким образом, эта поездка духовенства ознаменовалась двумя неожиданными смертными случаями. Как сам епископ Михаил, так и секретарь его Епархиального Управления, были ранее униатами и приняли православие лишь во время действий советских властей в Западной Украине. В статье Алексея Ростова в газете «Наша страна» [1]) говорится, что оба эти священнослужителя приняли у себя католического священника, отбывшего или бежавшего из концлагеря. Это был ста-

[1]) «Наша страна», № 328, 3. 5. 1956 г., Буэнос-Айрес, стр. 3—4.

рый друг епископа Михаила. Затем его переправили на Запад, что при близкой границе с Венгрией и Чехословакией было не трудно. По утверждениям А. Ростова, о. В. Куновский был снят с поезда до приезда делегации в Киев, а епископ Михаил допрашивался в архиерейских покоях митрополита Иоанна Киевского, где он скончался от разрыва сердца или же был отравлен чекистом. К сожалению, А. Ростов не указывает источника своей информации, но загадочность и необычайность этих двух смертных происшествий заставляет нас предполагать что-то недоброе.

Не менее странным событием является уход митрополита Елевферия с поста главы Православной Церкви в Чехословакии. К сожалению, мы не располагаем никакими бесспорными данными, которые могли бы пролить свет на это событие. Нам следует лишь припомнить, что до официальной даты своего ухода с поста главы Православной Церкви в Чехословакии митрополит Елевферий многие месяцы провел в Советском Союзе и его имя не раз упоминалось в ЖМП, как представителя Московского патриарха на различных официальных приемах. Это создавало довольно странное положение, когда глава автокефальной Церкви, находясь в пределах СССР, именуется представителем Московского патриарха на различных официальных приемах. Однако лишь в конце ноября 1955 года митрополит Елевферий сложил с себя полномочия предстоятеля автокефальной Церкви в Чехословакии «по болезни» и был сразу же назначен на Ленинградскую кафедру.

Одновременно с этим из Чехословакии был переведен в СССР другой архиерей — епископ Алексий (Дехтярев), о выбытии которого из состава чехословацкого епископата мы не находим никаких сведений в ЖМП. Говорится лишь в январском нумере о том, что 28 ноября он был назначен управляющим «Виленской епархией . . . , впредь до назначения на Литовскую кафедру Епархиального Архиерея».

Судя по данным ЖМП, в настоящее время Православная Церковь в Чехословакии управляется епископом Климентом Оломоуцко-Брненским, который носит также титул «Заместителя Митрополита Пражского и всея Чехословакии».

За период, который охватывается разбираемыми нами шестью нумерами ЖМП, скончалось три архиерея (из них один, бывший на покое) и было хиротонисано два.

Таким образом, в статистическом отношении наблюдается некоторое равновесие. Но нельзя этого сказать в смысле важности церковных деятелей. Без сомнения, и это отмечено журналом, смерть архиепископа Никона Одесского и Херсонского была весьма ощутительной для руководства Московской патриархии, так как этот видный архиерей занимал довольно важное положение: ведь Одессу и особенно летнюю резиденцию патриарха посещали многочисленные иностранные посетители. Повидимому, именно по этой причине на место почившего архиепископа Никона был назначен молодой и «проверенный» архиерей — архиепископ Борис, который успел побывать в Берлине в качестве экзарха Московской патриархии для Западной Европы, а затем получил важное назначение в качестве экзарха на Северную и Южную Америку. В связи с этим он посетил США и Канаду.

Среди ряда различных назначений и перемещений, имевших место за разбираемый нами период времени, отметим, назначение игумена Пимена (Хмелевского) на пост начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. На этом посту лица меняются очень част .

Нельзя не отметить также, что 26 марта 1956 года патриарх Алексий и митрополит Николай Крутицкий были приняты председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным. Этот визит напоминает тот, который патриарх Алексий нанес Г. М. Маленкову 11 декабря 1954 года, когда этот последний был главой советского правительства. В то время визит патриарха имел место через месяц после опубликования «Постановления ЦК КПСС об ошибках в проведении науч-

но-атеистической пропаганды среди населения» (от 10 ноября 1954 года).

Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира в Стокгольме получила широкое освещение на страницах ЖМП. Митрополит Николай Крутицкий принимал в ней самое деятельное участие. Он не только лично выступал в Стокгольме, но был инициатором особого обращения от имени Чрезвычайной сессии «к верующим всех религий мира», для чего он вновь объединил всех духовных лиц, съехавшихся в Стокгольм. Он также выступал в Москве перед «представителями советской общественности», что уже несколько лет как стало обычным явлением. Содержание выступлений митрополита Николая на этот раз было таким же сдержанным, как и во весь период «мирного сосуществования». Можно лишь отметить его стремление в своих речах «в защиту мира» пользоваться даже высказываниями Папы Римского, которого, как многие помнят, он еще недавно осыпал всевозможными обвинениями.

Перейдем теперь к разбору некоторых других сообщений, которые привлекают внимание читателя шести первых нумеров ЖМП за 1956 год.

Определением Св. Синода от 21 декабря 1955 года архиепископ Мануил (Лемешевский) назначен временным управляющим Чебоксарской епархией. Через полтора месяца он был утвержден на этом посту в качестве правящего архиерея. В официальном сообщении Московской патриархии ничего не говорится о том, откуда архиепископ появился. Он не был переведен с другой кафедры, и нет также указания о том, что он находился на покое. Доподлинно известно о том, что нынешний архиепископ Мануил, еще в сане иеромонаха, был одним из верных сотрудников Петроградского митрополита Вениамина. В 1923 году состоялось рукоположение молодого тогда Мануила в викария Петроградской епархии.

Однако очень скоро после этого он был арестован и сослан в Соловки. Протопресвитер о. Михаил Польский свидетельствует об этом, как и о том, что после Германо-советской войны епископ Мануил вошел в состав Московской Патриархии, получил сан архиепископа и был назначен в Чкалов [2]).

О дальнейшей его судьбе А. Ростов [3]) сообщает, что в 1949 году архиепископ Мануил был арестован и, повидимому, сослан в концлагерь. Эти сведения косвенно подтверждаются тем фактом, что имя архиепископа Мануила не упоминалось в различных изданиях Московской патриархии уже много лет. А теперь, без каких бы то то ни было объяснений, сообщается о его назначении на архиерейскую кафедру. Уже во второй половине марта месяца архиепископ Мануил отправился в объезд своей епархии [4]).

Столь же неожиданным является опубликование в июньском номере ЖМП [5]) статьи-стихотворения митрополита Нестора, «бывшего камчатского миссионера», как его рекомендует редакция. О судьбе митрополита Нестора очень долгое время ничего не было известно. В русской печати появилось лишь два сообщения о нем в самом недавнем времени.

Однако они проливают мало света на то, что произошло с митрополитом Нестором после его исчезновения из Харбина в начале пятидесятых годов. Одно из этих сообщений принадлежит перу В. Бусыгина, бывшего старосты церкви «Всех скорбящих радости» при Доме Милосердия в Харбине, и в нем мы читаем:

> «Митрополит Нестор увезен в начале пятидесятых годов в Советский Союз вместе со своим секретарем о. В. Герасимовым. Оба были

---

[2]) Прот. М. Польский, Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей, Джорданвиль, 1948, стр. 41.

[3]) А. Ростов. На Родине, «Наша страна», Буэнос-Айрес, 3.5.1956. стр. 3.

[4]) ЖМП, № 5, стр. 6.

[5]) Там же, № 6, стр. 41—42.

...судимы. Где-то отбывали наказание и в прошлом 1955 году были освобождены за неимением против них улик. В данное время (по письмам, которые я имею из Харбина) Митрополит Нестор находится у Патриарха Алексия, который предлагал ему митрополию, но Владыка Нестор, по состоянию своего здоровья, отказался и просил дать ему возможность провести остаток его жизненного пути в каком-нибудь монастыре» [6]).

Второе свидетельство о судьбе митрополита Нестора принадлежит перу Анатолия Скрипкина и помещено в той же газете [7]). В нем подтверждается уже известный факт, что после смерти митрополита Мелетия в Харбине экзархом на Дальнем Востоке был назначен тогдашний архиепископ Нестор, бывший Камчатский, с возведением его в сан митрополита. А. Скрипкин также сообщает об аресте митрополита Нестора и пишет:

«Как произошел «арест» Нестора в пятидесятых годах, т. е. после пяти-шести лет беззаботного житья на коммунистических хлебах — точно неизвестно... В настоящее же время «Митрополит» Нестор живет припеваючи на патриаршей даче в окрестностях Одессы рядом с св. Успенским Монастырем».

Оставляя в стороне вопрос о том, что один из свидетелей превозносит митрополита Нестора, а другой его поносит, мы отметим лишь тот факт, что экзарх Московской патриархии на Дальнем Востоке был действительно арестован советской властью и находился где-то вне ведения патриарха. Сообщение о его освобождении в 1955 году, повидимому, соответствует действительности, а появление его статьи-стихотворения в ЖМП указывает на то, что его сотрудничество с Московской патриархией приобрело какую-то более определенную базу.

После этих двух случаев, которые как мы видим, подтверждают факт, что архиереи Московской патриархии самым обыкновенным образом арестовываются и ссылаются, у нас невольно вызывает сомнение любое сообщение о том, что тот или иной архиерей «уволен на покой по состоянию здоровья», как об этом мы узнаем по отношению к епископу Феодосию Архангельскому, который еще недавно провел долгий и трудный объезд своей северной епархии. Епископ Феодосий «уволен по болезненному состоянию на покой» журнальным постановлением Св. Синода от 17. 2. 1956 года.

К неясным нам сообщениям мы можем отнести также следующие строки из ЖМП за март месяц [8]):

«Полгода назад, 24 октября 1955 года, скончался на 83-м году жизни один из старейших священнослужителей г. Москвы митрофорный протоиерей Вячеслав Стефанович Соллертинский».

Почему в ЖМП появляется сообщение о смерти столь видного священнослужителя и ученого, скончавшегося, притом, в самой Москве, а не в какой-либо отдаленной епархии, только через 6 месяцев?

Часто нам приходится встречать «умолчания» в биографиях различных духовных лиц, которые по той или иной причине появляются на страницах ЖМП. Так, например, в июньском нумере мы находим сообщение о смерти настоятеля московского храма Всех святых митрофорного протоиерея Михаила Фокиевича Голунова, последовавшей 30 марта 1956 г. В его краткой биографии мы находим следующие строки:

«Пастырское служение о. Михаила в Уральске продолжалось до 1925 года, после чего в его пастырской деятельности начался новый —московский — период, длившийся с некоторыми перерывами до дня

---

6) Газета «Русская жизнь», Сан-Франциско, № 3721 от 19. 10. 1956, стр 2, Письмо в редакцию.

7) Там же, № 3725 от 8. 11. 1956, — приложение Крестовый поход во имя правды, № 108, стр. 2, От св. православного креста к красной звезде (по поводу одного письма).

8) ЖМП, № 3, стр. 16.

его смерти. Начался этот период с настоятельства в Замоскворецком храме священномученика Климента... Эти труды продолжались до 1933 года. С новой энергией возобновились они с середины сороковых годов, сначала в Воскресенском храме, что в Брюсовском переулке, а затем в храме преподобного Пимена Великого»[9].

Невольно возникает вопрос, где находился о. Михаил с 1933 года до «середины сороковых годов»? Ответа на него мы не находим на страницах ЖМП. Однако из практики этого органа печати нам хорошо известно, что такие умолчания указывают на события в жизни данного человека, которые не должны быть упомянуты в журнале.

Одно сообщение в ЖМП как раз противоположно тому «умолчанию» в биографиях различных лиц, о котором мы только что говорили. Мы имеем в виду сообщение о смерти схиархимандрита Петра (Варварова), последовавшей 4 марта 1956 года. Об этом сообщается в майском нумере журнала. До принятия схимы перед самой кончиной архимандрит носил имя Пантелеймона и проживал в Харькове.

Как известно, этот город был оккупирован немцами во время войны. Однако, несмотря на это, в биографии схиархимандрита Петра мы находим следующее сообщение:

> «С 1941 года по 1943 год архимандрит Пантелеймон был председателем Харьковского епархиального управления, затем настоятелем Харьковского Покровского монастыря»[10]

Это — первое упоминание о периоде немецкой оккупации, которое нам пришлось встретить в ЖМП.

В апрельском нумере журнала впервые делается более определенное указание на то, что личность и писания великого праведника Кронштадтского не находятся теперь под таким негласным запретом, как до сего времени. В статье прот. В. Семина, озаглавленной «Образ православного пастыря»[11], мы находим ссылки на «Дневник» прот. И. Сергиева, как называет автор общеизвестную книгу отца Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе». Характерно также, что, давая ссылку на эту книгу и отмечая ее в примечаниях к статье, прот. В. Семин не называет ни места, ни года издания, ни страницы, откуда им взята выдержка. Само собой разумеется, что о. Иоанн не называется «Кронштадтским», как его величал весь русский народ. Мы уже отмечали, что когда впервые приводились цитаты из творений о. Иоанна в ЖМП, даже не было названо его имя. Теперь же дается его официальная фамилия, но без каких бы то ни было более понятных указаний. Читатель статьи прот. В. Семина, если он не знаком с личностью о. Иоанна Кронштадтского, даже не может иметь представления о том, в какое время жил этот великий пастырь, потому что ссылка на него находится между ссылками на патриарха Алексия и св. Григория Богослова.

Мы произвели тщательный подсчет количества вновь отремонтированных и построенных храмов, о чем были даны сведения в шести нумерах ЖМП. Результаты получились весьма недостаточные: 15 отремонтировано, главным образом, в селах, и построен один молитвенный дом. Если принять во внимание, что официальные представители Московской патриархии часто заявляют об интенсивном храмостроительстве в СССР, то результаты первого полугодия 1956 года явно противоречат таким заявлениям.

Редакция ЖМП очень часто допускает довольно странные изменения в журнале. Так, например, иной раз мы находим много сведений о жизни духовных школ в Советском Союзе, а в другой раз о них не сообщается почти никаких данных. За первое полугодие 1956 года таких сведений невероятно мало: не было помещено ни одного сообщения о жизни в духовных семинариях, а об академиях мы нашли лишь четыре очень кратких заметки: три из

---

9) Там же, № 6, стр. 10.

10) Там же, № 5, стр. 7.

11) Там же, № 4, стр. 37—43.

них относятся к Ленинграду (годичный акт, зимние каникулы и духовный концерт) и одна к Москве (защита магистерской диссертации доц. А. И. Ивановым).

Зато в ЖМП появился новый отдел: «Храмы и монастыри». В нем было помещено три интересных статьи: о Горненском монастыре в Иерусалиме (ЖМП, № 3, стр. 18—20), об Успенском кафедральном соборе во Владимире (ЖМП, № 4, стр. 13—16) и о Благовещенском кафедральном соборе в Харькове (ЖМП, № 5, стр. 9—12).

Открытие этого нового отдела является весьма похвальным. Быть может, он позволит читателю хотя бы по официальным данным познакомиться с некоторыми подробностями нынешнего состояния храмов в СССР. В частности, весьма ценным может быть подбор данных о находящихся в них св. мощах и чудотворных иконах, сведения о которых весьма скудны за границей.

2

Теперь мы приступим к разбору более обширных статей ЖМП и в первую очередь обратим внимание на то, что целых пять статей, разбросанных по различным нумерам, трактуют проблему взаимоотношений Русской Православной Церкви с другими Православными автокефальными Церквами. Вопросу о связях Московской патриархии с Румынской Церковью посвящены три статьи, из которых две описывают очередное посещение митрополитом Николаем Румынии. Третья же, «Из истории русско-румынских церковных отношений», принадлежащая перу проф. И. Шабатина, является серьезным историческим исследованием, которое заслуживает внимания всех, кто интересуется этим вопросом [12].

Тому же автору принадлежит другая статья «Из истории взаимоотношений Сербской и Русской Православных Церквей», которая, как и первая, весьма интересна. Это — исторический обзор церковных связей между Белградом и Москвой [13]. Конечно, эта статья смогла появиться в журнале лишь после того, как отношения между Хрущевым и Тито стали более дружественными.

Последняя же статья, принадлежащая перу проф. А. Иванова и озаглавленная «Русская Православная Церковь и православный Восток» (за последние пять столетий), дана лишь в своей первой части и будет продолжена в следующих нумерах журнала [14].

Все эти статьи имеют целью доказать, что Русская Церковь относилась и, следовательно, относится и теперь с исключительным вниманием к своим «сестрам» и оказывала им большую материальную и моральную помощь.

Исключительно безотрадное впечатление оставляют все те статьи, которые трактуют различные политические вопросы. Ранее в журнале политические выступления были сосредоточены, главным образом, в отделе «В защиту мира», где мы встречали высказывания митрополита Николая Крутицкого и описание его путешествий, а также хвалебные отзывы о нем его официальных панегиристов. В разбираемых нами нумерах мы также встречаем все это, но, если как-то еще можно с большой натяжкой соединять в словах и статьях коммунистическое понимание мира и христианское объяснение того же слова, то соединение христианской нравственности с поездкой Булганина и Хрущева в Индию является уже вовсе безнадежным делом.

Однако мы это встречаем даже в новогоднем послании патриарха Алексия. Как-то совершенно не вяжется с представлением о послании предстоятеля Православной Церкви «мирное сосуществование» в нем следующих фраз:

> «Действительно, в 1955 году, — пишет патриарх, — мы обогатились такими событиями, которые утверждают веру человечества в жизнь, как высшее благо, и внушают ему надежду на достижение такого вре-

---

12) Там же, № 2, стр. 59—65.

13) Там же, № 6, стр. 67—75.

14) Там же, стр. 55—62.

мени, когда все люди на земле почувствуют себя не врагами друг другу, а братьями...

Но особенно значительным событием минувшего года явился необычайный успех советских руководителей, посетивших Индию, Бирму и Афганистан с миссией доброй воли»[15]).

К великому сожалению, эта же тема трактуется в ряде других статей. А. Васильев назвал свою статью «Свет Вифлеема», и в ней также фигурируют не волхвы, а все те же Булганин с Хрущевым[16]). Нам кажется, что это — первая ступень к впадению в богохульство, не говоря уже о том, что по современной советской терминологии это граничит с новым «культом личностей». Васильеву вторит А. Ведерников в статье «Слово христианской любви»[17]), за каковой мы встречаем опять статью того же А. Васильева «Великая встреча»[18]). Эти же мысли о связи христианского мира с путешествиями Булганина и Хрущева в Индию мы затем встречаем время от времени в отдельных других писаниях.

Трактуя столь скользкую тему, журнал одновременно с этим нападает на президента США Д. Эйзенхауэра за его рождественское послание 1955 года. Президенту приписываются фантастические мысли и намерения насадить капиталистов в странах советских сателлитов. «Что общего у Христа с капиталистическим Молохом?», — патетически восклицает свящ. Н. Петухов[19]), нисколько не смущаясь тем, что его статья помещена между двумя другими, в которых настойчиво доказывается «связь» между Христом и Булганиным с Хрущевым!

«Мирное сосуществование», которое царило в официальной советской пропаганде до событий в Венгрии, получило всемерное отражение на страницах ЖМП. «Дух Женевы», «Христианская мораль и разоружение народов», «Борцы за мир», «Страх атомный и страх Божий». Таковы названия других статей политического характера. К ним следует присоединить также еще одну — «Вопросы войны и мира в свете Библии», каковая является произведением самого Митрополита Николая. Надо отметить, что она носит более сдержанный характер, чем некоторые другие. Это — довольно популярная агитка, ничего общего не имеющая с научностью[20]). Само собой разумеется, что к статьям с политическим содержанием надо отнести все описания поездок митрополита Николая за границу в качестве «поборника за мир», но они никакого интереса не представляют.

Московская патриархия уже давно и не раз обещала, что она начнет издавать особые богословские сборники. Однако до сих пор это обещание не могло быть исполнено, и поэтому она пользуется страницами своего официоза, чтобы опубликовывать различные научные работы профессоров духовных академий и других лиц, занимающихся научным богословским трудом. В связи этим отдел серьезных статей является наиболее интересным с точки зрения наблюдения за развитием богословской мысли в СССР и, несомненно, заслуживает внимания специалистов. Правда, не все статьи одинаковы по своим научным достоинствам, но мы должны все же отметить, что с каждым годом их содержание становится все более серьезным.

Весьма специальное исследование доц. А. Иванова, «Новое критическое издание греческого текста Нового Завета» является частью его магистерской диссертации, о которой мы упоминали[21]). Эта статья имеет не только несомненные научные достоинства, но также является своего рода полемикой с западными протестантскими богословами, о чем пишет сам автор в одном из своих примечаний:

«Настоящая статья имеет целью, между прочим, дать ответ на те за-

---

15) Там же, № 1, стр. 4.
16) Там же, стр. 29—32.
17) Там же, № 2, стр. 39—40.
18) Там же, стр. 42—43.
19) Там же, стр. 41.

20) Там же, стр. 24—29.
21) Там же, стр. 49—58; № 4, стр. 49—58; № 5, стр. 43—52.

мечания и возражения, которые сделаны некоторыми представителями протестантских кругов на мою статью «К вопросу о восстановлении первоначального греческого текста Нового Завета», помещенную в № 3 Журнала Московской Патриархии за 1954 год».

Этот факт является весьма отрадным, так как он показывает, что постепенно устанавливается обмен научно-богословскими мнениями между учеными русских духовных академий и западными. Конечно, для этого потребовалось много лет, во время которых произошло не только повышение научного уровня церковной мысли в Советском Союзе, но и большая возможность пользоваться современными западными источниками. В нормальных условиях не приходилось бы беспокоиться за дальнейшее развитие этих научных взаимоотношений, но при полной неуверенности в направлении будущего курса коммунистической политики всегда можно ожидать, что железный занавес резко опустится и в этой области.

Не меньшее значение имеет статья епископа Михаила Смоленского и Дорогобужского, постоянного сотрудника журнала, который дал исключительно интересный научный разбор так называемого «Четвероевангелия 891 года» [22].

Если мы припомним, что в 1955 году был помещен ряд серьезных статей по вопросу о русском тексте Нового Завета, то мы сможем отметить, что в области новозаветных текстов русскими богословами за последние два года была проведена серьезная работа.

Уже отмеченная статья прот. В. Семина, «Образ православного пастыря» [23], конечно, не может претендовать на ту же научную серьезность, что и предыдущие, но все же ценна, как добросовестное популярное изложение. Выше ее в научном отношении статья свящ. П. Викторова, «Усвоение догматических истин человеческим сознанием» [24]. Мы не имеем никаких данных о ее авторе, но по форме изложения и содержанию можем подразумевать, что он не чужд богословского образования.

Несомненное нравственное значение имеют статьи «Мысли святых отцов о посте» [25], «Мысли святых отцов о молитве» [26] и «Мысли святых отцов о любви» [27]. Но эти три статьи являются не богословским исследованием, а материалом для пастырей, как и статья «Православное богослужение в жизни христианина», принадлежащая перу прот. К. Константинова [28].

На особом месте стоит статья митрополита Николая Крутицкого, «Любовь по учению Нового Завета» [29]. Фактически это — «докторская лекция», которую автор произнес в Клужском протестантском институте в Румынии 12 декабря 1955 года после вручения ему диплома доктора богословия.

На последнем месте (в порядке интереса) мы поставим две статьи епископа Михаила Смоленского и Дорогобужского, посвященные истории жизни и поучениям афонского старца Силуана [30]. Ясно, что в этом случае мы имеем дело не с богословской мыслью в СССР, а с компиляцией трудов русских церковно-богословских кругов в Париже, признающих над собой власть Московской Патриархии. Именно там было написано много о старце Силуане, почитание которого теперь поддерживается также со стороны ЖМП. Некоторые статьи относятся к изучению различных инославных исповеданий.

Имя М. Добрынина нам уже известно по его серьезным разборам в области истории и современного состояния Яковитской церкви. На этот раз он дает две статьи: «Литургия Яковитской

---

22) Там же, № 4, стр. 43—49.
23) Там же, стр. 37—43.

24) Там же, № 6, стр. 46—54.
25) Там же, № 3, стр. 34—37.
26) Там же, № 4, стр. 32—36.
27) Там же, № 5, стр. 33—37.
28) Там же, № 1, стр. 36—48.
29) Там же, № 2, стр. 47—53.
30) Там же, № 1, стр. 48—59; № 2, стр. 54—58; № 3, стр. 42—49.

Церкви и ее особенности»[31] и «Яковитская Церковь»[32].

Если мы прибавим к ним обстоятельную статью того же автора, которая была помещена в ЖМП в 1955 году[33], то у нас получится большой и серьезный материал на тему о Яковитской Церкви, который был за последние годы разработан одним и тем же лицом. И хотя автор этих статей является лишь студентом академии, его подход к теме и работа над ней показывают, что мы имеем дело с лицом, которое идет по пути серьезных научных работ в области истории Церкви.

В № 4 мы встречаем еще одну интересную и серьезно написанную статью доц. Н. Муравьева «Сиро-Халдейская Церковь»[34], которая трактует все ту же тему о христианах на Среднем Востоке, отделившихся от Православной Церкви. Мы уже отмечали, что этот интерес Московской Патриархии к Яковитской Церкви совпадает с интересом советского правительства к делам в арабских странах[35].

В свете же событий конца 1956 года этот интерес Московской Патриархии к Среднему Востоку приобретает далеко не теоретический характер.

Две статьи посвящены вопросу о взаимоотношениях между Русской Православной Церковью и англиканами. Первая из них принадлежит перу М. Виноградова и озаглавлена «Православная Церковь и англиканское исповедание после первой мировой войны[36]. Она является как бы конспективным рассмотрением тех взаимоотношений, которые были прежде и установились в настоящее время между православными и англиканами. Она как бы готовит читателя к тем переговорам, которые предвидятся в будущем между Московской патриархией и англиканской церковью. Вторая же статья посвящена памяти Вильяма Джона Биркбека» — таково и ее заглавие[37]. Она посвящена 40-летию со дня смерти этого английского друга Православия, и ее помещение является наглядной иллюстрацией того расположения, которое проявляется в настоящее время со стороны Московской патриархии к англиканам.

Н. Григорьев

---

31) Там же, № 1, стр. 68—74.
32) Там же, № 3, стр. 66—71.
33) Там же, № 9, 1955, стр. 62—69; № 10, стр. 59—64.
34) Там же, № 4, стр. 66—70.
35) Вестник Института по изучению СССР, № 3(20), 1956, стр. 138.
36) ЖМП, № 6, стр. 62—66.
37) Там же, стр. 76—79.

Библиографический указатель новой литературы о Советском Союзе и коммунизме

1. Albrecht K., Sie aber werden die Welt zerstören . . . , Pax-Buchhandlung, Reinbeck, DM 9.80.

   — Автор известной книги о коммунизме, вышедшей в нацистское время. Он описывает свою жизнь с 1934 по 1945 г. Был специалистом по восточному вопросу. Суд в 1945 г. оправдал его, так как свидетельские показания остарбайтеров, евреев и немцев говорили в его пользу.

2. Barghoorn F. C., Soviet Russian Nationalism, Oxford University Press, New York, 1956, 330 pp., $ 7.00.

   — Патриотизм и национализм в СССР в понимании советских вождей. Определение советского национализма, его задачи и формы. Шовинизм и социалистический мессианизм коммунистов. Автор был пресс-атташе в Москве с 1942 по 1947 гг. В настоящее время профессор Иэльского университета в США.

3. Benns F. L., Europäische Geschichte seit 1870. Erster Band: 1870—1919. Zweiter Band: 1920—1951, Pax-Buchhandlung, Reinbeck, 1002 S., DM 20.00.

4. Bernant E., Ruggles M. J., Collective Leadership and the Political Police in the Soviet Union, Rand Corporation, Santa Monica, California, 1956, 55 pp.

5. Berndorf H. R., General zwischen Ost und West, Pax-Buchhandlung, Reinbeck, 320 S., DM 12.50.

   — Генерал Шлейхер и вопрос о тайном военном соглашении Рейхсвера с советским генеральным штабом.

6. Black C E., Rewriting Russian History. Soviet Interpretations of Russian's Past, Praeger, New York, 1956, 420 pp.

   — Переосмысливание и фальсификация исторического прошлого России в современной советской исторической науке.

7. Bromage B., Man of Terror: Dzerzhynski, Owen, London, 1956, 223 pp.

   — Краткая биография Дзержинского по различным источникам.

8. Bromage B., Molotov: The Story of an Age, Owen, London, 1956, 256 pp.

   — Роль Молотова в истории советской власти.

9. Chambre H., Le marxisme en Union Soviétique: Idéologie et institutions, Editions du Seuil, Paris, 1955, 510 pp.

   — Интерпретация Маркса в Советском Союзе. Идеологические принципы и политические институции.

10. Charles-Roux F., Souvenirs diplomatiques, A. Fayard, Paris, 1956.

    — В молодости автор воспоминаний работал в качестве атташе во французском посольстве в Петербурге в 1902—1904 гг.

11. Dawson Ch., Europa. Idee und Wirklichkeit, Pax-Buchhandlung, Reinbeck, 232 S., DM 8.90.

    — Перевод с английского. Культурная и религиозная история Европы. Автор — один из специалистов по русскому вопросу.

12. Degras J. (edit.), The Communist International 1919—1943 (vol. I, 1919—1922), Cumberlege, London, 1956, 496 pp.

    — Первые годы существования Коммунистического Интернационала. Политические основы создания Коминтерна.

13. Dietz del Corral L., El rapto de Europa. Una interpretacion historica de nuestro tiempo, Revista de Occidente, Madrid, 1954, 350 pp.

    — Краткая история современной Европы.

14. Douglas W. O., Russian Journey, Doubleday, New York, 1956, 255 pp., $ 4.50.

    — Дорожные наблюдения и выводы автора об итогах его поездки по

Средней Азии в 1955 г. Публикации автора вызвали резкие нападки советской печати.

15. Dallin D., Sowjetspionage. Prinzipien und P aktiken, Verlag für Politik und Wirtschaft, Köln, 1956, 615 S., DM 19.80.
— Перевод с английского. В первой части приведены данные о подрывной деятельности коммунистов до 1945 г. (использованы материалы находящегося в США архива немецкой контрразведки). Вторая часть труда посвящена периоду с 1945 г. и до наших дней.

16. Erfurt W., Die sowjetrussische Deutschlandpolitik 1945—1955, Pax-Buchhandlung, Reinbeck, 132 S., DM 3. 80.
— Обзор документов по истории советской политики в отношении Германии.

17. Fischer R., Von Lenin zu Mao. (Der Kommunismus in der Bandung-Ära), E. Diederichs Verlag Köln—Düsseldorf, 1956, 244 S., DM 14.80.

18. Freund G., Germany's Political and Military Relations with Soviet Russia, 1918—1926, Oxford, 1955.

19. Gollwitzer H., Krahe I., Rauch K., Und bringen ihre Garben (Aus russischer Kriegsgefangenschaft), Kreuz-Verlag, Stuttgart, 1956, 288 S., DM 12.80.
— Очерки из жизни немецких военнопленных в советских лагерях. Факты, наблюдения. Советский режим и русские люди.

20. Hidebrandt R., Als die Fesseln fielen . . ., Arani-Verlag, Berlin-Grunewald, 1956.
— Девять судеб лиц, принимавших участие в восстании 17 июня в Берлине, в том числе судьба двух советских офицеров, ставших на сторону повстанцев.

21 Hofmann W., Die Arbeitsverfassung der Sowjetunion, Volkswirschaftliche Schriften, Berlin—München, 1956, 544 S., DM 39.60.
— Трудовое право в СССР. Его развитие и анализ.

22. Hofmann W., Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? (Zur Deutung der Sowjetgesellschaft heute), Volkswirtschaftliche Schriften, Berlin—München, 1955, 141 S., DM 9.60.
— Советское общество и советское народное хозяйство. Проблемы и их решение в советской системе.

23. v. Horenstein E., Der gestohlene Phönix, Kiepenheuer und Witsch, Köln, 1956, 320 S., DM 12.80.
— Судьбы немцев в советской зоне оккупации Германии. Демонтаж одной фабрики и создание предприятия вновь на старом месте. Много внимания уделено описанию взаимоотношений с русскими людьми, с офицерами и высшими функционерами из оккупационных властей.

24. Heibrunn O., Der sowjetische Geheimdienst, Verlag für Wehrwesen Bernard und Graefe, Frankfurt/M, 1956, 180 S., DM 10.00.
— Перевод с английского. Современные методы шпионажа, инфильтрации, подрывной работы и партизанской деятельности в мирное и военное время.

25. Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Suomi maailman politikassa, 1938—1940.
— История дипломатических взаимоотношений Финляндии с другими государствами в период подписания советско-германского договора о ненападении между Сталиным и Гитлером и в период захвата советскими войсками Прибалтийских республик.

26. Laeuen H., Polnische Tragödie, Steingrüben Verlag, Stuttgart, 1955, 359 S.

27 Lemberg E., Osteuropa und die Sowjetunion. Müller-Verlag, Salzburg, 1955.
— Второе, значительно расширенное и обновленное издание.

28. Ledig G., Vergeltung (Roman), S. Fischer Verlag, Frankfurt/M., 1956, 202 S., DM 10.80.
— Автор, известный своим романом о Сталинграде, повествует в этой книге о жизни на восточном фронте и в Германии.

29. Leonhard S, Gestohlenes Leben. (Schicksal einer politischen Emigrantin in der Sowjetunion), Europäische Ver-

lags-Anstalt, Frankfurt/M., 1956, 851 S., DM 19.80.
— Бывшая коммунистка, бежавшая из гитлеровской Германии в Швецию, а оттуда переселившаяся в Советский Союз — в Москву. Жизнь в СССР — на свободе и затем 12 лет в заключении (тюрьма, кацет на Воркуте). Работа документирована.

30. Lizarza I. A., Memoiras de la conspiracion. Cômo se preparô en Navarra la cruzada 1931—1936., Gomez, Pamplona, 1954, 224 p.

31. Loeff W., Spionage. (Aus den Papieren eines Abwehr-Offiziers), Pax-Buchhandlung, Reinbeck, 246 S., DM 7.50
— Шпионаж во время второй мировой войны в Берлине, в Берне, в Багдаде и на Балканах. Дипломаты, офицеры контрразведки, шпионы и шпионки.

32. Mammach K., Der Einfluß der russischen Februarrevolution und der großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterklasse; Februar 1916 bis Oktober 1918, Dietz Verlag, Berlin, 1955, 151 S.

33. Nelson S., Die Freiwilligen (Erlebnisbericht vom Kampf gegen den Faschismus in Spanien), 2. Auflage, Dietz Verlag, Berlin, 1955, 220 S.
— Перевод с испанского. Иностранцы в борьбе с Франко.

34. v. Oppen B. R., (ed.), Documents on Germany under Occupation, 1945—1954, Oxford University Press, London—New York—Toronto, 1955, 660 pp. $ 10.00.
— Документы, в том числе опубликованные в Советском Союзе. Много внимания уделено взаимоотношениям между СССР и другими странами — участниками оккупации Восточной Германии.

35. Orlow A., Kreml-Geheimnisse, Marienburg-Verlag, Würzburg, 1956, 438 S., DM 14.80.
— Перевод с английского. Основное внимание уделено событиям большой чистки 1934—1938 гг.

36. Possony S. T., Jahrhundert des Aufruhrs, Isar-Verlag, München, 1956, 470 S., DM 19.80.
— Перевод с английского. Техника организации мировой революции. азиатско-русский характер выбора средств коммунистическими заправилами.

37. Povysil P., Tote, die atmen, A. Sponholz-Verlag, Hannover, 1956, 245 S., DM 9.80.
— Автор — молодой студент-медик из Вены, был передан в руки советской разведки и приговорен к 25 годам заключения. Наказание он отбывал на Воркуте. Воспоминания. Среди заключенных — представители разных народов и слоев общества. В лагере автор встречался как с кочевниками из Средней Азии, так и героями Советского Союза и бывшими немецкими генералами. «Равноправие» женщин и заключение. «Блатные» и бесчеловечность.

38. Quaroni P., Diplomatengepäck (Aufzeichnungen eines Botschafters), Verlag Scheffler, Frankfurt/M., 1956, 255 S., DM 12.80.
— Воспоминания о дипломатических встречах, в частности с Вышинским.

39 Rowdon M., Ringlinie West (Roman), S. Fischer-Verlag, Berlin—Frankfurt/M., 1956, 351 S., DM 16.80.
— Перевод с английского. Символический роман, в котором представлена жизнь Берлина — похищение людей, трудности быта.

40. Roberts H. L., Russia and America. Dangers and Prospects, Harper, New York, 1956, 251 pp., $ 3.50.
— Отчет о работе по изучению политических взаимоотношений между США и СССР, проведенной группой ученых при Колумбийском университете. Серьезное, хорошо документированное исследование.

41. Rawitsch ·., Der lange Weg (Bericht einer Flucht), H. Scheffler-Verlag, Frankfurt/M., 1956, 288 S., DM 13.80.
— Побег бывшего польского кавалерийского офицера из Северной Сибири. Помощь в бегстве. Автор через Монголию пробрался в Тибет, а оттуда переехал в Лондон.

42. Schaff A., Zu einigen Fragen der marxistischen Theorie der Wahrheit, Dietz Verlag, Berlin, 1954, 507 S.

43. Scheibert P., Von Bakunin zu Lenin (Geschichte der russischen revolutionären Ideologien, 1840—1895), Bd. I, Brill, Leiden, 1956, 344 S.

44. Schönfeld W., Zur Frage des Widerstandsrechts, Kohlhammer, Stuttgart, 1956, 62 S.
— К проблеме восстания и сопротивления тоталитарным режимам.

45. Seraphim H. G., Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs, 1934—1935 und 1939—1940. (Quellsammlung zur Kulturgeschichte), Musterschmidt-Verlag, Göttingen—Frankfurt/M., 1956, 218 S., DM 15.80.
— Некоторые страницы из дневника Розенберга, посвященные вопросу заключения пакта Гитлер—Сталин.

46. Steinberg H., Marxismus, Leninismus, Stalinismus. (Der geistige Angriff des Ostens), Holsten, Hamburg, 1955, 101 S.

47. Sturm S., Wie leben die Sowjetmenschen nun wirklich? (Dokumentarbericht aus dem Petschoragebiet), Marienburg-Verlag, Würzburg, 1956, 191 S., DM 9.80.
— Документированное сообщение о жизни в Печорском районе. Перевод статей из провинциальной советской прессы.

48. Tillich P., Die Philosophie der Macht, Colloquium-Verlag, Berlin, 1956, 36 S., DM 1.50.

49. Wallisfurth R. M., Sowjetunion kurz belichtet, Isar-Verlag, München, 1956, 96 S.. DM 19.80.
— Краткое описание Советского Союза.

50. Wendt J., Notopfer Berlin. (Ein Familienroman aus unseren Tagen), Rowohlt Verlag, Hamburg, 1956. 565 S. DM 16.80.

А. Н.

Кончина Члена Института по изучению СССР полковника Андрея Георгиевича Алдана

10 января 1957 года в 10 ч. 5 м. утра в Вашингтоне, в Эмерженси Госпитале, скоропостижно скончался от миокардита член Института, председатель Союза воинов освободительного движения (СВОД) полковник Андрей Георгиевич Алдан.

Представитель Министерства обороны США, д-р медицины Райзнигер и личный друг полковника Алдана Л. Богданов неотступно находились при больном до самой его кончины.

10 января в 13 ч. 30 м. в Эмерженси Госпитале о. Архимандрит Николай отслужил первую панихиду.

11 января к телу покойного был открыт доступ в похоронном бюро Чемберс. Последний долг пришли отдать покойному родные и многочисленные друзья, сослуживцы и соратники.

В этот же день в 18 ч. 30 м. была отслужена вторая панихида, на которой присутствовали также представители Американского Комитета Освобождения от большевизма, члены Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР) и Союза воинов освободительного движения (СВОД). Было возложено большое количество венков от организаций и частных лиц.

12 января в 12 ч. была отслужена третья панихида, после которой тело было перенесено в Вашингтонский Национальный собор, где состоялось отпевание. В 14 ч. дня траурная процессия двинулась на Рок Крик кладбище.

Перед погребением состоялся траурный митинг. У открытой могилы произнес краткую речь приехавший из Нью-Йорка представитель Военного Совета СВОД и председатель Северо-Американского отдела СБОНР М. В. Шатов, который отметил высокие качества покойного и указал, что в лице А. Г. Алдана российская эмиграция потеряла одного из талантливейших руководителей. Затем выступили: от имени американской армии С. Вильсон и Л. Богданов, тепло попрощавшись с умершим от лица американских и русских друзей.

Некрологи о А. Г. Алдане появились в главнейших вашингтонских и нью-йоркских газетах. Из многих стран русского рассеяния вдове покойного были присланы телеграммы с выражением сочувствия.

Создана Комиссия по похоронам полковника А. Г. Алдана, которая будет продолжать свою деятельность и после похорон с целью организации сбора средств на устройство памятника А. Г. Алдану, изыскания средств для помощи вдове покойного, издания биографии и научных работ, проведения собрания памяти в Нью-Йорке и в других местах и обеспечения архива покойного

Л. Богданов, Н. Козлов, М. Шатов

Памяти Андрея Георгиевича Алдана

(24. 10. 1904 — 10. 1. 1957)

Андрей Георгиевич Алдан родился в Сибири в рабочей семье. По окончании средней школы, спустя некоторое время, был мобилизован в Красую армию.

В двадцатых годах, будучи красноармейцем, он охотно пошел учиться в военную школу с тем, чтобы получить звание среднего командира.

По окончании военной школы А. Г. Алдан командовал взводом, ротой, был работником штаба полка. У него появились недюжинные способности к комадованию и в особенности к штабной работе. В начале тридцатых годов он оканчивает Военную академию им. Фрунзе в Москве и становится высококвалифицированным военным работником. Незадолго до второй мировой войны он успешно оканчивает и Академию Генерального штаба РККА. С этого времени А. Г. Алдан становится авторитетным специалистом штабной работы в войсках армии. Высшее командование Красной армии оценило его способности, назначив его на ответственный пост начальника Оперативного отдела Уральского Военного Округа.

В первый период второй мировой войны А. Г. Алдан состоял начальником Оперативного отдела армий, действовавших в Ленинградском и Московском направлениях. В начале ноября 1941 г. в тяжелой и сложной обстановке в районе Ржева и Вязьмы, после неоднократных попыток выйти из окружения, он попадает в плен.

В лагерях военнопленных в Германии, в ужасно тяжелых условиях, А. Г. Алдан много думал и вспоминал прошлое, но не столько свою личную жизнь, сколько жизнь своего народа под игом коммунистической диктатуры. Он часто задавал себе вопрос: «Почему народы Советского Союза неохотно защищают советскую власть и где корень всех этих причин?»

Этот вопрос он для себя разрешил окончательно, а поэтому в разговорах и беседах со своими друзьями неоднократно говорил: «Да, советский народ не может и не должен защищать свою антинародную власть. Но защищать Россию, ее самостоятельность от всех оккупантов наш народ не только должен, но и обязан».

Этим во всем величии выявилась фигура А. Г. Алдана, как прямого, искреннего патриота своей родины.

В РОА под командованием генерала А. А. Власова А. Г. Алдан в штабе вооруженных сил был одним из главных оперативных работников. Трагический конец РОА он также разделил вместе со своими соратниками по оружию и борьбе: в 1946 году он был узником Дахау, Советы требовали его выдачи, но благодаря счастливой случайности, исключительно зависевшей только от него лично, он избежал гибели.

В послевоенный период, в сугубо неблагоприятных условиях жизни политической эмиграции, А. Г. не ушел в личный, обывательский образ жизни. Его всегда тянуло к общественно-политической деятельности: А. Г. обдуманно и вполне сознательно посвятил свою жизнь только служению своему народу и освобождению его от коммунистического ига. Этот принцип и в дальнейшем всегда был движущей силой в его жизни. В этот же период времени его постоянным стремлением было объединить кадры РОА для продолжения борьбы с коммунизмом также и в мирных условиях.

В ноябре 1948 года А. Г., опираясь на своих друзей в г. Мюнхене, проводит 1-й съезд военных кадров РОА. Этой организации было дано название — «Союз воинов освободительного движения». А. Г. был единодушно избран председателем этой организации, и до конца своей жизни он был вдохновителем и руководителем Союза.

А. Г. Алдан придал организации СВОДа окраску не военно-кастовой, а военно-политической организации. В этом состоял основной характер его непримиримой борьбы с коммунистической диктатурой, и в этом А. Г. не всегда сходился во взглядах с другими военными организациями зарубежья.

В то же время А. Г. Алдан с 1948 г. занимал высокое положение в руководстве СБОНРа, полагая, что эти две организации — СВОД и СБОНР, состав которых пережил и перенес на своих плечах эксперименты построения коммунизма в России, больше понимают и поймут задачи и методы противобольшевистской борьбы, чем другие. Покойный был высокообразованным человеком, компетентным не только в военных, но и в политических вопросах, а допускать разрыв между этими понятиями было бы для нас большой ошибкой.

В 1950 году инициативная группа ученых-эмигрантов в Мюнхене поставила своей целью организовать Институт по изучению СССР. Это начинание было поддержано здравомыслящими людьми всех национальностей из СССР, в том числе и А. Г. Алданом, который был в первых шеренгах основателей Института. Он приложил большие усилия для организационного оформления этого учреждения. Своими опытом и знаниями он вложил большой вклад в постепенное развитие этого учреждения, имя которого в настоящее время известно всему миру.

Не случайно при расширении объема действий Института по изучению СССР как по содержанию, так и по организационной структуре, А. Г. Алдан всегда оставался верен тому принципу, что объединение сил многонациональной эмиграции есть необходимое условие успешного научного исследования СССР. Поэтому А. Г. Алдан на VI конференции Института по изучению СССР в г. Мюнхене летом 1955 года был знаменательной фигурой этой конференции и именно он открыл ее работу.

А. Г. Алдан, будучи крупным политическим деятелем, никогда не забывал своей военной профессии, свой опыт и знания стремился передать и другим. В частности, в течение четырех лет он преподавал военные науки в одной из офицерских школ свободного мира.

Вполне справедливо называли его в этой школе военным профессором. Он был фактически и профессором политических знаний об СССР.

С осени 1952 года А. Г. Алдан покинул Европу, уехал в США, но и там он не з мкнулся в личную обывательскую жизнь, а активно работал и принимал участие в общественно-политической деятельности, продолжая работать также по своей военной специальности.

Как человек, А. Г. Алдан был сугубо принципиальным, общее дело он всегда ставил выше личного, был очень общителен с друзьями, но по принципиальным политическим вопросам иногда резко расходился с ними. Прямота, принципиальность и откровенность были его высокими личными качествами.

В лице А. Г. Алдана мы потеряли лучшего друга, твердого душой антикоммуниста, выдающегося теоретика и практика военного дела и стойкого политического организатора.

Г. Антонов

SUMMARIES OF ARTICLES

Prof. P. KOVANKOVSKY

THE SOVIET INTERPRETATION OF ECONOMIC CATEGORIES

The entire economic activity of the USSR is based, not on the unrestricted play of economic forces, but on a plan which is less a forecast of the future course of events (as in the free world) than a directive issued by the Government, deviation from which is not permitted. For this reason those categories which we call "economic" are in the Soviet Union in reality juridical rather than economic in character.

The Bolsheviks strive to squeeze free economic life into the framework of an artificial plan, a process which is possible only by decrees imposed from above.

Let us look first of all at the Soviet method of working out the cost price of anything. The cost price includes: (1) basic means of production, (2) labor and (3) materials. Basic means of production include for the most part machinery and other means of production that are not quoted on the market and have no market price. Their price is determined by directives and varies from one case to another. In the planned economy of the USSR prices of basic means of production are exclusively the weapons of economic policy. Sometimes Soviet economic policy demands reductions in prices without regard to the cost of production (e.g., of salt for conserving fish or electricity for the aluminum industry). On the other hand, prices are sometimes raised in order to improve the budget of the manufacturing enterprise (if it is independent of state funds). Thus, at one time the price of machinery was high, with the result that large profits accrued to the Ministry of Machine Construction; later these prices were lowered in order to reduce the Ministry's profits. Therefore the cost of basic means of production is not founded on any economic basis, but serves the aims of economic policy.

The second element in cost prices — labor costs — is not determined by the supply and demand of labor, but may at any moment be altered by decree. In the USSR trade unions do not defend the workers' interests nor do they exert any influence upon the Government's wages policy, which is determined without regard to the cost and purchasing power of the ruble and cannot be termed an economic category, since it is fixed by decree.

The third element — the cost price of materials — is determined in the same manner as the first, which is made up of basic means of production, labor and materials; that is to say, the third element is also determined by these three factors, the cost of which is fixed by Party directives.

Accordingly there is not a single item in the Soviet treatment of cost prices which might be termed an economic category.

Let us see whether prices in the Soviet Union may be considered an economic category.

Under a State monopoly there is neither a free market nor free prices: everything is dictated by political, not economic, considerations, in accordance with the dictum of Lenin that economics in the USSR are subordinate to politics.

As regards prices of agricultural produce, it should be stated tha the question of cost prices in agriculture for a long time was not even raised; only recently has it been debated by agricultural specialists, but this discussion has not so far yielded any

positive results. Therefore prices of all types of agricultural produce and, consequently, of such produce in processed form, are regulated solely by governmental orders — that is, by taxation: there is no alternative.

Guided exclusively by their agricultural policy, the Soviet authorities have arbitrarily established a number of rates of payment applicable to the sale of agricultural produce: (1) prices offered in return for state purchases, which are extremely low and incorporate an element of taxation, since they are obligatory for the fixed quantities of produce that kolkhozes, kolkhozniks and individual farmers are obliged to surrender to the state; (2) prices at which kolkhozes and kolkhozniks voluntarily sell agricultural produce to the state over and above the quantity compulsorily delivered; (3) prices, established in 1954, at which sovkhozes surrender almost the whole of their produce to the state, and (4) wholesale prices, at which state purchasing organizations release produce to consumers.

The undesirable effects of collectivization, reduced crop yields and the decline in stockbreeding have forced the Soviet Government to take various measures to stimulate the interest of kolkhozes and kolkhozniks in improving agriculture, developing stockbreeding, increasing the cultivation of potatoes and vegetables and raising the productivity of kolkhozes in general.

In 1953 prices offered for agricultural produce according to the first and second rates given above were raised, and in 1955 the quantity of produce obligatorily surrendered to the state by kolkhozes was reduced. These measures increased state budget expenditure during 1955 by 22,500 million rubles. This bribe was offered by the Government to the peasants for political, not for economic, reasons.

Apart from the two rates of payment mentioned above, which determine the financial relations between Government and peasants, the state is introducing yet another tax — namely, the wholesale prices at which state purchasing organizations release agricultural produce to consumers. To this price is added a heavy tax on turnover. In this way wholesale prices are completely divorced from any economic foundation and their level is primarily determined by the state's need for money with which to build "socialism" at the expense of the consumer.

All these prices are fixed on the basis of political considerations without regard to production costs, which, as was stated above, are unknown to the Government.

Such is the situation in the USSR with regard to processed agricultural produce.

Prices of industrial products are also determined by the imposition of taxes. Sometimes in the Soviet Union there is talk of "agreed" prices; in fact, however, these prices are based upon those laid down by directives, from which they cannot deviate.

In an economy where the turnover of goods is unrestricted, prices tend toward the minimum as a result of competition and the desire to sell as much as possible. In the Soviet Union these conditions do not apply. The state monopoly excludes competition: state factories not only are indifferent to the level of prices but also, for a variety of reasons, try in the course of production to consume the maximum quantity of expensive materials, and there is considerable waste and fuel consumption. The result is that in the manufacturing industry factories try to consume the maximum quantity of raw materials at the highest price.

The plan for each enterprise is laid down, not only in units of production, but also in terms of gross and commodity production at wholesale prices obligatory for the enterprise. In order to secure the fulfilment of the plan according to both the units of production index and the price index, prices must be taken not according to the average wholesale price of all the commodities produced but at a higher rate; then it may be considered that the plan will be carried out. Consequently, surpluses of large manufacturing tools arise in industry, while smaller tools are in short supply.

If we examine the practice followed in the production of consumer goods we find a similar situation. Clothing factories, for example, refuse to make clothes from cheaper materials such as artificial silk or cotton and prefer natural silk and wool. There is a constant shortage on the market of cheap but good-quality products, for which there is big demand, and an abundance of expensive goods accessible only to the élite. This is confirmed by the evidence of foreigners visiting the USSR.

Such an absurd practice is prompted by one more factor. Wages are issued by the State Bank according to the extent to which the plan for gross production at wholesale prices has been fulfilled. Sometimes enterprises are even obliged to release goods for which there is no demand, in order to preserve the relation provided for in the plan between the total cost of gross production, wages and the planned number of workers.

All these practices are founded upon Soviet laws and regulations; they are not economical from the point of view of the interests of the national economy but rather opposed to the people.

Thus in the USSR, in respect of both consumer goods and the means of production there are only juridical categories.

On the basis of the foregoing the social-economic régime obtaining in the Soviet Union must be described as a régime imposed by decree, since, with the aid of terrorism, oppression and deception, a semblance of socialism has been imposed upon all the peoples living in the USSR, while behind this semblance it is impossible to discover anything approaching socialism.

As far as the exploitation of one individual by another is concerned, this has been replaced in the Soviet Union by the exploitation of the individual by the state, as a result of which the individual has become the slave of the state.

A. PARAMONOV

FORESTRY IN THE SOVIET UNION SINCE THE WAR

In the USSR there are 1,067—1,069 million hectares of afforested land, including 39—41 million hectares of kolkhoz forests. Only 73% of this area can actually be used for afforestation as the remaining 23% consists of lakes, bogs, roads, etc. This total area is made up, in millions of hectares, by the following types of tree: larch (249), pine (88), spruce (63), birch (51), aspen (31), Siberian cedar (Pinus sibirica) (29), fir (13), oak (4.6), beech (1.7), maple (1.7) and lime (1.5).

The majority of trees — 56% of the total — are mature and even of advanced age, for they grow in conditions that make it difficult to exploit them. The total quantity of timber amounts to 59,000 million cubic meters, of which 56% consists of conifers. The average annual growth is 1.1—1.3 cubic meters per hectare, making a total for the Soviet Union of 700—850 million cubic meters. No more than 400 million cubic meters of timber are felled every year, but the quantity felled in different regions of the USSR varies considerably. Where conditions are favorable for exploitation not only the average annual growth but even quantities tens of times as great are felled, but where conditions are difficult (i.e. in the taiga) a quantity even less than the average annual growth is felled. As a result, approximately 400 million cubic meters of timber are here left to rot every year.

According to the method of felling and the quantity of timber felled, forests are divided into the following three groups:

1. Scientific reserves, protective forests, afforested areas belonging to holiday resorts and green belts surrounding 1,698 towns and factory settlements. Their total area is 27.2 million hectares and the total quantity of timber 3,300 million cubic meters;

2. Protective forests situated in the basins of certain rivers and designed for purposes of water conservation. Their area amounts to 85.4 million hectares and the total quantity of timber is 2,900 million cubic meters;

3. Industrial forests, comprising an area of 900 million hectares and 52,500 million

cubic meters of timber. These forests are situated in the wilder regions of the north and in Siberia.

The greatest care is expended upon forests in the first group and less upon the second, while in the Soviet press treatment of the third group is sometimes described as "predatory." In these forests only the best trees are usually felled, while even timber that has been felled is only partially transported and the rest, as a result of such mismanagement, is left to rot at a rate of 35 million cubic meters every year.

The respective areas of the three groups are not constant, for as forests belonging to the third group are felled part of them is transferred to the first or the second group; that is to say, the laws of forest preservation apply to afforested land for the most part only after it has lost its industrial character.

The Government attaches great importance to the afforestation of new land and the discovery of new areas for this purpose, for which extensive use is made of airplanes. The taking of aerial photographs is obligatory in all cases where land is taken over for afforestation.

The colossal plan undertaken by the Government for creating protective forest belts is being successfully carried out from the quantitative point of view, but in those areas where such belts are theoretically most necessary for wind protection the quality of the work done threatens to destroy its effectiveness. Large areas of plantations in these localities have been ruined, or else so few trees have survived that they will be unable to fulfil their function. Thinned-out strips of forest soon become overgrown with grass, sometimes making it impossible to replace shrivelled trees even when great care is taken with them.

In 1955 an order was issued to fell large areas of forest belonging to the first and second of the above-mentioned groups, situated for the most part in that part of the Soviet Union that was occupied by the Germans in the last war. In view of the forest preservation laws, which had formerly applied in the first place to this very region (where, moreover, the colossal plan for protective afforestation and the promotion of water conservation is being carried out), this order was completely unexpected. It provides, not for the preservation of forests, but for the felling of about 56% of the total quantity of timber, which is arbitrarily considered to be mature. In other words, the timber harvest for several decades ahead is being gathered in advance. Felling is proceeding at an accelerated pace.

The most probable reason for such a sudden change in official policy with regard to forestry is to be found in the effect of "destalinization." Prisoners serving terms of penal servitude, by whose labors timber has so far been felled in the taiga, have died or have become incapable of work. They have, moreover, begun to be released and at the same time there are now no more mass arrests in the Soviet Union as occurred during the life of Stalin. All this makes it necessary to fell timber in those areas where the task can most easily be carried out.

Prof. A. PHILIPOV

THE REACTION OF DIALECTICIANS IN CONTEMPORARY SOVIET PHILOSOPHY

Until 1946 formal logic was considered in the Soviet Union to be a reactionary and bourgeois discipline and was forbidden in Soviet schools. The prevalent form of philosophy was "dialectics" or "dialectical logic," which taught that all things are in a state of constant flux and that everything tends toward its opposite. This served as a justification for the Bolshevik revolution in Russia and as a weapon for Communist propaganda in

the countries of the free world, which, on a dialectical basis, argued that the destruction of the "capitalist set-up" in these countries by means of a revolution was inevitable.

In 1946, however, Stalin suddenly ordered that instruction in formal logic be revived in Soviet schools and that its theoretical basis be worked out in academic institutions, fearing that the dialectical principle that all things are in a state of constant flux had become dangerous for the Communist régime itself, which had become stabilized in the USSR and which, according to the laws of dialectics, was doomed to be destroyed and superseded. There appeared Soviet textbooks on formal logic by Asmus, Strogovich, etc., which hardly differed in subject-matter from prerevolutionary Russian textbooks on this subject. True, in their researches, Soviet logicians attempted to draw a distinction between Soviet and "bourgeois" formal logic, but these attempts merely testified to their inadequate acquaintance with the history of lógic and its development since Kant. Moreover, dialectics had not been entirely abolished by Stalin, and Soviet dialecticians waited for a suitable moment to launch a counter-attack upon formal logic. Such an opportunity was furnished them by the reaction under Zhdanov which set in after a certain discussion in 1947, when Zhdanov, following Stalin's instructions, demanded in abrupt and threatening tones that all academic disciplines in the USSR keep strictly to the Party line and break completely with the scholarship of the West. Formal logic, which had only recently been rehabilitated, was now accused of idealism and bourgeois cosmopolitanism, as a result of which, for example, Asmus, the well-known Marxist logician, was obliged to make a humiliating confession for having countenanced the diforce of logic from Marxism-Leninism. Admittedly, in 1950 Stalin dealt dialectics a fresh blow in his works on linguistics, in which he excluded language from the "superstructure" and so gave Soviet logicians grounds for hope that logic itself, as a system of laws governing thought processes which apply to humanity at large and are above class distinctions, might also be declared outside the political superstructure and be acknowledged, together with language, as a discipline developing according to its own inner laws.

After Stalin's death in 1953, however, the reaction of the dialecticians against formal logic was revived in a more acute form, and in these attacks the late dictator himself did not come off unscathed. This campaign reached its zenith after the dethronement of Stalin at the Twentieth Congress of the Communist Party of the Soviet Union. During this process the Stalin cult, which had limited the rights of dialectics, began to be subordinated to the authority of Lenin, who did not recognize formal logic as a genuine discipline at all. Admittedly, formal logic even now has not been completely rejected. This simultaneous recognition, however, of dialectics and formal logic is a very sore point in contemporary Soviet philosophy, since the principles of formal logic, finally drawn up by Kant, and those of dialectics, laid down by Marx and Lenin, are in their essence incompatible. The crisis in Soviet philosophical thought brought on by this anomaly is clearly reflected, for example, in four articles published in **Voprosy filosofii** (Questions of Philosophy), no. 2, 1956.

In one of these articles M. Alekseev attempts to determine the "dialectical nature of the sentence" with the aid of quotations from Engels and Lenin. These Marxist authorities, however, were not properly acquainted with logic and took the copula to indicate the identity of subject and predicate, whereas it merely establishes one or another relationship between the parts of the sentence. Accordingly, where Alekseev, following in the steps of Engels and Lenin, sees, in one and the same sentence, the identity of subject and predicate and a difference between them simultaneously, in fact the subject is subordinated to the predicate or vice versa or the two are identified, so that no "elementary" nature of the sentence" would appear to exist. Not content with the "elementary" sentences which he quotes, Alekseev cites a number of "dialectical" sentences which are supposed to contain some inner contradiction, as, for example, "A moving body is at a certain point and is not at that point." A propos of this example Alekseev says:

> The dialectical contradiction which is the origin of movement is the objective existence, independently of human thought, of two contrary attributes, in one and the same object, which are mutually complementary and at the same time incompatible and which consist in the same aspect of the object.

From the logical point of view, however, there is no contradiction in movement. There would be if we regarded movement as consisting of a series of points of rest, which in fact is not so, since movement consists of an infinite number of infinitesimal pieces of movement existing in infinitesimal points of time and space, which may be simply integrated, resulting in the given movement.

With an equal lack of success another author, V. Cherkesov, attempts to develop the dialectical conception of the concept. Attacking the concept in formal logic, Cherkesov unfairly and incompetently condemns it as containing only the element of generalization and as being devoid of everything particular and individual, and further as being static in character and incapable of reflecting the element of movement and change. In fact, however, the concepts of formal logic are extraordinarily flexible, broad and accommodating: they embrace perfectly well every kind of movement and change. The age-old science of mechanics bears witness to this, and the concepts of movement in Galileo and Newton are surely no less perfect than in Lenin. Following Lenin, Cherkesov requires that the concept should embrace "all the attributes of the object," but this in fact is impossible and quite unnecessary, since the infinite number of aspects of the object are suppressed in its concept, which is derived from its essential attributes without regard to its incidental attributes, on which, for example, Lenin insists in his logically unsound treatment of the concept "glass."

A leading article in the above-mentioned issue of *Voprosy filosofii* is devoted to a criticism of the views of certain Soviet logicians and expounds the teaching of dialectics on the concept and on the unity of opposites. In the view of the journal's editorial board, dialectical logic considers concepts as

> steps in the historical process of the development of knowledge: therefore concepts which contain a broader generalization are not poorer but richer and deeper than less generalized concepts, since they embody a condensation of a new and higher level of scientific knowledge and are a higher step in the practical achievements of man.

These words, however, convey the customary dialectical view of the concept, which the writer of the editorial artificially and falsely sets against the law of formal logic concerning the mutual relationship of the volume and content of the concept. Dialecticians fail to take into account the question in what sense the content of a concept is treated in formal logic. According to the editorial article, the chief characteristic of dialectics is its recognition of inner contradictions in things, from which the editorial fails to distinguish "inner opposites." In this respect the writer of this article admits a gross confusion of ideas, since a pair of opposites, such as an elephant and a bat, do not constitute a contradiction, i.e., an elephant and no elephant.

The fourth article, by E. Sitkovsky, deals with the teaching of Lenin on the coincidence in dialectical materialism of the three disciplines logic, dialectics and the theory of knowledge. Lenin's teachings on this subject the author of this article sets against "bourgeois" methodology. The merging of these disciplines is frequently met with in "bourgeois" — i.e., free — philosophy, as also the linking up of logic with the most varied disciplines and movements of thought. The difference between the "bourgeois" and Soviet forms of logic is, however, that the former are free to select such associations as are suggested by their inner convincingness, whereas Soviet logicians are bound by Lenin's theories and dare not diverge a single step from them. Lenin's influence in this sphere inevitably keeps Soviet logic on a low level, since Lenin's scientific and philosophical throught is distinguished by its crudity, limited scope and contradictoriness.

Soviet logicians, hemmed in as they are by the Bolshevik dogmatic system, are the greatest sufferers in consequence of this situation. Sometimes indeed, theu succeed in expressing their theoretical views, but only in a discreet and partial form. This occasionally occurs in the discussion of textbooks on dialectical materialism. The authors of such textbooks are no classics of Marxism-Leninism, and may therefore be criticized with a relative degree of freedom, provided, of course, that such criticism cannot be understood by the Party leadership as being directed against Marxism-Leninism itself. In all such cases the better Soviet logicians point out these textbook's enormous shortcomings —

their low scholastic level, their fettered thought, their inner contradictions, the conglomeration of quotations from the classics of Marxism-Leninism, etc.

Soviet philosophy is encountering difficulties of no less an order in the satellite countries, particularly in those where free philosophical thought had been developed to a high degree long before the Soviet occupation. Thinkers in these countries — in Eastern Germany, Poland, Czechoslovakia, etc. — are similarly painfully aware of the primitiveness and crudity of the Soviet ideology and suffer greatly from the loss of that philosophical freedom in which they were but recently working. This is attested by numerous opinions published in recent years (also in discreet form) by Czech and Polish scholars on recent Soviet books dealing with dialectical materialism and logic.

Prof. N. KULIKOVICH

DOSTOEVSKY ON THE SOVIET STAGE

The appearance of Dostoevsky on the contemporary Soviet stage, in view of the incompatibility of his views with Communist doctrine, is a fact which deserves consideration.

Although Dostoevsky was not a playwright, his works have for long attracted the attention of producers. Long before the Revolution the Moscow Arts Theater's productions ofThe Possessed and The Brothers Karamazov attracted large audiences and were of considerable importance.

Under the Soviet régime dramatizations of Dostoevsky were subjected to powerful criticism and repressive measures and some were taken off the stage. The attempt of the Moscow Arts Theater in 1929 to revive *The Brothers Karamazov* met with an abrupt refusal of permission from the Party leadership. Admittedly, the theatrical profession did its best to resist the policy of the Soviet authorities and some adaptions of Dostoevsky were indeed staged, though in increasingly difficult conditions.

Now the position appears suddenly to have changed. During the 1955—56 theater season twelve theaters in the Soviet Union put on productions of Dostoevsky, which included most of the writer's work with the exception of *The Possessed.*

Western "progressives" are inclined to see in this fact one more proof of the evolution of Soviet authority. Close analysis, however, shows that the reverse is true. It should not be forgotten that, in the first place, this switch in policy was undertaken by the collective leadership at a time when political tactics (but not principles) were being modified; in the second place, this change coincides with the 135th anniversary of the writer's birth and 75th anniversary of his death, and, thirdly, the Communist leadership needed to create a public opinion favorable to itself both at home and abroad. The success of its efforts in this last respect is best demonstrated by utterances of the "progressives."

The chief point about the return to Dostoevsky is the use to which this step has put by the Party for its own ends. Among the Soviet intelligentsia there is, of course, genuine admiration for the genius of this prophet of the human soul, but the Soviet authorities are far from being equally sincere, since they cannot deviate from Party principles in the sphere of art.

Dostoevsky has proved necessary to the collective leadership for purely utilitarian reasons. The rejection of the cult of the personality and the failure of all attempts at creating a positive hero on the stage have obliged them to lay their stakes on "simple people," the study of their psychology, the discovery of their positive qualities and the task of re-educating them and turning them into heros.

The return to the themes and ideas of Dostoevsky was greeted, both by artists and by audiences in the Soviet Union, with excitement and enthusiasm. The Soviet Government. however, has exploited this circumstance also to further its own purposes, and attempted to substitute the happiness of the socialist man for man's right to happiness (as expounded by Dostoevsky), friendship between the Soviet peoples for the love for one's neighbor, the Communist code of honor for integrity, Soviet patriotism for self-denial, etc. In conjunction with all this particular emphasis is laid upon those passages in Dostoevsky's work which lend themselves for the purpose of castigating and stigmatizing Russia's past. Obviously Soviet audiences are fated not to see the real Dostoevsky on the stage: they are being offered a version of him prepared according to Soviet methods. These methods comprise instructions of a socialist nature to adapters and producers and the preliminary censorship of productions.

Possessing, as it does, unbounded opportunities for falsification, the Party leadership has little cause to fear the writer's reactionary views or his preaching of "religiosity": all this is either omitted or transferred to other targets.

For all the rehabilitation and adaptation of Dostoevsky, his ideology was, and remains, essentially hostile to Communism. A bitter struggle continues to be waged against it, and this "rehabilitation" can only be explained by considerations of propaganda.

Prof. A. KOTSEVALOV

THE CRISIS IN RESEARCH ON THE ANCIENT WORLD IN THE SOVIET UNION

When they came to power, the Bolsheviks abolished classical studies in the Soviet Union. From 1932 on, however, classical departments gradually began to be opened at the universities, and since 1949 Latin has been introduced into certain schools at the secondary level.

Official data on the progress of classical studies in the USSR do not correspond to reality. The revival of Latin and Greek is often little more than a façade: instruction in these languages is not pursued seriously. Consequently both students and the majority of academic workers usually employ translations of classical writers without asking themselves how far these translations correspond to the originals.

The activities of Soviet classical scholars is extremely limited, and the Bolsheviks consider that almost the only task of such scholars is to put out elementary Latin and Greek textbooks and to organize the teaching of these languages in schools at the secondary level and at universities (see *Vestnik drevnei istorii* ["Review of Ancient History"], no. 2, 1947, leading article). Questions concerning the reconstruction and interpretation of classical texts do not interest the Bolsheviks in the least.

One may see how far classical studies have retrogressed in the USSR by examining academic works published there during recent years. Thus, in the second edition of *Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze* (Classical Sources of Information on Scythis and the Caucausus), 1947—1952, only translations are given while the Greek and Latin texts, the most important part of the review, are missing. Instead of the third volume of *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*, which was prepared for the press by E. Pridik as long ago as the twenties and which was to have included all the ceramic inscriptions of the Black Sea region, there appeared in 1953 I. Tolstoi's indifferently prepared book, *Graffiti gosudarstvennogo Ermitazha* (Engraved Inscriptions in the State Hermitage), which contains no more than a small part of the ceramic inscriptions of the Black Sea region.

The position of ancient history is little better than that of the classical languages and literature. M. N. Pokrovsky put forward the view that further historical research was unnecessary since everything had already been supplied by Marx and Engels: for this reason historians of Pokrovsky's school replaced concrete research with sociological arguments. This procedure was only condemned by Stalin in 1938. Even now, however, the work of classical historians is very much restricted by Party requirements. They must follow the teaching of historical materialism on the succession of various types of social structure and devote particular attention to the relationship between slaves and slaveowners. The Marxist dogma, however, that in classical times the economy was based exclusively on slavery and that, side by side with the system of slave-ownership, there was no feudalism is open to question. The campaign of recent years against "servile deference to Western Europe" has exerted a particularly dire effect upon the study of ancient history, completely isolating Soviet scholars from their colleagues abroad.

Archeologists have likewise not escaped from the tutelage of Bolsheviks. Demands imposed upon archeologists by the Party to the effect that their work should not confine itself to description but should embody conclusions, that they should denounce the views of contemporary Western European researchers, etc., cannot, of course, fail to hamper the progress of Soviet archeological studies.

Prof. A. SHMEEMAN

INSTRUCTION IN THEOLOGY IN THE SOVIET UNION (1943—1955)

On July 14, 1943, the Orthodox Theological Institute and the courses in theological training were formally opened within the walls of the Novodevichy Monastery, in Moscow. By 1955 the Soviet Union possessed two Theological Academies and eight Theological Seminaries with a total of 1,500 pupils. The present article attempts to explain the manner in which this system of theological schools arose, their connection with the past and the conditions in which they are working under a totalitarian dictatorship.

Before the 1917 Revolution candidates for the preisthood passed though four grades at a theological school and six grades at a seminary. Only the best among those who had graduated from a seminary proceeded to the Academy after being specially selected on the basis of a special competition. A high level of selection was thus ensured. This system of theological education was destroyed after the Revolution. In accordance with a decree of September 6, 1918, theological schools were closed and their accommodation and property confiscated. For a period of 25 years the Russian Church had no schools. By the outbreak of World War II the total number of priests had been reduced to an incredible extent, as a result not only of persecutions but also of the impossibility of making up their numbers. When the official attitude toward the Church was modified as a result of the war in the early forties, the question was raised of reviving theological education. In an article by Archbishop Grigory, published in the third issue of the revived **Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii** (Journal of the Patriarchate of Moscow), the program and general lines of the new theological schools were laid down. Evidently the author was the prime mover and organizer of this movement. Archbishop Grigory's plan, which was confirmed by the Synod, provided for the foundation in Moscow of an Orthodox Theological Institute offering courses of instruction lasting three years — as being the highest theological school — and in the dioceses of courses of theological training lasting two years, as being theological schools on the secondary level.

The Institute's first years of academic work showed the impossibility of realizing Archbishop Grigory's plan to its fullest extent on account of the students' inadequate state of spiritual, intellectual and also, partly, moral preparedness. The educational authorities were faced with a dilemma: whether to lower the educational standard or to preserve what was possible of the original scheme. It was decided to follow the second alternative. Exacting entrance examinations and examinations at the conclusion of each grade were instituted. A preparatory one-year class was introduced, and the Institute's courses extended to four years. The greatest attention was devoted to students' religious education through their participation in church services.

The second academic year was thus transitional. The Patriarchate began to think of returning to the prerevolutionary system — that is, to the revival of theological seminaries and academies, each offering a course of four years. In accordance with a resolution issued by Patriarch Aleksei on August 26, 1946, the Moscow Theological Institute (*Moskovsky Bogoslovsky institut*) was renamed the Moscow Theological Academy (*Moskovskaya Dukhovnaya Akademiya*) and the courses in theological training (*Bogoslovsko-pastyrskie kursy*)received the title of the Moscow Theological Seminary (*Moskovskaya Dukhovnaya seminariya*). One hundred and forty-seven students were admitted to the Seminary and 24 to the Academy. Teaching staff included four masters of theology, seven persons with the degree of *kandidat* in theology, eight *kandidaty* in lay subjects and one teacher with special training.

These institutions in Moscow were opened on September 26, and on October 8 a similar opening took place in Leningrad. Here the Seminary began work with two courses, consisting of 26 and 30 students respectively, while the Academy consisted of one course of 26 students. Teaching staff comprised three professors, five lecturers *(dotsenty)* and two lectors.

The revival of theological education met with a serious obstacle in the shortage of qualified teachers. Only a small group of professors could be got together: these made up the original teaching staff and ensured the handing on of traditions.

On January 21, 1947, an "Awards Committee" of five masters of theology trained before the Revolution was set up at the Moscow Theological Academy under the chairmanship of Metropolitan Nikolai Krutitsky to award academic degrees and appoint professors and lecturers. In 1947—8 the Moscow Theological Academy possessed a teaching staff of 19 and that in Leningrad 13.

Information published in the *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* concerning the work of the theological schools is steadily diminishing, with regard not only to statistical data but also to accounts of individual events in the academic world. It is only possible to note a few facts. Most conspicuous of all is the frequency with which changes occur in the senior administrative personnel of the academies. During the first ten years there has been a succession of five Rectors in Moscow and three in Leningrad. Inspectors have followed one another as frequently. In 1948—9 the Moscow Theological Academy was given the **rektorsky korpus,** or administrative building at the Troitse-Sergievskaya Lavra, where it had moved from the Novodevichy Monastery. In 1950—1 the Ecclesiastico-archeological Museum was opened at the Moscow Theological Academy. Of the year 1953—4 it was stated that it was marked by a greater influx of applicants for places and a higher level of entrance candidates than in previous years. No details, however, were given.

G. Vedernikov, a member of the teaching staff of the Academy and a *kandidat* in literature, expressed the opinion that "the earlier theological schools were too much taken up with purely academic work, to the detriment of pastoral training." The fundamental importance of fostering the pastoral spirit is a constantly recurring theme in all the documents in our possession. The very organization of the theological training system emphasizes the importance attached to institutional religion, above all to liturgical piety. Services are performed daily in the Academy chapels, and, both in the life of these institutions and in their teaching, one may see the especial interest taken in the Church's liturgical tradition, its statutes, the music therein prescribed, etc.

The only source of information on the academic work of the theological schools are articles by professors and lecturers published in the *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii.*

Obviously such information does not tell us all that we should like to know, but it can at least furnish us with a general impression.

Theological material published in this journal deals with a number of fundamental themes, and it is of interest to observe the proportion of the material devoted to each of these themes. The subject most generously treated is that of religious services. Next come articles devoted to the history of the Russian Church. These either deal with Russian saints or persons active in the Russian Church, or are written on the occasion of some anniversary. Third in importance is the subject of Rome and the Catholic Church. Last come articles on doctrine and moral theology. These are far less numerous than articles in the first three categories.

According to the generally accepted classification of theological subjects, the most important is considered to be the study of the Scriptures, i.e., exegesis. This subject, however, is treated less exhaustively in the *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* than the others. Next in importance is doctrine. On this subject also articles are few, and they do not follow any general trend. The subject most completely represented in the Journal is that of the liturgy, to which numerous articles are devoted. A particularly large number also deal with the history of the Russian Church. Their tone is consistently laudatory, and particular emphasis is placed upon the patriotic or national character of the service and of the persons described. There are also articles devoted exclusively to the purpose of edification. In both cases one notices not a critical, but, so to speak, an iconographic approach to the history of the Russian Church. A few articles deal with ecclesiatical art in all its forms. Of the Churches outside Russia, those chiefly dealt with are the other Slav Churches.

The next large group of articles is devoted to the denunciation of Rome. Here the tone changes abruptly and begins to show the pressure of official propaganda. Despite the scientific foundation of some of these articles, it is clear that here we are already in the sphere of direct pressure exerted by the Bolshevik régime.

It is beyond doubt that in 1946—48 those active in the revival of theological training expressed their views more freely and more boldly than in the following period. Clearly, theological education, as the Church as a whole, is becoming more and more isolated — a position which some researchers consider to be more dangerous than direct persecution. Even for the privilege, however, of existing in this state of isolation the Church is compelled to pay a dreadful and shameful price to the Communist authorities. Theological schools in the Soviet Union are obliged to participate in the payment of this tribute.

S. KIRSANOV

METAL SUPPLIES FOR THE NATIONAL ECONOMY OF THE USSR DURING THE PERIOD 1918—1938

The 1913 rate of metal production in Russia was not achieved in 1927 — the year in which it is usual to consider that the period of reconstruction in the USSR ended — but only in the middle of 1930.

During the period of economic destruction and subsequent reconstruction (1918—1930), the amount of metal which was required by the national economy but was not supplied was about 30.4 million metric tons.

Not before 1937 was this inadequacy in the supply of metal made up for by the excess over the 1913 level.

Throughout the period of economic reconstruction and during the first two five-year plans, the average rate of metal production did not exceed the level of 1913. The development of certain branches of industry which consumed large quantities of metal took place at the expense of other branches of the economy, and led to an acute shortage of metal. This was partly responsible for the disproportionate development of different branches of the economy — for the delayed construction of railroads, for example.

The specific peculiarities of a completely nationalized Communist economy, especially the volume of war production and the extraordinary losses and waste entailed in production, made this shortage more acute and prolonged it until the beginning of World War II.

ZUSAMMENFASSUNG DER ARTIKEL

Prof. P. KOVANKOVSKY

ÖKONOMISCHE KATEGORIEN SOWJETISCHER KONZEPTION

Das gesamte Wirschaftsleben der UdSSR beruht nicht etwa auf einem freien Spiel ökonomischer Kräfte, sondern auf einem Plan, der jedoch keine Zukunftsprognosen (wie in der Freien Welt), sondern Regierungsdirektiven enthält. Jede Abweichung davon ist verboten. Aus diesem Grunde sind Kategorien, die wir als „ökonomisch" zu bezeichnen pflegen, in der Sowjetunion nicht von wirtschaftlichem, sondern von juristischem Charakter getragen.

Die Bolschewisten sind bemüht, das freie Wirtschaftsleben in einen künstlichen Plan hineinzuzwängen, was nur durch Befehle gelingt.

Wir wollen uns in erster Linie mit dem sowjetischen Schema der Selbstkosten-Preisbildung befassen. In den Selbstkosten sind enthalten: 1. die Kosten der hauptsächlichsten Produktionsmittel, 2. die Kosten des Arbeitsaufwandes, 3. die Materialunkosten. Zu den hauptsächlichsten Produktionsmitteln gehören in erster Linie Maschinen und Instrumente, die auf den Märkten nicht erhältlich und von den Marktpreisen unabhängig sind. Ihr Preis wird von Direktiven bestimmt, die von Fall zu Fall erlassen werden. In der Planwirtschaft der UdSSR treten die Preise für wichtigste Produktionsmittel ausschließlich als Instrumente der Wirtschaftspolitik auf. Die sowjetische Wirtschaftpolitik verlangt manchmal Preissenkungen, die zum Selbstkostenpreis in keinerlei Verhältnis stehen (Salz fürs Fischereigewerbe, Kraftstrom für Aluminiumindustrie). Auch das Gegenteil kommt vor: der Preis wird aus Rentabilitätserwägungen ab und zu erhöht. So z. B. lagen die Maschinenpreise anfänglich hoch und brachten dem Ministerium für Maschinenbau beträchtliche Gewinne ein. Dann aber wurden die Maschinenpreise aus Rücksicht auf die zu hohen Gewinne herabgesetzt.

Auf diese Weise entbehrt der Wert wichtigster Produktionsmittel jeder wirtschaftlichen Grundlage. Er dient ausschlißlich den von der Wirtschaftspolitik verfolgten Zwecken.

Das zweite Selbstkosten-Element — der Arbeitsaufwand und der Arbeitslohn — wird nicht von Arbeitsangebot und Arbeitsnachfrage bestimmt und kann in jedem beliebigen Augenblick durch ein Dekret geändert werden. In der UdSSR werden die Interessen der Werktätigen von den Gewerkschaften nicht wahrgenommen. Diese haben auf die Lohnpolitik keinen Einfluß. Die Löhne werden ganz unabhängig vom Wert und der Kaufkraft des Rubels festgesetzt, die ganze dekretierte Lohnpolitik aber kann nicht als Wirtschaftskategorie bezeichnet werden.

Das dritte Element — der Material-Selbstkostenpreis — wird wie das erste festgelegt. Es besteht aus den Kosten der hauptsächlichsten Produktionsmittel und Materialien, d. h. es setzt sich ebenfalls aus Produktionsmitteln, Arbeitsaufwand und Materialien zusammen, deren Wert von Parteidirektiven bestimmt wird.

Auf diese Weise gibt es in der sowjetischen Konzeption des Selbstkostenpreises keinen einzigen Summanden, den man als ökonomische Kategorie bezeichnen könnte.

Ist der Preis unter den in der Sowjetunion herrschenden Verhältnissen als Wirtschaftskategorie zu bezeichnen?

Das Staatsmonopol verbietet jegliche freie Marktwirtschaft und jede freie Preisbildung. Alles und jedes wird von politischen, nicht aber von wirtschaftlichen Erwägungen diktiert. Darin folgt man dem Ausspruch Lenins, demzufolge die Wirtschaft der UdSSR sich der Politik unterzuordnen hat.

Sofern es sich um Preise für landwirtschaftliche Erzeugnisse handelt, ist zu betonen, daß das Problem der Selbstkostenpreise in der Landwirtschaft geraume Zeit überhaupt nicht zur Debatte stand und erst neuerdings von Fachleuten auf landwirtschaftlichem Gebiete ziemlich erfolglos debattiert wird. Infolgedessen werden die Preise aller landwirtschaftlicher Erzeugnisse und, folglich, die Herstellungspreise sowie die Verarbeitung der Produkte nur durch Regierungsverordnungen, d. h. durch Taxen reguliert. Einen anderen Ausweg gibt es nicht.

Im Zuge ihrer landwirtschaftlichen Politik haben die Sowjetmachthaber eine Reihe Preise willkürlich festgesetzt. Dies sind: 1) sehr geringe Beschaffungspreise, die gewisse Steuerelemente enthalten, da die Kolchose, Kolchosarbeiter und Individualbauern bei der Ablieferung ihrer Erzeugnisse an den Staat an diese Preise gebunden sind; 2) Einkaufspreise, zu denen der Staat den Kolchosen und Kolchosarbeitern deren landwirtschaftliche Erzeugnisse, mit deren Einverständnis und als Überschüsse bei obligaten Lieferungen und Kontrahierungen abzukaufen pflegt. Diese Preise sind höher als die ersteren; 3) staatliche Lieferpreise, die 1954 festgelegt wurden, zu welchen die Sowchose ihre Erzeugnisse an den Staat abliefern; 4) Engros-Preise, zu denen die Beschaffungsorganisationen ihre Erzeugnisse an die Konsumenten abzuliefern pflegen.

Die traurigen Ergebnisse der Kollektivierung und das Absinken der Ernteerträge und der Viehzucht zwangen die Regierung der UdSSR, einige Maßnahmen zu ergreifen, die das Interesse der Kolchose und Kolchosarbeiter an einer Steigerung der Landwirtschaft und der Viehzucht, der Kartoffel- und Gemüseerzeugung und den Aufstieg der gesamten Kolchosproduktion fördern sollten.

Um 1953 wurden die Beschaffungs- und Einkaufspreise für landwirtschaftliche Erzeugnisse erhöht, 1955 wurden die obligaten Brotablieferungsnormen für die Kolchose herabgesetzt. Diese Maßnahmen hatten außerordentliche Unkostenposten im Staatshaushalt für 1955 in Höhe von 22,5 Milliarden Rubel zur Folge. Mit dieser Summe sollten die Bauern aus politischen, nicht aber aus wirtschaftlichen Gründen sozusagen bestochen werden.

Außer beiden erwähnten Preisarten, mittels deren die Zahlungsmodi zwischen Staat und Bauernschaft geregelt werden,setzt der Staat noch eine Taxe fest — die Engros-Preise, zu denen die Beschaffungsorganisationen ihre Produkte den Konsumenten verkaufen, wobei diese Preise durch große Umsatzsteuer-Beträge erhöht werden. Auf diese Weise ist die Trennung zwischen Engros-Preisen und der wirtschaftlichen Grundlage vollkommen. Die Höhe der Preise ist vor allem vom Geldbedarf des Staates für den „sozialistischen Aufbau“ auf Kosten der Konsumenten abhängig.

Alle diese Preise werden aus politischen Erwägungen fixiert und haben keinerlei Beziehung zu den Selbstkostenpreisen, die, wie gesagt, der Sowjetregierung unbekannt bleiben.

So liegen also die Verhältnisse auf dem Gebiet der Lebensmittelproduktion der UdSSR.

Die Preise der Industriewaren werden ebenfalls durch Taxierungen festgelegt. Manchmal ist in der UdSSR von „Vertrags-Preisen“ die Rede. Doch auch sie haben dekretierte Preise zur Grundlage, von denen sie nicht abweichen dürfen.

Bei freiem Warenumlauf verläuft die Preistendenz unter dem Einfluss von Konkurrenz und eines größtmöglichen Warenabsatzes in Richtung auf ihr Minimum. In der UdSSR sind diese Bedingungen bedeutungslos: das Staatsmonopol schließt jede Konkurrenz aus, die staatlichen Werke aber sind an einer Preissenkung nicht nur keineswegs interessiert, sondern sind aus zahlreichen Gründen bemüht, ihre Waren mit größtmöglichem Materialaufwand, zu hohen Preisen und unter Entstehung reicher Ausschüsse herzustellen. Es entsteht die paradoxe Lage, wo Industriebetriebe bestrebt sind, möglichst viele Rohstoffe zu möglichst hohen Preisen zu verwenden.

Der Plan für die Betriebe wird nicht nur in Naturaliengrößen fixiert, sondern auch auf Grund der Roh- und Warenproduktionsmenge in für das Unternehmen obligatorischen Engros-Preisen. Bei Erfüllung des Programms auf Grund von Naturalien- und Wertindexen hat man sich nicht nach dem Durchschnitts-Engrospreis des zu verplanenden Assortiments zu

richten, sondern nach einem höher liegenden; erst dann ist anzunehmen, daß der Plan in sämtlichen Indexzahlen erfüllt werden kann. Im Endergebnis entsteht in der Industrie ein Überfluß an großen Instrumenten und ein Defizit in kleinen.

Wenn wir uns nun den Praktiken der Erzeugung von Volksbedarfsartikeln zuwenden, so stellt sich dasselbe heraus. So z. B. weigern sich die Konfektionsfabriken, Kleider und Kostüme aus billigerem Material, wie z. B. aus Kunstseide oder Baumwolle anzufertigen, sondern ziehen Naturseide und Wolle vor. Auf dem Markte macht sich ein ständiger Mangel an billigen, jedoch hochwertigen Waren spürbar, in denen die Nachfrage groß ist, sowie ein Überfluß an teuren, die nur für eine Elite erschwinglich sind. Dies wird auch von allen Ausländern bestätigt, die die Sowjetunion besucht haben.

Den Anstoß zu solchen ungereimten Praktiken gibt auch ein anderer Umstand. Die Staatsbank zahlt die Löhne unter Berücksichtigung des Grades der Erfüllung der Rohproduktion in Engros-Preisen aus. Die Betriebe sind ab und zu gezwungen, ihre Warenproduktion, für die keine Nachfrage besteht, loszuwerden, nur um der vom Plan vorgesehenen Relation zwischen dem Gesamtwert der Rohproduktion, dem Arbeitslohn-Fonds und der vom Plan vorgeschriebenen Arbeiterzahl gerecht zu werden.

Diese Praktiken fußen auf sowjetischen Gesetzen und Regeln und sind vom volkswirtschaftlichen Standpunkt nicht nur keineswegs wirtschaftlich, sondern direkt gegen die Volksbelange gerichtet.

Daraus ist zu ersehen, daß es in der UdSSR, auch was Bedarfsartikel und Produktionsmittel betrifft, nur juristische Kategorien gibt. Aus diesen Gründen ist die sozialwirtschaftliche Struktur der UdSSR als „dekretierte Staatsordnung" zu bezeichnen: allen Völkern der Sowjetunion wurde mit Hilfe von Terror, Vergewaltigung und Betrug ein „Mäntelchen" umgehängt, unter dem sich keinerlei Sozialismus verbirgt.

Was die Ausbeutung des Menschen betrifft, so wird hier der sonst ausbeutende Mensch durch den ausbeutenden Staat ersetzt. Der Mensch wird zum Sklaven des Staates degradiert.

A. PARAMONOV

DIE ORGANISATION DER FORSTWIRTSCHAFT DER UdSSR NACH DEM ZWEITEN WELTKRIEGE

Die Sowjetunion verfügt über 1067—1069 Millionen Hektar beforsteten Areals, darunter über 39—41 Millionen Hektar Kolchoswälder. Nur 73% dieser Fläche kann forstwirtschaftlich ausgenütz werden, da 27% auf Seen, Moore, Straßen, d. h. Räume, die zu den allgemeinen Waldmassiven gehören, entfallen.

Was die Baumarten der bewaldeten Fläche befrifft, so läßt sich diese in Millionen Hektar wie folgt einteilen:

Lärchen — 249, Kiefern — 88, Tannen — 63, Birken — 51, Espen — 31, Sibirische Zeder (Pinus sibirica) — 29, Edeltannen — 13, Eichen — 4,6, Buchen — 1,7, Ahorn — 1,7 und Linden — 1,5.

Reifer und überreifer Baumbestand wiegt vor und bildet insgesamt 56% der Wälder, ist aber meistens schwer auszubeuten (weswegen er auch lange erhalten bleibt). Die vorhandene Nutzholz-Menge beläuft sich auf 59 Milliarden cbm., 85% davon entfallen auf Koniferen. Ein Hektar bewaldeter Bodenfläche liefert durchschnittlich 1,1—1,3 cbm. Baumzuwachs jährlich, was für das Gesamtterritorium der UdSSR 700—850 Millionen cbm. im Jahr ausmacht. Gefällt werden jährlich nicht über 400 Millionen cbm., jedoch wird der Holzschlag je nach Gebiet sehr unregelmäßig vorgenommen. In leicht zu erreichenden Gegenden wird nicht nur der durchschnittliche Jahreszuwachs gefällt, sondern oft der zehnfache. In unzugänglichen

Gebieten (z. B. in der Taiga) wird nicht einmal der jährliche Zuwachs gefällt. Aus diesem Grunde verrotten darin alljährlich 400 Millionen cbm. Nutzholz.

Was System und Menge des Holzschlages betrifft, so läßt sich der Waldbestand in drei Gruppen einteilen:

1. in Schonungen zu Forschungszwecken, Schutzwälder, zu Bädern und Kurorten gehörende Wälder, „Grünanlagen-Ringe" um 1698 Städte und Werksiedlungen, deren Gesamtfläche 27,2 Millionen Hektar und deren Nutzholzmenge 3,3 Milliarden cbm. ausmacht.

2. Wasserschutz-Forste in einigen Stromgebieten zur Erhaltung des normalen Wasserstandes. Sie enthalten bei einer Fläche von 85,4 Millionen Hektar eine Nutzholzmenge von 2,9 Milliarden cbm.

3. Wälder für industrielle Zwecke mit einer Gesamtfläche von 900 Millionen Hektar und einer Nutzholzmenge von 52,5 Milliarden cbm.

Am sorgfältigsten werden die Wälder der ersten Gruppe gepflegt, weniger schonungsvoll die zweite, die Bewirtschaftung der dritten wird manchmal sogar von der Sowjetpresse als Raubbau bezeichnet. Gewöhnlich werden in diesen Wäldern nur die besten Baumstämme gefällt, wobei die Mißwirtschaft so weit geht, daß etwa 35 Millionen cbm. Nutzholz nicht abtransportiert werden, sondern an Ort und Stelle verfaulen.

Das Areal der drei Forstgruppen ist nicht als konstant zu betrachten, denn in dem Maße wie Wälder der dritten Gruppe geschlagen werden, gelangen Teile davon in die zweite oder erste Gruppe d. h. sie unterstehen dann den Forstschutz-Gesetzen, hauptsächlich nachdem sie ihre wirtschaftliche Bedeutung eingebüßt haben.

Die Sowjetregierung mißt der Aufforstung und der Auffindung neuer Rohstoffbasen hohe Bedeutung bei, wozu von Flugzeugen reichlich Gebrauch gemacht wird. Luftaufnahmen sind heutzutage in jedem Falle obligatorisch.

Der von der Regierung genehmigte Riesenplan zur Erschaffung von Ackerschutz-Wäldern wird in quantitativer Hinsicht erfolgreich durchgefürt, in qualitativer jedoch ist seine Erfüllung gerade in den Gebieten, in denen Windbrecher-Forststreifen theoretisch am notwendigsten sind, stärkstens bedroht. Der größte Teil der Pflanzen ist bereits vernichtet worden, oder der Baumbestand hat sich so stark verringert, daß die Schutzstreifen keine Rolle spielen. Die undicht gewordenen Waldstreifen werden in kurzer Zeit von Unkraut überwuchert, das oftmals verhindert, daß die verdorrten Bäume auch bei sorgfältigster Pflege durch neue ersetzt werden.

1955 wurde das rücksichtslose Schlagen des Baumbestandes der ersten beiden Gruppen angeordnet, hauptsächlich in Gegenden, die während des zweiten Weltkrieges von deutschen Truppen besetzt waren. Mit Rücksicht auf die Gesetze zum Schutze der Waldbestände, die sich früher in erster Linie auf gerade dieses Territorium bezogen (auf dem übrigens der kolossale Ackerschutzplan und der Schutz von Wasserstraßen verwirklicht werden sollten), kam diese Verordnung sehr überraschend. Die Verordnung sieht nicht die Erhaltung, sondern das Fällen von 56% des Nutzholzbestandes vor, der als relativ reif gilt. Mit anderen Worten handelt es sich hier um die Entnahme eines Holz-Vorschußes, der für einige Jahrzehnte ausreichen würde. Der Holzschlag vollzieht sich im Eiltempo. Die Ursache dieser Änderung der Forstwirtschaftspolitik ist wahrscheinlich auf die „Dekanonisierung Stalins" zurückzuführen. Die Straf- und Zwangsarbeiter, mit deren Hilfe man in der Taiga Nutzholz gewann, sind entweder ausgestorben oder arbeitsunfähig. Manche davon hatte man auch in Freiheit gesetzt, wobei es heute keine Massenverhaftungen, wie zu Lebzeiten Stalins, in der UdSSR mehr gibt. Dies alles zwingt die Regierung, die Wälder an den Stellen schlagen zu lassen, wo dies am leichtesten geschehen kann.

Prof. A. PHILIPOV

DIE REAKTION DER DIALEKTIKER IN DER MODERNEN SOWJETPHILOSOPHIE

Formale Logik wurde in der UdSSR bis 1946 als reaktionär und bürgerlich betrachtet und als Unterrichtsfach in den Schulen abgelehnt. Vorherrschend war die „Dialektik" oder die „dialektische Logik", deren Kern die Lehre von der ständigen Wandelbarkeit aller Dinge, vom Umschlagen jeden Dinges in sein Gegenteil bildete. Dies war eine Rechtfertigung der bolschewistischen Revolution in Rußland, eine Waffe in den Händen kommunistischer Propaganda in der westlichen Welt und ein Argument zu Gunsten der These der Unvermeidbarkeit einer Zerstörung der „kapitalistischen Gesellschaftsordnung" durch Revolutionen.

Jedoch befahl Stalin um 1946 urplötzlich den Unterricht formaler Logik in den Schulen und deren theoretische Weiterentwicklung in wissenschaftlichen Instituten wiedereinzuführen. Er befürchtete offenbar, daß das Prinzip der ständigen Zerstörung und Wandelbarkeit auch für das kommunistische Regime gefährlich werden könnte, das Regime, das in der UdSSR bereits festen Fuß gefaßt hatte und seinerseits, laut dialektischem Gesetz, Wandlungen und endlicher Zerstörung ausgesetzt war. Es erschienen sowjetische Lehrbücher formaler Logik, wie z. B. die von Asmus und Strogowitsch, die sich inhaltlich kaum von den russischen Lehrbüchern aus der Zeit vor Ausbruch der Revolution unterschieden. Zugegeben: die sowjetischen Logiker versuchten in ihren Abhandlungen auf einen gewissen Unterschied zwischen sowjetischer und „bürgerlicher", formaler Logik hinzuweisen. Ihre Versuche jedoch waren ein Beweis für ihre mangelnde Kenntnis der Geschichte der Logik und deren Entwicklungsprozesses seit Kant. Dabei war die Dialektik durch Stalin nicht gänzlich ausgemerzt worden, und die sowjetischen Dialektiker warteten nur auf einen passenden Augenblick, um ihrerseits die formale Logik anzugreifen. Ein solches Argument lieferte ihnen die Schdanow-Reaktion nach der bekannten Diskussion von 1947, als Schdanow, dem Befehl Stalins folgend, in scharfer und drohender Form unversöhnliche bolschewistische Parteinahme und Abbruch sämlicher Beziehungen zur Wissenschaft der Freien Welt verlangte. Die unlängst rehabilitierte formale Logik aber wurde des Idealismus' und des bürgerlichen Kosmopolitismus angeklagt. Dies hatte zur Folge, daß z. B. der bekannte marxistische Logiker Asmus in erniedrigender Form Buße tun und den von ihm verursachten Bruch mit dem Marxismus-Leninismus bitter bereuen mußte. Doch führte Stalin um 1950 durch seine Abhandlungen über sprachwissenschaftliche Probleme einen neuen Schlag gegen die Dialektik, indem er die Sprache aus dem „Überbau" herauslöste und die sowjetischen Logiker hoffen ließ, daß auch die Logik selbst als ein mit der Sprache untrennbar verbundenes System allgemein menschlicher und klassenloser Denkformen vom politischen Überbau losgelöst und, gemeinsam mit der Sprache als einer Wissenschaft mit eigener innerer Gesetzmässigkeit, anerkannt werden würde.

Nach dem Tode Stalins um 1953 begann eine neue, noch schärfere Reaktion der Dialektiker gegen formale Logik, wobei ihre Angriffe nicht einmal vor dem toten Diktator Halt machten. Ihren Höhepunkt erreichte diese Kampagne nach der posthumen Entthronung Stalins auf dem XX. Kongreß der KPdSU. Dabei wurde dem Kulte Stalins, der den Gesetzen der Dialektik Grenzen gesetzt hatte, die Autorität Lenins entgegengestellt, jenes Lenin, der jegliche formale Logik als Wissenschaft verwarf. Zwar stimmt es, daß formale Logik auch heute noch nicht gänzlich abgelehnt wird, doch bildet die gleichzeitige Anerkennung von Dialektik und formaler Logik einen wunden Punkt moderner Sowjetphilosophie. Und zwar, weil die Grundsätze formaler Logik, von Kant endgültig festgelegt, und die Prinzipien der Dialektik, von Marx und Lenin formuliert, ihrem Wesen nach einander ausschließen. Die durch diesen Widerspruch ausgelöste Krise innerhalb der sowjetischen Philosophie findet z. B. in vier Artikeln des Heftes Nr. 2 der „Woprosy filosofii" aus dem Jahre 1956 deutlichen Ausdruck.

In einem dieser Artikel ist M. Aleksejew bemüht, mit Hilfe von Zitaten aus Engels' und Marx' Werken die „dialektische Natur eines Urteils" zu definieren. Diese marxisti-

schen Autoritäten waren jedoch in nur unausreichendem Maße mit Logik vertraut und hielten die Kopula „ist“ für eine Identifizierung von Subjekt und Prädikat, während durch sie nur dieses oder jenes Verhältnis der Hauptsatzteile zueinander bestimmt wird. In Wirklichkeit liegen die Dinge so, daß dort, wo Aleksejew, mit Engels und Lenin gemeinsam, ein gleichzeitiges Vorhandensein innerhalb des gleichen Urteils von Identität und Unterschied zwischen Subjekt und Prädikat erblickt, in Wirklichkeit eine Unterordnung des Subjekts unter das Prädikat, oder eine Inkorporation des Prädikats durch das Subjekt, oder eine Identifizierung derselben stattfindet, so daß die „dialektische Natur eines Urteils“ in keiner Weise zutage tritt. Ohne sich mit der Anführung „elementarer Urteile“ zu begnügen, führt Aleksjew einige „dialektische“ Urteile an, die angeblich einen inneren Widerspruch enthalten, wie z. B. „Ein in Bewegung versetzter Körper befindet sich am gegebenen Punkt und befindet sich gleichzeitig dort nicht“. Anläßlich des angeführten Beispiels behauptet Aleksejew:

> „Ein dialektischer Widerspruch als treibende Kraft der Bewegung ist das objektive, von unserem Denkvermögen unabhängige Vorhandensein zweier Gegensätze innerhalb des gleichen Gegenstandes, zweier Gegensätze, die einander gleichzeitig bedingen und ausschließen, und zwar in ein- und derselben Beziehung“.

Aber auch vom logischen Standpunkt aus gibt es in der Bewegung keinen Widerspruch. Dieser wäre erst dann vorhanden, wenn man die Bewegung als aus Ruhepunkten bestehend betrachtete, die es in Wirklichkeit nicht gibt, da die Bewegung aus infinitesimalen Bewegungs-Abschnitten in infinitesmalen Zeit- und Raumabschnitten besteht, so daß in diesem Falle eine einfache Integrierung stattfindet, aus der sich die Bewegung ergibt.

Ebenso wenig erfolgreich ist ein anderer Verfasser, W. Tscherkessow, bemüht, den Begriff als solchen auf dialektische Art zu deuten. Bei seinen Angriffen gegen den formallogischen Begriff, hat Aleksejew das Vorhandensein nur eines Verallgemeinerungsmoments daran auszusetzen, die Nicht-Berücksichtigung alles Besonderen und Individuellen, den statischen Charakter des Begriffs und seine Unfähigkeit, das Bewegungs- und Wandlungsmoment widerzuspiegeln. De facto aber sind Begriffe der formalen Logik jedoch äußerst flexibel, weit und umfassend. Durch sie werden jeder Art Bewegungen und Wandlungen erschöpfend erfaßt. Sind die längst als Wissenschaft bekante Mechanik und der Bewegungsbegriff bei Galilei und Newton weniger vollkommen zum Ausdruck gebracht als bei Lenin? In den Fußstapfen Lenins wandelnd, verlangt Tscherkessow, der Begriff solle „sämtliche Eigenschaften des Gegenstandes“ umfassen. Dies aber ist faktisch unmöglich, auch überflüssig, da die zahllosen Eigenschaften eines Gegenstandes gerade durch den Begriff überwunden werden, den Begriff, der aus den wesentlichsten Merkmalen eines Gegenstandes, ohne Rücksicht auf zufällige Merkmale, zustandekommt. Auf diese zufälligen Merkmale legt Lenin z. B. bei der logisch unzulänglichen Behandlung des Begriffes „Trinkglas“ großen Wert.

Der Redaktionsartikel im erwähnten Heft der „Woprosy filosofii“ enthält die kritische Würdigung des Standpunktes einiger sowjetischer Logiker und hebt die dialektische Begriffslehre sowie die Theorie über die Einheit der Gegensätze in dialektischer Konzeption besonders hervor. Die Redaktion der genannten Zeitschrift findet, daß die Vertreter dialektischer Logik

> „Begriffe als Stufen des Entwicklungsprozesses der Erkenntnis betrachten; aus diesem Grunde sind Begriffe, die umfassendere Verallgemeinerungen enthalten, nicht ärmer, sondern reicher und tiefer als verallgemeinerte Begriffe, denn in ihnen hat sich das neue, höhere Niveau wissenschaftlicher Erkenntnis, der Gipfelpunkt menschlicher praktischer Erfolge kondensiert“.

In diesen Worten ist aber die übliche Begriffslehre enthalten, die irrtümlich und künstlich dem Gesetz formaler Logik über das umgekehrte Verhältnis zwischen Umfang und Inhalt des Begriffs entgegengestellt wird. Die Dialektiker verschmähen es, zur Kenntnis zu nehmen, in welchem Sinne der Begriffsinhalt im Bereich formaler Logik behandelt wird. Wie die Verfasser des Redaktionsartikels behaupten, besteht die wichtigste Besonderheit der Dialektik eben darin, daß sie innere Widersprüche innerhalb der Dinge anerkennt. Dabei machen sie zwischen „inneren Widersprüchen“ und „inneren Gegensätzen“ keinen Unterschied. Dies aber ist eine grobe Begriffsverwirrung, da ein Gegensatz (z. B. ein Elephant

und eine Fledermaus) noch keinen Widerspruch bedeutet (z. B. ein Elephant — kein Elephant).

Der vierte Artikel E. Sitkowskys befaßt sich mit der Lehre Lenins über das Zusammenwirken im Bereich des dialektischen Materialismus von drei Wissenschaften — der Logik, der Dialektik und der Erkenntnistheorie. Diese Theorie Lenins stellt der Verfasser des Artikels der bürgerlichen „Methodologie" entgegen. Ein Zusammenwirken der drei genannten Wissenschaften ist auch innerhalb der „bürgerlichen" Wissenschaft, d. h. in der freien Philosophie öfters festzustellen, genau so wie die Koppelung der Logik an die verschiedensten Disziplinen und Strömungen. Der Unterschied zwischen „bürgerlichen" und sowjetischen Logikern besteht eben darin, daß erstere die Koppelungen, die sie durch ihre innere Überzeugungskraft fesseln, nach eigenem Ermessen wählen, während die Sowjetlogiker verpflichtet sind, sich an die Anweisungen Lenins zu halten und keinen Schritt davon abzuweichen. Der Lenin-Einfluß aber versetzt die sowjetische Logik auf ein niederes Niveau, da Lenins wissenschaftliches und philosophisches Gedankengut nur als primitiv, beschränkt und widerspruchsvoll zu bezeichnen ist.

Die sowjetischen Logiker selbst leiden unter dem Druck des Sowjet-Dogmatismus am meisten. Manchmal gelingt es ihnen, ihre wahre wissenschaftliche Anschauung nur vorsichtig und teilweise zutage treten zu lassen. Dies war auch z. B. ab und zu bei der Beurteilung der Lehrbücher des dialektischen Materialismus der Fall. Die Verfasser dieser Lehrbücher sind keineswegs Klassiker des Marxismus-Leninismus, also dürfen sie ungehindert kritisiert werden, unter der Bedingung jedoch, daß diese Kritik von der Parteileitung nicht als Kritik am Marxismus-Leninismus selbst aufgefaßt wird. In allen ähnlichen Fällen weisen die besten Sowjetlogiker auf deren ungeheure Mängel, deren niederes Niveau, deren Gebundenheit, deren Überladenheit mit marxistischen Klassikerzitaten, auf ihre Widersprüche usw. hin.

In einer ähnlich schwierigen Lage befindet sich auch die Sowjetphilosophie in den Satellitenländern, besonders dort, wo es vor der sowjetischen Besatzungszeit eine hohe Kultur im Sinne der Pflege schöpferischer philosophischer Gedanken gegeben hat.

Die Denker Ostdeutschlands, der Tschechoslowakei, Polens usw. merken die Primitivität und Roheit der sowjetischen Ideologie und leiden unter dem Verlust philosophischer Freiheit, im Besitze deren sie sich noch unlängst befunden haben. Davon legen Urteile tschechischer und polnischer Gelehrter über sowjetische Bücher, die dialektischen Materialismus und Logik zum Inhalt haben, in vorsichtiger Form Zeugnis ab.

N. KULIKOVICH

DOSTOJEWSKIJ AUF DER SOWJETBÜHNE VON HEUTE

Die Aufführung von Dostojewskijs Romanen in dramatischer Form auf den sowjetischen Bühnen ist angesichts des Unterschiedes zwischen Dostojewskijs Weltanschauung und der kommunistischen Lehre äußerst bemerkenswert.

Obwohl Dostojewskij kein Bühnendichter war, pflegten seine Werke auf Theaterregisseure große Anziehungskraft auszuüben. Inszenierungen der „Dämonen" und der „Gebrüder Karamasow" im Moskauer Künstlertheater lange vor Ausbruch der Revolution fanden tosenden Beifall und gehörten auch sonst zu den bemerkenswertesten Ereignissen der russischen Theatergeschichte.

Unter der Sowjetherrschaft wurden Dostojewskij-Aufführungen nicht gerne gesehen, schärfstens kritisiert und manchmal verhindert. Ein Versuch des Moskauer Künstlertheaters, eine Reprise der „Gebrüder Karamasow" durchzusetzen, stieß auf Widerstand und Verbot der Sowjetregierung. Freilich versuchten Künstlerkreise, sofern es ihnen möglich war, dagegen

anzukämpfen: einzelne Aufführungen fanden, wenn auch mit großen Schwierigkeiten verbunden, hier und da statt.

Zur Zeit scheint sich die Lage grundlegend geändert zu haben. Im Laufe der Theatersaison 1955/56 wurden Dostojewskij-Stücke in 12 Theatern einstudiert und aufgeführt, wobei das gesamte Oeuvre des Dichters, mit Ausnahme der „Dämonen", vollständig vertreten war.

Die westlichen „Fortschrittler" sind geneigt, in dieser Tatsache ein Evolutionssymptom des Sowjetregimes zu erblicken. Eine eingehende Untersuchung jedoch überzeugt uns vom Gegenteil. Es ist zu berücksichtigen, daß erstens die Hinneigung zu Dostojewskij sich zum Zeitpunkt taktischer Kursänderungen bemerkbar gemacht hatte, die durchaus nicht grundsätzlicher Natur waren, zweitens, daß diese Einstellung mit Jubiläumsdaten des Dichters (dem 135. Jahrestag seiner Geburt und dem 75. seines Todes) koinzidierte, und drittens, daß es der kommunistischen Regierung daran gelegen war, die öffentliche Meinung des In- und -Auslandes für sich zu gewinnen. Der Meinungswandel innerhalb „fortschrittlicher" Kreise ist der beste Beweis dafür, wie gut dies ihr gelungen war.

Der Hauptgrund für das plötzlich erwachte Interesse der Regierung für Dostojewskij lag wohl in der Absicht, den Dichter propagandistisch auszunutzen. Natürlich gibt es auch in Kreisen sowjetischer Intellektueller aufrichtige Bewunderer des genialen Hellsehers menschlicher Seelen, die Sowjetregierung jedoch ist, sofern sie dem Grundsatz der Parteilichkeit treu bleiben will, weit davon entfernt, ihm aufrichtige Bewunderung zu zollen.

Dostojewskij ist dem Führungskollektiv zur Erreichung seiner praktischen Ziele von Nutzen. Die Absage an den Persönlichkeitskult und das Fiasko, das die Regierung auf ihrer Suche nach einem „positiven Helden" auf der Bühne erlitten hatte, zwangen das Führungskollektiv, alles auf die Karte „einfacher Leute" zu setzen, deren Seelenleben zu studieren und nach positiven Eigenschaften zu forschen, die diese Leute in Helden verwandeln könnten.

Die Rückker zu den Ideen Dostojewskijs wurde von den sowjetischen Schauspielern und Zuschauern freudig begrüßt. Aber auch dies wußten die Machthaber zu ihren Zwecken zu verfälschen, indem sie das Recht des Menschen auf Glück bei Dostojewskij durch das Glück des sozialistischen Menschen, die Nächstenliebe durch die Freundschaft der Sowjetvölker, die Unbestechlichkeit durch kommunistische Ehrlichkeit, die Opferbereitschaft durch Sowjetpatriotismus ersetzten. Gleichzeitig werden in den Werken Dostojewskijs diejenigen Stellen unterstrichen, die man zur Diskreditierung und Verunglimpfung der Geschichte Rußlands gebrauchen könnte. Es wird den sowjetischen Zuschauern wohl nicht gelingen, den wahren Dostojewskij auf der Bühne zu sehen: was ihnen serviert wird, ist ein nach sowjetischer Methode präparierter Dostojewskij. Diese Methode besteht darin, dem Regisseur und dem Bühnenleiter einen sozialistischen Auftrag zu erteilen oder die Aufnahme eines neuen Stückes ins Repertoire durch eine Parteikommission sanktionieren zu lassen.
ausgemerzt oder auf andere Objekte übertragen.

Mit unumschränkten Verfälschungsmöglichkeiten ausgerüstet, fürchtet die Parteileitung die reaktionäre Einstellung und die „Bigotterie" des Dichters kaum. Was nicht paßt, wird

Wie auch immer Rehabilitierung und Präparierung Dostojewskij ausschauen mögen, bleibt seine Ideologie im wesentlichen antikommunistisch. Sie wird nach wie vor schärfstens bekämpft. Die „Rehabilitierung" Dostojewskijs aber kann nur durch propagandistische Absichten erklärt werden.

Prof. A. KOTSEVALOV

DIE KRISE DER ALTERTUMSFORSCHUNG IN DER SOWJETUNION

Das Studium klassischer Philologie wurde von den Bolschewisten nach ihrer Machtergreifung völlig vernachlässigt. Erst seit 1932 wurden Abteilungen für klassische Philologie auf den Universitäten neueröffnet, seit 1949 wurde Latein in einigen Mittelschulen eingeführt.

Offizielle Behauptungen über eine angebliche Blüte der Altertumsforschung in der UdSSR entsprechen nicht der Wahrheit. Die Wiederaufnahme der griechischen und laterinischen Sprache in die Lehrpläne ist wohl mehr als Demonstration zu betrachten; der Unterricht in alten Sprachen ist kaum ernst zu nehmen. Aus diesem Grunde werden von Studenten und des öfteren auch von Wissenschaftlern nicht etwa Originaltexte benützt, sondern Übersetzungen. Dabei findet die Frage, ob die Übersetzungen den Originaltexten entsprechen, wenig Beachtung.

Das Betätigungsfeld der Alt-Philologen ist in der Sowjetunion sehr begrenzt. Die Bolschewisten sind der Meinung, daß die Aufgabe der Alt-Philologen einzig und allein darin bestünde, Elementar-Lehrbücher für Griechisch und Latein herauszugeben und den Unterricht in alten Sprachen auf Hoch- und Mittelschulen zu ermöglichen (siehe *Westnik Drewnej Istorii*, 1947, 2). Probleme der Rekonstruierung und Deutung der Texte antiker Autoren finden nicht das geringste Interesse.

Wie rückständig klassische Philologie in der UdSSR ist, kann man daraus ersehen, daß in den jüngst erschienen Werken, wie z. B. in der zweiten Auflage der *Scythica et Caucasica*, 1947—1952, nur Übersetzungstexte enthalten sind. Die Hauptsache, griechische und lateinische Texte, fehlen ganz. An Stelle des noch in den zwanziger Jahren von E. Pridik zur Herausgabe vorbereiteten dritten Bandes der *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*, der sämtliche Inschriften auf Keramiken des Schwarzmeergebietes enthalten sollte, erschien erst 1953 ein mangelhaft ausgestattetes Büchlein von I. Tolstoi unter dem Titel *Sgraffiti der Staatlichen Eremitage*, das nur einen geringen Teil der Inskriptionen auf Keramiken des Schwarzmeergebietes enthilt.

Die Lage der Geschichte der Antike ist um keinen Deut besser als die der klassischen Philologie. M. Pokrowskij vertrat die Meinung, daß weitere Geschichtsstudien überflüssig seien, denn alles sei von Marx und Engels geklärt worden. Aus diesem Grunde treten bei den Jüngern der Pokrowskij-Schule an Stelle konkreter Forschungsarbeit soziologische Betrachtungen. Der „Pokrowskismus" wurde von Stalin erst 1938 verdammt. Aber auch gegenwärtig ist die Tätigkeit der Altertumsforscher durch die Partei stark gehemmt. Sie sind gezwungen, den Lehren des historischen Materialismus über die Reihenfolge historischer Formationen, vor allem den Lehren über das Verhältnis Sklave-Sklavenhalter zu folgen. Jedoch scheint die marxistische Doktrin, die alleinige Grundlage der antiken Wirtschaft sei die Sklaverei gewesen, und daß es in der Antike neben dem Sklavensystem keinen Feudalismus gegeben habe, äußerst fraglich zu sein. Besonders verderbliche Folgen für die Geschichte des Altertums hatte im Laufe der letzten Jahre die Kampagne gegen „Liebedienerei Westeuropa gegenüber", die zur völligen wissenschaftlichen Isolierung der UdSSR beitrug.

Auch den Archäologen ist es nicht gelungen, der bolschewistischen Bevormundung zu entgehen. Die von der Partei an die Archäologen gestellten Anforderungen, deren Arbeiten sollten ihren rein deskriptiven Charekter verlieren und Schlußfolgerungen enthalten, die Archäologen hätten die Ansichten westeuropäischer Gelehrter zu widerlegen usw., können und müssen eine hemmende Wirkung ausüben.

Prof. A. SHMEEMAN

THEOLOGISCHE LEHRANSTALTEN IN DER UdSSR
(1943—1955)

Am 14. Juli 1943 fand in Moskau in den Räumen des Nowodewitschij-Klosters die Eröffnung eines griechisch-orthodoxen theologischen Instituts und theologischer Priester-Lehrgänge statt.

Etwa 1955 gab es in der UdSSR bereits zwei geistliche Akademien und acht Priesterseminare mit insgesamt 1500 Studenten. Vorliegende Arbeit macht es sich zur Aufgabe, folgende Fragen zu beantworten: Wie ist dieses System theologischer Lehranstalten entstanden, worin besteht die Verbindung dieser Schulen zur Vergangenheit und welches sind ihre Existensbedingungen im Machtbereich eines totalitären Staates.

Vor Ausbruch der Revolution von 1917 mußte ein Priester-Kandidat vier Klassen einer Kirchenschule und sechs Klassen eines Priesterseminars absolvieren. Nur die besten Absolventen der Priesterseminare durften nach strenger Wahl und einer Prüfung wettbewerblichen Charakters in die Akademie aufgenommen werden. Damit war eine gute Auswahl sichergestellt. Dieses Unterrichtssystem für Geistliche wurde nach der Revolution abgeschafft. Auf Grund des Dekrets vom 6. September 1918 wurden die Theologenschulen geschlossen, ihre Gebäude und Vermögen konfisziert. Im Laufe der nächsten 25 Jahre gab es keine der russischen Kirche gehörende Schulen. Zu Beginn des zweiten Weltkrieges hatten sich die Reihen der Gesitlichkeit nicht nur infolge der Verfolgungen, sondern auch weil es unmöglich war, sie aufzufüllen, stark gelichtet. Nachdem sich die Einstellung der Regierung gegenüber der Kirche während des Krieges, zu Beginn der vierziger Jahre, geändert hatte, wurde das Problem der Wiederherstellung geistlicher Schulen aufgeworfen. In einem Artikel des Erzbischofs Grigorij in Nr. 3 des aufs neue erscheinenden *Shurnal Moskowskoj Patriarchii* (Zeitschrift des Moskauer Patriarchats) wurde das Programm der geistlichen Schulen aufgerollt und ihr Geist näher definiert. Der Verfasser war anscheinend spiritus rector und Organisator dieser Schulen. Im Plan des Erzbischofs Grigorij, der von der Synode bestätigt wurde, wurde die Gründung eines griechisch-orthodoxen theologischen Instituts mit dreijähriger Lehrzeit als theologische Hochschule vorgesehen, in den Parochien — die Gründung von theologischen Priesterlehrgängen mit zweijähriger Lehrzeit als theologische Mittelschulen.

Bereits die ersten Lehrjahre im Institut bewiesen, daß eine Verwirklichung des Plans des Erzbischofs Grigorij wegen mangelnder geistiger, intellektueller und teilweise auch der sittlichen Reife der Studenten in vollem Ausmaße unmöglich sei. Die Schulleitung stand vor dem Dilemma — entweder das Niveau der Schule tiefer zu lagern, oder zu retten, was von der ursprünglichen Konzeption zu retten war. Man schlug den zweiten Weg ein. Strenge Aufnahmeprüfungen und Examina von Semester zu Semester wurden eingeführt. Eine einjährige Vorbereitungsstufe wurde vorgeschrieben, die Programmdauer um ein weiteres Jahr verlängert. Am meisten aber wurde darauf geachtet, daß die Studierenden durch Teilnahme am Gottestdienst eine entsprechende Erziehung genossen.

Das zweite Lehrjahr wurde auf diese Weise zu einer Übergangsstufe. Im Patriarchat kam man auf den Gedanken, das Vorrevolutionssystem wiederherzustellen, d. h. Priesterseminare und theologische Akademien zu gründen. Auf Grund einer Resolution des Patriarchen Alexij vom 26. August 1946 wurde das Moskauer Theologische Institut in die „Moskauer Geistliche Akademie" umbenannt, die theologischen Priesterlehrgänge aber in das „Moskauer Priesterseminar". Ins Seminar wurden 147 Studenten, in die Akademie 24 Studenten aufgenommen. Im Lehrkörper zählte man 4 Magister der Theologie, 7 Kandidaten der Theologie, 8 Kandidaten weltlicher Wissenschaften und einen mit Spezialbildung.

Die Eröffnung der Moskauer Lehranstalten fand am 26. September statt, am 8. Oktober wurden ähnliche Lehranstalten in Leningrad gegründet. Hier bestand das Seminar aus zwei Jahrgängen: dem ersten (mit 26 Teilnehmern), und dem dritten (mit 30 Teilnehmern), die Akademie aus einem ersten Lehrgang mit 26 Teilnehmern. Der Lehrkörper bestand aus 3 Professoren, 8 Dozenten und 2 Lehrern.

Ernste Hindernisse entstanden durch Mangel an qualifizierten Lehrkräften. Es fand sich nur eine kleine Gruppe Professoren, die den ersten Lehrkörper bildete und die Aufrechterhaltung der Tradition sicherstellte.

Am 21. Januar 1947 wurde bei der Moskauer Geistlichen Akademie unter dem Vorsitz des Metropoliten Nikolaj Krutitzkij eine „Zeugnis-Komission" gebildet, die sich aus fünf Magistern der Theologie der alten Schule zusammensetzte und deren Aufgabe darin bestand, akademische Grade zuzuerteilen und die Wahl von Professoren und Dozenten vorzunehmen. 1947—48 gab es in der Moskauer Geistlichen Akademie 19 Lehrer, gegen 1954 wuchs ihre Zahl auf 24. In Leningrad wurden es aus 10 — 13.

Nachrichten über die geistlichen Lehranstalten, die in der *Zeitschrift des Moskauer Patriarchats* erscheinen, werden mit jedem Jahre kürzer, sowohl was das Zahlenmaterial betrifft als auch die Beschreibung verschiedener Ereignisse aus dem akademischen Leben. Es lassen sich nur einige Tatsachen feststellen. Vor allem fallen die häufigen Veränderungen innerhalb des führenden Verwaltungspersonals auf. Im Laufe des letzten Jahrzehnts lösten in Moskau fünf, in Leningrad drei Rektoren einander ab. Auch der Inspektorenwechsel war sehr häufig. 1948—49 wurde der Moskauer Geistlichen Akademie und dem Priesterseminar der sogenannte „Rektorenflügel" des Troitze-Sergiewskij-Klosters zur Verfügung gestellt, wohin auch der Umzug aus dem Nowodewitschij-Kloster erfolgte. 1950—51 fand die Eröffnung des kirchlich-archäologischen Museums bei der Moskauer Geistlichen Akademie statt. Über das akademische Jahr 1954—55 heißt es, daß es durch einen großen Zustrom Lernbegieriger und durch vergleichweise bessere Vorbereitung der Studierenden gekennzeichnet war, ohne daß man Genaueres darüber erfahren konnte.

Wedernikow (einer der Akademielehrer und Kandidat der Philologie) wies darauf hin, daß „die vormaligen geistlichen Schulen sich zu sehr für die Aneignung formalen Wissens zu Ungunsten einer Seelsorger-Erziehung begeistert hätten". Der Gedanke über die Seelsorger-Erziehung als dem Hauptziel läuft wie ein roter Faden durch sämtliche uns zur Verfügung stehende Dokumente. Selbst die Organisation der Schulen weist auf den Geist echter Kirchlichkeit hin, besonders auf liturgische Frömmigkeit. In den zur Akademie gehörenden Kirchen werden täglich Gottesdienste abgehalten, im akademischen Leben sowie im Unterricht macht sich ein besonderes Interesse für liturgische Traditionen der Kirche, für Reglemente und traditionsmäßigen „kanonischen Chorgesang" bemerkbar. Die einzige Informationsquelle über die theologisch-wissenschaftliche Arbeit der geistlichen Schulen bilden die in der *Zeitschrift des Moskauer Patriarchats* erscheinenden Artikel der Professoren und Lehrer. Natürlich ist diese Quelle als unzureichend zu bezeichnen, doch ist sie imstande, wenigstens die notwendigsten Informationen zu vermitteln.

Der theologische Stoff der *Zeitschrift des Moskauer Patriarchats* ist nach Hauptthemen geordnet. Dabei ist das umfangmäßige Verhältnis von hohem Interesse. An erster Stelle stehen dem Gottesdienst gewidmete Artikel, an zweiter — solche, die sich mit russischer Kirchengeschichte befassen. Dies sind russische Heiligengeschichten oder Lebensbeschreibungen kirchlicher Würdenträger, oder Artikel anläßlich dieses oder jenes Kirchenjubiläums. An dritter Stelle stehen die Themen Rom und der Katholizismus. Es folgen Artikel über Dogmatik und Moraltheologie. Es gibt deren viel weniger als Artikel über die ersten drei Themen.

Bei der allgemein üblichen Einteilung theologischer Fächer gilt Exegese als Hauptfach. Jedoch ist gerade diese in der *Zeitschrift des Moskauer Patriarchats* schwächer als andere vertreten. Es folgt die Dogmatik. Die Artikel darüber sind auch nicht besonders zahlreich. Sie zeichnen sich auch nicht durch eine einheitliche Tendenz aus. Am reichhaltigsten ist der liturgische Teil: zahlreiche Artikel sind der Ordnung des Gottesdienstes gewidmet. Der Geschichte der Russischen Kirche sind besonderes viele Artikel zugeeignet. Der allgemeine Ton dieser Artikel ist stets panegyrisch, betont wird besonders der patriotische und nationale Charakter der historischen Persönlichkeiten im Dienste der Kirche. Es gibt Artikel, die ausschließlich Andachtsübungen gewidmet sind. In beiden Fällen ist der Standpunkt nicht etwa kritisch, sondern sozusagen pietätvoll, gleichwie zu einer Ikone. Einige Artikel sind allen Arten der Kirchenkunst gewidmet. Unter den nichtrussischen Kirchen werden hauptsächlich Kirchen anderer slawischer Völker untersucht.

Die nächstfolgende Artikelreihe ist der Politik Roms und ihrer Entlarvung gewidmet. Hier ist der Ton ganz anders und wird offenbar von der Propaganda diktiert. Ungeachtet dessen, daß einige Artikel als wissenschaftlich fundiert gelten könnten, ist darin die Druckausübung der Regierung unverkennbar.

Es unterliegt keinem Zweifel, daß die Erneuerer geistlicher Schulen 1946—1948 ihre Stimme freier erheben konnten als nachher. Offenbar verläuft das Leben der geistlichen Schulen und der Kirche im Zustande völliger Isolierung, die von einigen Forschern für gefährlicher gehalten wird als offene Verfolgung. Aber auch für diese Existenzmöglichkeit muß die Kirche den komunistischen Machthabern den furchtbaren Tribut ihrer Schmach bezahlen. Auch die theologischen Schulen sind gezwungen, ihren Anteil daran zu entrichten.

Mitteilungen und Tatsachenmaterial

S. KIRSANOV

DAS PROBLEM DER METALLVERSORGUNG INNERHALB DER VOLKSWIRTSCHAFT DER UdSSR 1918—1938

Der Jahresstand der Metallproduktion von 1913 wurde in Wirklichkeit nicht 1927, das als offizielles Abschlußjahr der sog. Wiederherstellungsperiode gilt, erreicht, sondern erst Mitte 1930.

Die Mangel-Gesamtmenge an Metall auf dem Gebiete der Volkswirtschaft der UdSSR in den Bürgerkriegs- und den nachfolgenden Wiederherstellungsjahren (1918—1930) belief sich auf etwa 30,4 Millionen Tonen.

Dieser Mangel wurde auf Kosten eines über das Niveau von 1913 hinausgehenden Metall-Schmelzertrags erst 1937 gedeckt.

Die gesamte Wiederherstellungsperiode der Volkswirtschaft und die der beiden ersten Fünfjahrpläne verliefen im Zeichen einer Versorgung mit Metall, die durchschnittlich nicht höher lag als 1913. Entstehung und Entwicklung einiger Industriezweige, die Metalllieferungen in weitem Maße verlangten, verliefen auf Kosten anderer Wirtschaftszweige, riefen einen empfindlichen Metallmangel hervor und begünstigten das Mißverhältnis zwischen den einzelnen Industriebranchen, z. B. auf dem Gebiete des Eisenbahnbaus.

Die spezifischen Besonderheiten der kommunistischen totalenteigneten Volkswirtschaft, besonders das Volumen der Rüstungsproduktion sowie sehr beträchtliche Verluste und Industrieausschüsse steigerten diesen Mangel in Sinne seiner Intensität und Langwierigkeit so weit, daß er bis zum Ausbruch des zweiten Weltkrieges dauerte.

RESUME DES ARTICLES

Prof. P. KOVANKOVSKY

LA CONCEPTION SOVIETIQUE DES CATEGORIES ECONOMIQUES

L'ensemble de la situation économique en URSS est basé non sur la libre manifestation des forces économiques, mais sur le plan. Celui-ci n'est pas, comme on pourrait le croire, une prévision du développement économique ultérieur (comme cela se passe dans le monde libre), mais un ensemble de directives gouvernementales qu'il est interdit de transgresser. De ce fait, les catégories que nous appelons économiques sont, en fait, en URSS des catégories juridiques.

Les Bolchéviks s'efforcent de faire entrer la vie économique dans le cadre d'un plan artificiel, ce qui n'est possible qu'au moyen de directives impérieuses.

Examinons tout d'abord le schéma soviétique de l'établissement du prix de revient. Le prix de revient englobe: 1) le capital fixe, 2) le travail, 3) les matériaux. Le capital fixe est essentiellement constitué par les machines et les moyens de production, qui ne sont pas cotés sur le marché et n'ont pas de valeur marchande. Leur prix est établi par directives, qui varient suivant les cas. Dans l'économie soviétique planifiée, les prix du capital fixe sont uniquement des moyens au service de la politique économique. La politique économique soviétique exige quelquefois des baisses de prix sans rapport avec le prix de revient (il en est ainsi pour le sel destiné à l'industrie poissonnière, pour l'énergie électrique alimentant l'industrie de l'aluminium). Par contre, dans certains cas les prix sont relevés pour améliorer le bilan commercial. C'est ainsi qu'au début, les prix des machines étaient très élevés, ce qui rapportait de gros bénéfices au Ministère des constructions mécaniques. Ensuite, pour réduire ces bénéfices, on diminua les prix. De ce fait, la valeur du capital de base ne repose sur aucun fondement économique solide, étant donné qu'elle est placée au service de la politique économique.

Le second élément du prix de revient, — le travail, c' est-à-dire le salaire, — n'est pas régi par le jeu de l' offre et de la demande du travail et peut, à tout moment, être modifié par décret. En URSS, les syndicats professionnels ne défendent pas les intérêts des travailleurs et n'influent pas sur la politique des salaires. Ces derniers sont établis sans rapport avec le pouvoir d'achat et la valeur du rouble et ne peuvent être qualifiés de catégorie économique, étant le résultat de décrets.

Le troisième élément — le prix de revient des matériaux, — est établi de la même façon que le premier, qui est constitué du capital fixe et des matériaux, c'est-à-dire qu'il est également constitué du capital fixe, du travail et des matériaux, dont la valeur est établie en accord avec les directives du Parti.

Il apparait donc que dans l'interprétation sovétique du prix de revient il ne rentre pas un seul élément, qu'il soit possible de qualifier de catégorie économique.

Dans les conditions existant en Union Soviétique, le prix est-il une catégorie de cet ordre?

Dans les conditions du monopole d'Etat il n'existe ni marché libre, ni prix libres: tout est dicté par des considérations politiques et non pas économiques, selon les indications de Lénine qu'en URSS l'économie était subordonnée à la politique.

Lorsqu'on parle des prix sur les produits agricoles, il faut noter que pendant longtemps, la question du prix de revient ne se posait même pas en agriculture, et que ce n'est qu'au cours des tous derniers temps que cette question est débattue par les spécialistes de l'agriculture, mais pour le moment sans résultat positif. Aussi, les prix de tous les produits agricoles et, par conséquent, le prix de leur production et de leur transformation n'est réglé qu'à l'aide de directives venues d'en haut, faute d'autre possibilité.

Uniquement guidés par des considérations d'ordre politique, les dirigeants soviétiques ont fixés une série de prix sur les produits agricoles: 1) les prix des produits stockés par l'Etat sont excessivement bas et ont le caractère d'impositions, étant donné que c'est à ces prix que tous les paysans, Kolkhoziens, Kolkhoziennes ou petits propriétaires d'exploitations rurales privées, sont tenus de livrer une certaine partie de leurs produits à l'Etat; 2) les prix des produits vendus volontairement, en sus des produits stockés par les paysans également à l'Etat. Ces prix sont plus élevés que les précédents; 3) les prix, établis en 1954 sur les produits cédés par les Kolkhoziens à l'Etat; 4) les prix de gros, sur les produits vendus par les organisation de stockage aux consommateurs.

Les tristes résultats de la collectivisation, la baisse de la productivité aussi bien dans le domaine des récoltes que dans celui de l'élevage, ont obligé le gouvernement soviétique à prendre une série de mesures afin d'intéresser les kolkhozes et les Kolkhoziens à l'amélioration de l'agriculture, au développement de l'élevage, à la production des pommes de terre et des légumes, et au relèvement de l'ensemble de l'agriculture.

En 1953, le gouvernement soviétique a relevé les prix des produits livrés et vendus à l'Etat, et en 1955 les normes des livraisons kolkhoziennes obligatoires de blé à l'Etat ont été diminuées. Ces mesures ont eu pour conséquence, en 1955, des dépenses budgétaires supplémentaires de 22,5 milliards de roubles. Le gouvernement a fait ce geste en faveur des paysans non dans des buts économiques mais pour des raisons politiques.

En plus des deux catégories de prix susindiquées, réglant les rapports entre l'Etat et la paysannerie, l'Etat fixe encore une taxe, sous la forme des prix de gros, auxquels les organisations de stockage écoulent les produits aux consommateurs, prix augmentés encore d'un lourd impôt sur le chiffre d'affaire. De la sorte, les prix de gros sont absolument isolés du fondement économique et sont avant tout reglés par les besoins d'argent de l'Etat en vue de l'édification du „socialisme" aux dépens des consommateurs.

Tous ces prix sont établis suivant des critères politiques, sans rapport avec le prix de revient, que le gouvernement ne connaît pas.

Telle est la situation en ce qui concerne les prix sur les produits agricoles en URSS.

Pour ce qui est des produits industriels, ils sont également taxés. Il arrive que l'on parle en URSS de prix „contractuels", mais ces derniers sont essentiellement basés sur des prix imposés et ne doivent pas s'en écarter.

Dans les conditions de la libre circulation des marchandises, les prix tendent vers le minimum, sous l'action de la concurrence et de l'accroissement de l'offre. En URSS, ces facteurs ne jouent pas. Le monopole d'Etat rend la concurrence impossible, et les usines appartenant à l'Etat n'ont aucun intérêt à la baisse des prix. Plus que cela, pour de nombreuses raisons, elles s'efforcent de fabriquer leurs produits en dépensant le plus possible de matières premières, de préférence les plus coûteuses avec le plus possible de déchets et en consommant le maximum de combustible. Il en résulte ce tableu: les usines d'objets manufacturés s'efforcent d'utiliser les plus grandes quantités possibles de matières premières et de matériaux les plus chers.

Les plans établis pour les entreprises sont exprimés non seulement en unités naturelles, mais également, pour ce qui est de la production globale et des produits mis en circulation, en prix de gros, qui sont improsés aux entreprises. Pour réaliser le programme aussi bien en unités naturelles qu'en valeur, il devient indispensable d'opérer non avec les prix moyens de la production planifée, mais avec les prix maxima. Cela permet alors d'affirmer que le plan a été réalisé pour tous les indices. Il en résulte un surplus d'instruments de grandes dimensions dans l'industrie, et une pénurie de petits instruments.

Quand on examine la production des objets de consommation courante, on retrouve le même tableau. Ainsi, les fabriques de confection refusent de confectionner des vêtements en tissus bon-marché, tels la rayonne ou le coton, et préfèrent la soie naturelle et la laine.

Il en résulte une surabondance de produits de luxe, accéssible à la seule élite, et une pénurie d'objets bon-marché mais de bonne qualité, demandés par la population. Les récits de tous les étrangers ayant visité l'URSS confirment ce fait.

Cette situation absurde est également le résultat d'un autre facteur. La banque d'Etat ne délivre aux entreprises la somme des salaires qu'après avoir établi le degré de réalisation du plan de production globale en prix de gros. Il arrive donc que les entreprises soient amenées à fabriquer des marchandises qui ne peuvent être écoulées sur le marché, afin de maintenir les rapports prévus par le plan entre le coût de la production globale, la somme des salaires et le nombre d'ouvriers prévu pour l'entreprise.

Cette façon de procéder, qui découle des lois et des réglements soviétiques, est en contradiction avec les intérêts économiques du peuple.

En définitive, il n'existe pas de catégories économiques, mais uniquement des catégories juridiques aussi bien dans l'industrie soviétique des moyens de production, que dans celle des produits de consommation.

Tout cela permet d'affirmer que le régime social et économique existant en URSS est en fait un régime basé sur le décret, étant donné qu'une fois soulevé le déguisement que les peuples soviétiques ont été forcés d'endosser, on ne découvre sous celui-ci aucun contenu „socialiste“.

Quant à l'exploitation de l'homme par l'homme, elle a été remplacée en URSS par l'exploitation de l'homme par l'Etat, ce qui a fait de l'homme un véritable esclave de l'Etat.

A. PARAMONOV

L'EXPLOITATION DES RICHESSES FORESTIERES DE L'URSS APRES LA GUERRE

La superficie totale des espaces boisés soviétiques est de 1067 à 1069 millions d'hectares, compte tenu de 39 à 41 millions d'hectares de bois kolkhoziens. En fait, 73% seulement de cette superficie peut être exploitée, étant donné que les 27% restants sont dévolus aux lacs, marécages, routes, etc., qui sont englobés par les forêts. Les différentes espèces occupent, en millions d'hectares, les superficies suivantes:

Mélèzes — 249, pins — 88, sapins -- 63, bouleaux — 51, trembles — 31, cèdres sibériens (Pinus sibirica) — 29, épicéas — 13, chênes — 4,6, hêtres — 1,7, érables — 1,7 et tilleuls — 1,5.

La majorité des surfaces boisées est constituée d'arbres arrivés à leur maturité et de vieux arbres, mais leur situation en rend l'exploitation malaisée, ce qui explique d'ailleurs qu'ils aient subsisté jusqu'à maintenant. Le total des reserves en bois est de 59 milliards de mètres cubes, dont 85% revient aux conifères. Chaque hectare boisé donne, en moyenne, de 1,1 à 1,3 mètres cubes de nouveaux arbres par an, ce qui constitue un total de 700 à 850 millions de mètres cubes pour l'ensemble de l'Union Soviétique. Chaque année il n'est pas abattu plus de 400 millions de mètres cubes de bois, mais cela d'une façon très irrégulière pour les différentes régions de l'URSS. Lorsque l'exploitation est rendue aisée par les conditions naturelles, les coupes dépassent de plusieurs dizaines de fois l'accroissement annuel des forêts en jeunes arbres. Par contre dans des conditions d'exploitation malaisée, les coupes sont inférieures à l'accroissement annuel. Il en résulte que dans ce dernier cas il pourrit chaque année près de 400 millions de mètres cubes de bois.

D'après leur caractère et l'importance des coupes, les espaces boisés soviétiques sont divisés en trois catégories:

1. Les espaces réservés aux recherches scientifiques, les bandes forestières protectrices, les régions boisées climatériques et les „ceintures vertes“ disposées autour de 1698 villes et

cités ouvrières. La superficie occupée par les bois de cette catégorie est de 27,7 millions d'hectares et constitue une réserve de bois de 3,3 milliards de mètres cubes.

2. Les bois de protection des cours d'eau déstinés à améliorer leur régime. La superficie de ces bois est de 85,4 millions d'hectares et ils constituent une réserve de 2,9 milliards de mètres cubes.

3. Les exploitations forestières, d'une superficie totale de 900 millions d'hectares et constituant une réserve de 52,5 milliards de mètres cubes de bois. Ces forêts sont disposées dans les régions sauvages du Nord et de la Sibérie.

Le plus de soins est apporté à l'exploitation des bois de la première et ensuite de la seconde catégorie. Quant à ceux de la troisième, leur exploitation est fréquemment qualifiée de ruineuse par la presse soviétique elle même. Il arrive souvent que dans les forêts de troisième catégorie seuls les meilleurs arbres soient abattus. De plus, le bois abattu n'est débardé que partiellement et chaque année il pourrit de ce fait près de 35 millions de mètres cubes de bois.

La superficie des trois catégories de bois et forêts varie fréquemment, étant donné qu'à mesure des coupes effectuées dans ceux de la troisième catégorie, certains d'entre eux passent dans la seconde ou la première catégories, c'est-à-dire que les lois de protection des forêts ne s'appliquent qu'après la perte par ces dernières de leur importance pour l'économie du pays.

Le gouvernement attache une grande importance à l'organisation des exploitations forestières et à la prospection de nouvelles bases de matières premières, utilisant pour cela les services de l'aviation. Les photographies aériennes sont devenues obligatoires pour l'organisation de toute nouvelle exploitation forestière.

Le plan colossal de création de bandes forestières de protection est réalisé avec succès pour ce qui est de la quantité, mais sa réalisation qualitative dans les régions soumises à la sécheresse, où ces bandes de protection sont essentiellement nécéssaires, risque de causer l'échec du projet. La majeure partie des plantations effectuées dans ces régions ont déjà péri. Dans d'autres cas le nombre d'arbres qui ont subsisté est tellement infime que les bandes boisées ne pourront pas remplir le rôle qui leur est dévolu. Les bandes insuffisamment boisées sont envahies par les herbes, ce qui rend impossible leur reboisement, même au prix des meilleurs soins.

En 1955, d'importantes coupes ont été ordonnées dans les bois des deux premières catégories se trouvant essentiellement dans les régions de l'URSS occupées par les Allemands au cours de la seconde guerre mondiale. Etant donné les lois de protection des forêts qui concernaient, en tout premier lieu, ces régions (où l'on procédait simultanément à la réalisation du plan de création des bandes forestières protectrices et à l'amélioration du régime des cours d'eau), ces dispositions parurent inattendues. Elles prévoient non la conservation des forêts, mais la coupe de près de 56% de l'ensemble des réserves de bois, considéré arbitrairement comme mûr. Il en découle que les coupes de bois dans ces régions seront éffectuées plusieurs dizaines d'années en avance. Le plan d'abattage est réalisé à des rythmes accélérés. La raison probable de ce changement subit de la politique de protection des forêts réside dans les résultats de la „déstalinisation". Les bagnards utilisés pour les coupes de bois dans la taïga sont pour la plupart soit morts, soit devenus inaptes au travail. De plus on commence à les libérer et il n'y a plus, actuellement en URSS, d'arrestations massives comme du vivant de Staline. Tout cela oblige à abattre le bois dans les régions où les coupes sont aisément réalisables.

Prof. A. PHILIPOV

L'OFFENSIVE DES DIALECTICIENS DANS LA PHILOSOPHIE SOVIÉTIQUE CONTEMPORAINE

Jusqu'en 1946, la logique formelle était considérée en URSS comme une théorie bourgeoise et réactionnaire, et était bannie des écoles soviétiques. C'était le règne de la „dialectique", ou „logique dialectique", qui enseignait que toutes les choses étaient continuellement en transformation, que chaque chose se transformait en son contraire. C'était là une justification de la révolution bolchévique en Russie et un argument pour la propagande communiste dans le monde libre en faveur de l'imminence de la révolution et de la destruction du „régime capitaliste".

En 1946, Staline ordonna subitement le rétablissement de l'enseignement de la logique formelle dans les écoles soviétiques et la reprise des études théoriques sur cette discipline dans les établissements scientifiques dans la crainte que le principe dialectique de la transformation permanente et de la destruction de tout ce qui appartient au passé ne devienne dangereux pour le régime communiste lui-même, ce dernier s'étant stabilisé en URSS et devant, de ce fait, suivant les lois de la dialectique, se modifier et disparaître. C'est alors que furent édités les manuels soviétiques de logique formelle, tels ceux d'Asmous et de Strogovitch. Ces manuels étaient sensiblement les mêmes, quant à leur contenu, que ceux qui avaient été édités en Russie avant la révolution. Sans doute les logiciens soviétiques cherchaient-ils, dans leurs ouvrages théoriques, de faire une distinction entre la logique soviétique et la logique „bourgeoise", mais ces tentatives ne témoignaient que de leur connaissance insuffisante de l'histoire de la logique et de son développement depuis les théories de Kant. Cependant, la dialectique n'avait pas été définitivement proscrite par Staline, et les dialecticiens n'attendaient qu'une occasion favorable pour déclencher une contre-offensive contre la logique formelle. Cette occasion leur fut fournie par la réaction jdanoviste après la fameuse discussion de 1947, au cours de laquelle, obéissant aux ordres de Staline, Jdanov exigea brutalement de la part de tous les savants soviétiques qu'ils se conforment au principe de l'esprit de Parti et qu'ils rompent définitivement avec la science occidentale. Tout récemment rétablie, la logique formelle fut subitement accusée d'idéalisme et de cosmopolitisme bourgeois, ce qui eut, entre autres, pour conséquence d'obliger le célèbre logicien marxiste Asmous de se livrer à une dégradante autocritique et de reconnaître qu'il avait isolé la logique de l'ensemble du marxisme-léninisme. Pourtant, en 1950, Staline porta un nouveau coup à la dialectique par ses ouvrages sur la linguistique. En excluant la langue de l'ensemble de la „superstructure", Staline fit espérer aux logiciens soviétiques que la logique serait, elle aussi, exclue de la superstructure politique du fait de ses rapports étroits avec la langue et, qu'en sa qualité de théorie universelle de raisonnement, dénuée de tout esprit de classe, il lui serait permis de se développer parallèlement au langage, suivant les lois qui lui sont propres.

Néanmoins, après la mort de Staline, les dialecticiens soviétiques déclenchèrent, en 1953, une nouvelle et violente offensive contre la logique formelle. Ces attaques étaient d'ailleurs également dirigées contre le dictateur disparu. Cette offensive atteignit son apogée après le XX-e Congrès et la suppression du culte de Staline. Ce faisant, au culte de Staline, qui avait porté atteinte aux droits de la dialectique, fut opposé le culte de Lénine, qui, lui, ne reconnaissait même pas à la logique formelle le droit de citer en tant que science. Sans doute aujourd'hui encore la logique formelle n'est-elle pas entièrement rejetée. Mais c'est justement cette reconnaissance simultanée de la dialectique et de la logique formelle qui constitue le point vulnérable de la philosophie soviétique contemporaine, étant donné que les principes de la logique formelle, définitivement établis par Kant, et ceux de la dialectique, élaborés par Marx et Lénine, sont absolument incompatibles. La crise, provoquée par cette contradiction dans la philosophie soviétique, se manifeste naturellement dans quatre articles, parus dans le deuxième numéro de la revue „Les problèmes de la philosophie" de l'année 1956.

Dans l'un de ces articles, M. Alexéiev s'efforce de définir „la nature dialectique du raisonnement“ à l'aide de citations d'Engels et de Lénine. Mais ces deux sommités marxistes avaient des connaissances insuffisantes en logique et voyaient dans la liaison „est“ une identification du sujet avec le prédicat, alors qu'elle ne fait qu'exprimer tel ou tel autre rapport existant entre les différents termes du raisonnement logique. De ce fait, là ou, à la suite d'Engels et de Lénine, Alexéiev décèle dans un jugement l'existence simultanée d'une identification et d'une distinction entre le sujet et le prédicat, il y a, en fait, soit rapprochement entre sujet et prédicat, soit inclusion du prédicat dans le sujet, soit identification entre les deux termes, ce qui exclue toute „nature dialectique du raisonnement“. Alexséiev ne se contente pas des jugements „élémentaires“ et cite, également, un certain nombre de jugements „dialectiques“, contenant, d'après lui, une contradiction interne, tel celui-ci: „Un corps en mouvement se trouve en un point et ne se trouve pas en ce point“. A ce propos, Alexéiev affirme:

> „La contradiction dialectique qui est à l'origine du mouvement réside dans l'existence objective, indépendante de notre raisonnement, de deux aspects opposés d'un même objet, aspects qui se conditionnent et s'excluent simultanément, et cela dans une égale mesure“.

Cependant, du point de vue de la logique, il n'y a aucune contradiction dans le mouvement. Cette contradiction n'existerait que dans le cas où le mouvement serait considéré comme une succession de moments d'immobilité, ce qui n'a pas lieu en fait, puisque le mouvement est constitué de parties infiniment petites de mouvement ayant lieu dans des parcelles de temps infiniment petites et des espaces infiniment petits, de telle façon qu'il y a simplement une intégration, dont résulte un mouvement donné.

C'est sans plus de succès qu'un autre auteur soviétique, V. Tcherkessov, s'efforce d'établir une définition dialectique du concept. Dans ses attaques contre le concept en logique formelle, Tcherkessov affirme à tort que ce concept n'est constitué que de généralisation, au détriment de toute particularité et individualité, et qu'il est uniquement statique, donc incapable de contenir tout élément de mouvement et de transformation. En réalité, les concepts de logique formelle sont extrèmement souples et étendus, et ils expriment parfaitement tout mouvement et toute transformation. La preuve en est donnée par l'existence, déjà ancienne, d'une science telle que la mécanique ainsi que par le fait que les notions de mouvement que possédaient Galilée ou Newton n'étaient en rien inférieures à celles de Lénine. A la suite de Lénine, Tcherkessov exige que les concepts expriment toutes les propriétés des choses“, mais cela est d'une part absolument impossible et d'autre part inutile, étant donné que le concept est justement destiné à dépasser l'infinie multiplicité des propriétés d'une chose, pour n'en retenir que les aspects essentiels, en rejetant l'accidentel, sur lequel insiste justement Lénine dans son interprétation logiquement mal fondée de la notion de „verre“.

L'éditorial du numéro susindiqué de la revue „Les problèmes de la philosophie“ est consacré à la critique des conceptions de certains logiciens soviétiques, tout en établissant une théorie dialectique du concept et de l'unité des contraires. La rédaction de la revue estime que la logique dialectique traite et étudie le concept

> „en tant qu'étape du développement historique de la connaissance. Aussi, les concepts les plus généraux sont-ils non pas inférieurs, mais plus riches que les concepts plus particuliers, car les premiers sont un condensé de connaissances scientifiques supérieures et expriment le plus haut degré des acquisitions pratiques faites par l'homme“.

Cette formule n'exprime, en fait, que la théorie commune du concept et c'est artificiellement qu'elle est opposée à l'énoncé de la loi de relation inverse entre l'étendu et le contenu du concept en logique formelle. Les dialecticiens ne tiennent pas compte du sens que la logique formelle donne au contenu du concept. Les auteurs de l'éditorial affirment que la particularité essentielle de la dialectique réside dans le fait qu'elle reconnait les oppositions internes des choses, oppositions que ces auteurs ne distinguent d'ailleurs pas des „contraires“ contenus par les choses. Ce faisant ils font une grossière confusion de termes, étant donné qu'un opposé (l'éléphant et la chauve souris) ne constitue pas encore un contraire (l'éléphant et le non-éléphant).

Le quatrième article, dû à E. Sitkovski, est consacré à la théorie de Lénine d'après laquelle le matérialisme dialectique est la synthèse de trois sciences: la logique, la dialectique et la théorie de la connaissance. L'auteur de l'article oppose cette théorie à la méthodologie „bourgeoise". Or, la synthèse de ces trois disciplines est fréquemment opérée par la philosophie „bourgeoise", ou plus exactement la philosophie libre, de même que cette dernière réalise quelquefois la synthèse de la logique et d'autres disciplines ou courants. Mais la différence entre les logiciens „bourgeois" et soviétiques réside en ce que les premiers réalisent leurs synthèses en toute liberté, sur la base de rapprochements qui leur paraissent convaincants, alors que les logiciens soviétiques sont tenus d'observer les indications de Lénine et ne peuvent s'en éloigner d'un pas. Or, l'influence de Lénine est néfaste à la logique soviétique, car la pensée philosophique de Lénine était grossière, bornée et contradictoire.

Les logiciens soviétiques, courbés sous le poids d'un système dogmatique, sont les premières victimes de cet état de choses. Il leur arrive d'exprimer prudemment et partiellement leurs conceptions scientifiques. C'est ce qui se produit de temps à autre lors des discussions ayant trait aux manuels de matérialisme dialectique. Les auteurs de ces manuels ne sont pas les classiques du marxisme-leninisme, aussi est il possible de les critiquer assez librement, à condition, toutefois, que cette critique ne soit pas interprétée par les dirigeants du Parti comme une critique du marxisme-léninisme dans son ensemble. Dans ces cas, les meilleurs logiciens soviétiques dénoncent les énormes défauts des manuels, leur niveau scientifique extrèmement bas, l'inertie de pensée dont ils font preuve, l'amas de citations des classiques du marxisme-léninisme, les contradictions internes, etc.

La situation de la philosophie dans les pays satellites est aussi précaire, surtout lorsqu'il s'agit de pays où, avant l'occupation soviétique, la pensée philosophique avait connu un grand essor. Les penseurs d'Allemagne Orientale, de Tchécoslovaquie et de Pologne sont douloureusement affectés par le caractère primitif et par la grossierté de l'idéologie soviétique, ainsi que par la perte de la liberté de pensée dont ils joussaient récemment encore. Un témoignage convainquant en est offert par les opinions émises, très prudemment il est vrai, par les savants tchèques et polonais au sujet des récents ouvrages soviétiques sur le matérialisme dialectique et la logique.

N. KULIKOVICH

DOSTOIEVSKI SUR LES SCENES SOVIÉTIQUES D'AUJOURD'HUI

L'apparition de Dostoievski sur les scènes des théâtres soviétiques d'aujourd'hui est un fait digne d'attention, si l'on prend en considération la contradiction qui oppose les conceptions du grand écrivain russe à la doctrine communiste.

En dépit du fait que Dostoievski n'a jamais été un dramaturge, son oeuvre a depuis longtemps capté l'attention des metteurs en scène du théâtre. Bien avant la révolution, les adaptations des „Possédés" et des „Frères Karamazoff" sur la scène du Théâtre d'Art de Moscou remportèrent un grand succès auprès du public et furent des évènements d'une grande importance dans la vie théâtrale russe.

Après l'instauration du régime soviétique, ces spectacles furent soumis à une critique impitoyable, poursuivis et rayés du répertoire. La tentative de reprendre la représentation des „Frères Karamazoff", faite par le Théâtre d'Art de Moscou en 1929, provoqua une réaction violente de la part de la direction du Parti et le spectacle fut interdit.

Il semble que la situation s'est totalement modifiée actuellement. Au cours de la saison théâtrale de 1955—56, douze théâtres soviétiques ont présentés des spectacles Dostoievski,

et ces spectacles donnent une idée à peu près complète de l'oeuvre de l'écrivain, à l'exclusion des „Possédés".

Les „progressistes" occidentaux sont tentés de voir dans ce fait une nouvelle preuve de l'évolution du régime soviétique. Cependant, une analyse attentive nous amène à des conclusions contraires. Il faut, tout d'abord, tenir compte de ce que le retour à Dostoievski a été opéré par la direction collégiale au moment des modifications tactiques (et non pas de modifications de principe) de l'orientation politique, et, en second lieu, de la nécéssité, pour les dirigeants communistes, de s'assurer un climat favorable dans l'opinion publique, tant dans le pays qu'à l'étranger. La meilleure preuve du succès remporté dans ce dernier domaine nous est donnée par les affirmations des „progressistes".

Ce qu'il y a de plus important dans ce retour à Dostoievski, c'est l'utilisation de l'oeuvre de l'écrivain aux fins du Parti. Il est hors de doute que de nombreux intellectuels soviétiques portent une admiration sincère au génie du grand connaisseur de l'âme humaine, mais pour ce qui est du pouvoir soviétique lui-même, il est loin de partager cette sincère admiration, dans la mesure où il ne peut abandonner le principe de l'esprit de Parti dans l'Art.

La direction collégiale du Parti a eu besoin de Dostoievski pour des raisons purement utilitaires. La condamnation du culte de la personnalité et l'échec de toutes les tentatives faites pour créer sur la scène une incarnation valable du héros positif, les ont obligés de miser sur les „simples gens", les ont poussés à étudier la psychologie de ces derniers, à chercher leurs traits positifs et à examiner le problème de leur transformation en héros.

Le retour aux sujets et aux idées de Dostoievski a été accueilli avec une grande émotion par les artistes et les spectateurs soviétiques. Mais le pouvoir soviétique a essayé d'utiliser ce phénomène à ses fins propres, cherchant à substituer au droit de l'homme au bonheur (chez Dostoievski) — le bonheur de l'homme socialiste, à l'amour envers le prochain — l'amitié entre les peuples soviétiques, à l'incorruptibilité — l'honnêteté communiste, à l'esprit de sacrifice — le patriotisme soviétique, etc. Simultanément à cela, la critique soviétique se plait à souligner et à mettre en évidence tout ce qui, dans l'oeuvre de Dostoievski, peut être utilisé pour fustigier et discréditer le passé de la Russie. Il est probable que le spectateur soviétique ne sera pas en mesure de voir sur scène le véritable Dostoievski, à la place duquel on lui présente un auteur préparé à la sauce soviétique. Cette transformation de Dostoievski est obtenu au moyen de la commande socialiste présentée au metteur en scène et au régisseur, ainsi qu'à l'aide du contrôle des scpectacles montés par les théâtres.

Possédant des moyens illimités de falsification, la direction du Parti n'éprouve aucune crainte envers le caractère réactionnaire de l'écrivain, ni de sa propagande religieuse. Tout cela est exclu, ou bien orienté vers d'autres objectifs.

Quelles que soient la réhabilitation et la transformation de l'oeuvre de Dostoievski, l'idéologie de son auteur a toujours été et reste toujours essentiellement hostile au communisme, qui continue de lutter avec acharnement contre elle. Aussi, la réhabilitation de Dostoievski ne peut-elle s'expliquer que par des considérations de propagande.

Prof. A. KOTSEVALOV

LA CRISE DES ETUDES DE L'ANTIQUITE EN UNION SOVIÉTIQUE

Lorsque les Bolchéviks sont venus au pouvoir, ils ont supprimé les chaires de philologie classique en Union Soviétique. Cependant, à partir de 1932 ces chaires furent peu à peu réinstituées dans les universités, et à partir de 1949 l'enseignement du latin fut repris dans certaines écoles secondaires.

Les affirmations officielles concernant l'essor des études de l'Antiquité en URSS ne correspondent pas à la réalité. Le retour à l'enseignement du grec et du latin n'a souvent qu'un caractère purement démonstratif. Cet enseignement reste peu sérieux. Il en résulte que les étudiants, et même la majorité des travailleurs scientifiques, se servent généralement de traductions et non des textes originaux des auteurs de l'antiquité, sans vérifier l'exactitude de ces traductions.

Le champ d'action des philologues classiques en URSS est assez limité. En effet, les Bolchéviks considèrent qu'ils ne doivent, en fait, avoir pour tâche que la rédaction des manuels élémentaires de latin et de grec, ainsi que l'organisation de l'enseignement de ces langues dans les établissements d'enseignement secondaire et supérieur (voir le „Courrier de l'Histoire Ancienne", 1947, 2,). Le problème de la reconstitution et de l'étude des textes anciens n'intéresse pas les Bolchéviks.

Pour se rendre compte de la régression de la philologie classique en URSS il suffit de se rapporter aux ouvrages édités en Union Soviétique au cours de ces dernières années. On constate, ainsi, que dans la seconde édition des „Renseignements des écrivains de l'antiquité sur le Royaume Scythe et le Caucase" (Scythica et Caucasica, 1947—1952), seules ont été inclues les traductions des textes, alors que les textes eux-mêmes, c'est-à-dire l'essentiel, ont été exclus. D'autre part, l'édition du troisième tome des „Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini", préparée des années vingt par E. Pridik et qui devait rassembler la totalité des inscriptions sur céramique du littoral de la Mer Noire, a été remplacée par celle, assez mediocre, de l'ouvrage de I. Tolstoï, „Les graphitis à l'Ermitage", ne contenant qu'une faible partie de ces inscriptions.

La situation de l'Histoire Ancienne n'est pas supérieure à celle de la philologie classique. M. Pokrovski estimait qu'il était inutile d'entreprendre de nouvelles études historiques, étant donné que tout avait déjà été étudié par Marx et Engels. Aussi, les historiens de l'école de Pokrovski remplacèrent-ils l'étude concrète par les digressions sociologiques. Cette tendance ne fut condamnée par Staline qu'en 1938. Cependant, aujourd'hui encore l'activité des historiens qui étudient l'Antiquité reste entravée par les exigences du Parti. Ils sont liés par la doctrine du matérialisme historique sur la succession des formations sociales et doivent centrer leurs études sur les rapports entre les esclaves et leurs maîtres. Or, le bien fondé de la théorie marxiste selon laquelle l'économie antique était uniquement basée sur l'esclavagisme, à l'exclusion de toute existence simultanée de ce dernier avec le féodalisme, reste sujet à caution. La plus funeste des influences exercée sur l'Histoire Ancienne en Union Soviétique a été celle de la campagne déclenchée au cours de ces dernières années contre „la servilité envers l'Occident", celle-ci ayant absolument isolé la science soviétique de la science étrangère.

L'archéologie a été, elle aussi, placée sous la coupe des Bolchéviks. Ces derniers exigent des archéologues que leurs travaux ne se bornent pas à la description des faits, mais comportent également des déductions, que les savants soviétiques démontrent le caractère erroné des conceptions des chercheurs occidentaux contemporains, etc. Tout cela ne peut manquer de freiner l'activité des archéologues soviétiques.

Prof. A. SHMEEMAN

L'ENSEIGNEMENT THEOLOGIQUE EN URSS (1943—1955)

Le 14 juillet 1943 a eu lieu à Moscou, dans l'enceinte du couvent Novodiévitchiï, l'inauguration de l'Institut Théologique Orthodoxe et des Cours de théologie destinés aux prêtres. En 1955 il y avait déjà deux Académies de théologie et 8 séminaires en URSS. Ces établissements groupaient 1500 étudiants. Le présent ouvrage se pose pour objectif de répondre aux questions suivantes : comment s'est constitué ce système d'établissement d'enseignement théologique, quels sont les liens qui les rattachent au passé, et quelles sont leurs conditions d'existence en régime de dictature totalitaire.

Avant la révolution, un candidat prêtre devait avoir l'instruction suivante: quatre classes de petit séminaire et six classes de séminaire. N'étaient admis à l'Académie que les élèves sortis premiers des séminaires, après un concours d'entrée. Ce système garantissait une excellente sélection. Il fut détruit après la révolution, en même temps que l'ensemble de cet enseignement. Le décret du 6 septembre 1918 ordonna la fermeture des établissements d'enseignement théologique, ainsi que la confiscation de leurs locaux et de leurs biens. Pendant 25 ans l'Eglise Russe fut privée de ses écoles. Au début de la seconde guerre mondiale, le nombre de prêtres avait beaucoup diminué, non seulement du fait des persécutions, mais également par suite de l'impossibilité où se trouvait l'Eglise de former de nouveaux cadres. Lorsque la guerre provoqua un changement d'attitude de la part des dirigeants soviétiques envers l'Eglise, en 1940—41, la question de la réouverture des établissements d'enseignement théologique se posa à nouveau. L'article de l'archevêque Grégoire, paru dans le numéro 3 du *Journal du Patriarcat Moscovite*, de nouveau réédité, définit le programme des deux écoles qui étaient en train de renaître alors. L'auteur de l'article fut probablement l'initiateur et le principal organisateur de ces écoles. Le plan de l'archevêque Grégoire, ratifié par le synode, prévoyait l'institution à Moscou de l'Institut Théologique Orthodoxe, établissement d'enseignement supérieur, d'une durée d'études de trois ans, et celle de cours de théologie déstinés aux prêtres, dans les différents diocèses. Ces derniers devaient constituer des écoles secondaires de théologie, d'une durée d'études de deux ans.

Les premières années de fonctionnement de l'Institut révélèrent que la réalisation intégrale du plan de l'archevêque Grégoire était impossible, du fait du manque de préparation spirituelle, intellectuelle et, dans une certaine mesure, morale des étudiants. Les dirigeants de l'école se trouvèrent placés devant l'alternative suivante: abaisser le niveau de l'Institut, ou bien s'efforcer de sauvegarder l'essentiel du projet initial. Il fut decidé de choisir la seconde solution. De sévères examens d'entrée et de passage furent institués. Un cours préparatoire d'un an fut adjoint à l'Institut et la durée d'études portée de trois à quatre ans. Une attention particulière fut apportée à l'amélioration des connaissances du culte au moyen de la participation des étudiants à la célébration des offices.

La seconde année d'existence de l'Institut fut donc une année transitoire. Le Patriarcat pensa alors à revenir au système d'avant la révolution, c'est-à-dire aux séminaires et académies théologiques avec une durée d'étude de quatre ans chacun. En vertu de la résolution du Patriarche Alexis, datée du 26 août 1946, l'Institut Théologique de Moscou fut rebaptisé en Académie de Théologie de Moscou, tandis que les Cours de théologie destinés aux prêtres furent transformés en un Séminaire de Moscou. Cent quarante sept élèves furent admis au séminaire et vingt quatre à l'Académie. Le corps enseignant était composé de 4 licenciés en théologie, de sept postulants en théologie, de huit postulants en sciences profanes et d'un postulant spécial.

Les écoles de Moscou furent inaugurées le 26 septembre, et le 8 octobre des écoles similaires furent ouvertes à Léningrad. Le séminaire de Léningrad comprenait deux classes: la première, groupant 26 élèves et la troisième, avec 30 élèves, tandis que l'Académie ne comportait qu'une première classe de 26 étudiants. Le personnel enseignant était constitué de 3 professeurs, 5 chargés de cours et de deux enseignants.

Le rétablissement de l'enseignement théologique se heurta à de grosses difficultés du fait du manque de personnel enseignant qualifié. Seul un groupe restreint de profeffeurs fut en mesure de former le corps enseignant initial et assura le maintien des anciennes traditions.

Le 21 janvier 1947, une „Commission d'attestation", composée de 5 licenciés en théologie de formation ancienne et placée sous la présidence du Métropolite Nicolas de Kroutitza, fut fondée auprès de l'Académie de Théologie de Moscou. Cette commission devait attribuer les nouveaux grades scientifiques et choisir les nouveaux professeurs et chargés de cours. En 1947—48, l'Académie de Théologie de Moscou comptait 19 enseignants. En 1954 ce chiffre était passé à 24. A Léningrad le nombre des enseignants était passé de 10 à 13.

Les renseignements sur le fonctionnement des établissements d'enseignement théologique, donnés par le *Journal du Patriarcat Moscovite*, deviennent chaque année moins nombreux et plus brefs, aussi bien en ce qui concerne les chiffres que les nouvelles concernant la vie de l'Académie. Le premier phénomène qui se jette aux yeux est l'instabilité du personnel administratif de l'Académie. Au cours des dix premières années de son existence, qui viennent de s'écouler, 5 recteurs se sont succédés à l'Académie de Moscou et 3 à celle de Léningrad. Le changement des inspecteurs de l'Académie a été aussi fréquent que celui des recteurs. En 1948—49, le „pavillon des recteurs" du monastère de la Trinité-St. Serge fut mis à la disposition de l'Académie de Theologie et des Séminaires de Moscou, qui quittèrent le couvent Novodiévitchiï pour s'y installer. En 1950—51 fut inauguré le Musée Archéologique de l'Eglise auprès de l'Académie de Théologie de Moscou. Au sujet de 1953—54, le *Journal du Patriarcat Moscovite* se contente de noter que cette année a été marquée par une grande affluence d'étudiants et par une meilleure préparation de ces derniers, sans mentionner de données précises.

G. Vedernikov, un des membres du corps enseignant de l'Académie, postulant en lettres, a indiqué que „les anciennes écoles théologiques se sont par trop adonnées au travail d'enseignement scientifique, au détriment de la formation pastorale". Les rappels concernant la nécéssité de former des vocations pastorales, considérée comme une tâche essentielle, sont le leit-motif de tous les documens que nous avons à notre disposition. La forme d'organisation elle-même de l'Académie souligne cette aspiration au renforcement de l'esprit ecclésiastique, et, en tout premier lieu de la piété liturgique. Des services sont célébrés quotidiennement dans les églises de l'Académie, et un intérêt particulier se manifeste, aussi bien dans la vie de l'Académie que dans l'enseignement, envers la tradition liturgique de l'Eglise, les ordonnances ecclésiastiques et les canons du chant liturgique, etc.

L'unique source d'informations concernant l'activité théologique des écoles est fournie par les articles des professeurs et enseignants, parus dans le *Journal du Patriarcat Moscovite*. Cette source d'informations est évidemment insuffisante, mais elle permet tout au moins de se brosser un tableau d'ensemble de la situation dans ce domaine.

Les documents théologiques du journal sont répartis suivant les thèmes essentiels de la théologie et il est intéressant de noter le rapport quantitatif existant entre ces derniers. La première place est occupée par les articles, consacrés aux offices religieux. La seconde revient aux articles sur l'Histoire de l'Eglise russe. Ce sont des essais sur les saints russes ou les promoteurs de l'Eglise russe, ou bien des articles consacrés à différents jubilés. La troisième place appartient aux articles consacrés à Rome et au catholicisme. Viennent ensuite les articles consacrés au dogme et à la morale théologique. Ces derniers sont beaucoup moins nombreux que ceux des trois premières catégories.

Dans la classification généralement admise des sciences théologiques, le plus d'importance est dévolu à l'exégèse ou étude des écritures. Cependant, cette rubrique est plus faible que les autres dans le *Journal du Patriarcat Moscovite*. L'exégèse est suivie par la dogmatique. Les articles consacrés à ce problème sont également peu nombreux et ne reflètent pas une quelconque tendance générale. La rubrique liturgique est la mieux représentée dans le Journal et de nombreux articles sont consacrés à la célébration des offices religieux. De nombreux articles sont consacrés au passé de l'Eglise russe. Ils sont toujours laudatifs et soulignent le caractère patriotique et national de l'activité des personnages décrits. Il y a également dans le Journal des articles dont le rôle est

purement instructif. Dans les deux cas on note une attitude non pas critique, mais, en quelque sorte iconographique, envers le passé de l'Eglise russe. Quelques articles sont consacrés aux différentes formes d'Art sacré. En dehors de l'Eglise russe, c'est aux autres églises slaves que le Journal consacre le plus de place.

Le deuxième groupe d'articles est consacré à l'Eglise romaine et à sa mise en accusation. Là le ton des articles change subitement et porte l'empreinte de la propagande officielle. En dépit des arguments scientifiques contenus dans certains de ces articles, on y sent nettement la pression exercée par le régime bolchévik.

Il est hors de doute que durant les années de 1946 à 1948, les initiateurs de la réouverture des établissements d'enseignement théologique se sont éxprimés plus ouvertement et plus librement que dans les années qui ont suivi. Il est probable que l'enseignement théologique, ainsi que l'ensemble de l'Eglise vit dans un état de grand isolement, que certains considèrent comme plus dangereux pour elle que les persécutions elles-mêmes. Cependant, même pour pouvoir continuer d'exister dans cet état d'isolement, l'Eglise est encore obligée de payer au pouvoir communiste un terrible et déshonorant tribut. L'enseignement théologique est obligé, lui aussi, de payer ce tribut.

Communications et matériaux

S. KIRSANOV

L'APPROVISIONNEMENT DE L'ECONOMIE SOVIÉTIQUE EN METAUX DURANT LA PERIODE DE 1918 À 1938

Le niveau de la production de métaux de 1913 a été, en fait, atteint non en 1927, année considerée comme celle de la fin de la période de reconstruction en URSS, mais seulement au milieu de 1930.

La quantité globale de métaux qui n'avaient pas été fournis, comme ils auraient dû normalement l'être, à l'économie nationale, durant les années de destruction résultant de la guerre civile et pendant celle de la reconstruction, c'est-à-dire de 1918 à 1930, a été de près de 30,4 millions de tonnes.

Ce déficit n'a été couvert par l'accroissement de la production de métaux, par rapport au niveau de 1913, qu'en 1937.

Durant toute la période de reconstruction de l'économie nationale, ainsi que celle des deux premiers quinquennats, le niveau des livraisons de métaux à l'économie nationale ne dépassa pas celui de 1913. La création et le développement d'un certain nombre de nouvelles branches industrielles, grandes consommatrices de métaux, fut assurée au détriment des autres branches de l'économie nationale, provoquant une pénurie aigue de métaux et entraînant le déséquilibre dans le développement de celle-ci, illustré, entre autres, par le marasme dans le domaine des constructions de voies ferrées.

Les particularités inhérentes à l'économie communiste, entièrement nationalisée, en particulier l'important volume de la production d'armements, de même que l'importance des déchets dans la production, ont encore aggravé et prolongé la pénurie en métaux, qui subsista jusqu'au début de la seconde guerre mondiale.

Сведения об авторах, работы которых вошли в № 1 (22) Вестника Института

Кованьковский, Петр Леонидович. Родился в 1876 г., окончил в 1899 г. юридический факультет Киевского университета. Профессор Киевского университета (с 1914 г.), доктор финансового права (1919 г.). В эмиграции — член Украинской свободной Академии наук с 1948 г., член Института по изучению СССР с 1954 г.

Парамонов, Алексей Яковлевич. Лесной инженер, доцент, автор 26 печатных научных работ в изданиях Академии наук УССР и др. Имеет также работы по древней истории Восточной Европы.

Филипов, Александр Павлович. Родился в 1891 г., окончил Харьковский университет по юридическому и физико-математическому факультетам, старший научный сотрудник Академии наук УССР, профессор философии Харьковского университета, профессор социологии в Карловом университете в Праге (в 1944—1945 гг.), один из основателей Института (1950 г.) и его член. В США — член Американской ассоциации философов. Автор более 30 больших статей и книг по философии на различных языках.

Куликович, Николай Николаевич. Профессор музыки, композитор-теоретик. Родился в 1897 г., окончил Московскую музыкально-хоровую Академию. Автор ряда крупных музыкальных произведений, в том числе нескольких опер.

Коцевалов, Андрей Степанович. Родился в 1892 г., окончил Харьковский университет в 1917 г., профессор классической филологии Харьковского университета в 1937—1941 гг., доктор филологических наук (1940 г.). В эмиграции — профессор греческой филологии Украинского свободного университета в Мюнхене, член Украинской свободной Академии наук. Автор многих работ по древней истории, греческой эпиграфике и классической филологии.

Шмеман, Александр Дмитриевич. Родился в 1921 г., окончил Православный Богословский институт в 1945 г., с 1951 г. — профессор церковной истории и литургики в Св. Владимирской духовной академии в Нью-Йорке. С 1946 г. священник, ныне протоиерей. Автор ряда работ по богословию и церковной истории.

Крушель (Кирсанов), Сергей Евгеньевич. Родился в 1905 г., окончил Харьковский Технологический институт в 1927 г., инженер-энергетик, специалист по проектированию строительства и методике расчетов энергоснабжения и силовых станций.

Марченко Василий Павлович. Бывший старший научный сотрудник Украинской Академии наук в Киеве, автор ряда статей и работ о населении СССР и советской экономике. В зарубежье продолжает заниматься научной работой и преподаванием экономики. Один из основателей Института по изучению СССР в 1950 г. Член Института.

Голубничий, Всеволод Сергеевич. Родился в Харькове. Экономист, B. S. & M. A., Cand. PhD. в Колумбийском университете США. Окончил также Русский институт Колумбийского университета. Член научного общества American Economic Association.

Шпилевой, Прокофий Яковлевич. Родился в 1909 г., окончил Донской Политехнический институт в 1932 г., был научным сотрудником нескольких научно-исследовательских институтов химической технологии, имеет 14 опубликованных научных работ, в эмиграции работает в области химической промышленности.

Поплюйко, Анатолий Иванович. (Он же — А. Н., А. Натов). Инженер-металлург, доцент, журналист. Заведывал кафедрой экономики и организации производства в Украинской промышленной Академии, состоял редактором журнала «Новости науки и техники» (Москва), основатель и секретарь журнала «Достижения металлургических заводов».

От редакции Вестника Института

Редакция выражает свое искреннее сожаление по поводу того, что в № 4 (21) Вестника Института, стр. 118, в разделе «Из жизни Института», в списке избранных членов Ученого Совета пропущено по ошибке имя члена Ученого Совета проф. А. Т. Вакуленко. Проф. А. Т. Вакуленко является председателем Стипендиальной коллегии Ученого Совета, членом Исследовательской коллегии, Плановой комиссии, Комиссии по подготовке и проведению Научной конференции Института и одним из рецензентов материалов, поступающих для различных изданий Института.

ИСПРАВЛЕНИЯ

к № 4(21) Вестника Института (октябрь—декабрь 1956 г.)

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
97	5 сн.	1951	1954
98	правый столбец 19 и 20 снизу	Каменец-Подольский	Камень-Каширский

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ХРОНИКА

РЕЗЮМЕ

CONTENTS

ARTICLES

NOTES

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

CHRONICLE

SUMMARIES

INHALTSVERZEICHNIS

ARTIKEL

MITTEILUNGEN UND TATSACHENMATERIAL

KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE

CHRONIK

ZUSAMMENFASSUNGEN

*

TABLE DES MATIERES

ARTICLES

COMMUNICATIONS ET MATERIAUX

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

CHRONIQUE

RESUMES DES ARTICLES

Издания Института по изучению СССР

I. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Вестник Института:

№ 1-й . . . . 1951 г.
№№ 2-й и 3-й . . . . 1952 г.
№№ 4-й, 5-й, 6-й и 7-й . . . . 1953 г.
№№ 1(8)-й, 2(9)-й, 3(10)-й, 4(11)-й, 5(12)-й и 6(13)-й . . . 1954 г.
№№ 1(14)-й, 2(15)-й, 3(16)-й и 4(17)-й . . . . 1955 г.
№№ 1(18)-й, 2(19)-й, 3(20)-й и 4(21)-й . . . . 1956 г.
№ 1(22)-й . . . . 1957 г.

Бюллетень Института:

Пробный выпуск (март), №№ 1—5 (апрель—август) . . 1954 г.

Bulletin of the Institute:

Пробный выпуск (март), №№ 1—9 (апрель—декабрь) . . 1954 г.
№№ 1—12 (январь—декабрь) . . . . 1955 г.
№№ 1—12 (январь—декабрь) . . . . 1956 г.
№ 1 (январь) и № 2 (февраль) . . . . 1957 г.

Беларускі зборнік:

Книга 1-я . . . . 1954 г.
Книга 2-я и 3-я . . . . 1955 г.
Книга 4-я и 5-я . . . . 1956 г.

Belorussian Review:

№ 1 . . . . 1955 г.
№№ 2 и 3 . . . . 1956 г.

Український збірник:

Книга 1-я . . . . 1954 г.
Книга 2-я, 3-я и 4-я . . . . 1955 г.
Книга 5-я, 6-я и 7-я . . . . 1956 г.
Книга 8-я . . . . 1957 г.

Ukrainian Review:

№ 1 . . . . 1955 г.
№№ 2 и 3 . . . . 1956 г.

Dergi (Турецкий сборник):

Книга 1-я, 2-я и 3-я . . . . 1955 г.
Книга 4-я, 5-я, 6-я и 7-я . . . . 1956 г.

Caucasian Review:

№ 1 . . . . 1955 г.
№№ 2 и 3 . . . . 1956 г.

Sowjetstudien:

№ 1 . . . . 1956 г.
№ 2 . . . . 1957 г

II. МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ ИНСТИТУТА

1. **Материалы Конференции** научных работников (эмигрантов), состоявшейся в Мюнхене 11—14 января 1951 г.:

   Выпуск I (Заседание первое): «Свобода и творчество в области советской науки и философии». Доклады и дискуссии (79 стр.), Мюнхен, 1951 г.

   Выпуск II (Заседание третье): «Советская система управления массами и ее психологические последствия». Доклады и дискуссии (79 стр.), Мюнхен, 1951 г.

   Выпуск III (Заседание четвертое): «Положение исторической науки в СССР». Доклады и дискуссии (94 стр.), Мюнхен, 1951 г.

   Выпуск V. Секция экономики. Доклады и дискуссии (108 стр.), Мюнхен, 1951 г.

   Выпуск VI. Секция искусства и культуры. Доклады и дискуссии (81 стр.), Мюнхен, 1951 г.

2. **Материалы Конференции Института,** состоявшейся в Нью-Йорке 20—22 марта 1953 г.: «Итоги XIX съезда КПСС и смерть И. Сталина». Доклады и дискуссии (227 стр.), Мюнхен, 1953 г.
3. **То же** на английском языке: «The Results of the Nineteenth Congress of the Communist Party of the USSR and the Death of Stalin». Proceedings of the Conference of the Institute, New York, March 20—22, 1953 (139 pp.), New York, 1953.
4. **Труды Конференции Института,** состоявшейся 15—17 августа 1953 г. в Мюнхене: «СССР сегодня и завтра». Доклады и дискуссии (214 стр.), Мюнхен, 1953 г.
5. **То же** на английском языке: «The USSR Today and Tomorrow» Proceedings of the Conference of the Institute, Munich, August 15—17, 1953 (205 pp.), Munich, 1953.
6. **Academic Freedom Under the Soviet Régime.** Conference at Carnegie Endowment for International Peace Building, United Nations Plaza, New York, April 3—4, 1954 (120 pp.), New York, 1954.
7. **Материалы IV Конференции Института,** состоявшейся в Тутцинге (близ Мюнхена) 5—7 июля 1954 г.: Выпуск I (1—3 заседания) и Выпуск II (4—6 заседания): «Современное положение и перспективы в развитии политического, экономического и национального вопросов в СССР». Доклады и дискуссии (286 стр.), Мюнхен, 1954 г.
8. **Материалы V Конференции Института,** состоявшейся в Мюнхене 25—27 апреля 1955 г.: «О результатах советской политики «крутого подъема» и причинах отказа от нее». Доклады и дискуссии (301 стр., большое количество схем и таблиц), Мюнхен, 1955 г.
9. **То же** на немецком языке: «Die Sowjetische Wirtschaftspolitik des „Steilen Aufstiegs" und deren Fiasko». Ergebnisse der Fünften Wissenschaftlichen Konferenz des Instituts zur Erforschung der UdSSR vom 25. bis 27. April 1955, München (181 S.), München, 1955.
10. **Материалы VI Конференции Института,** состоявшейся в Мюнхене 28—30 июня 1955 г.: «Задачи и методы изучения СССР». Доклады и дискуссии (143 стр.), Мюнхен, 1955 г.
11. **То же** на английском языке: «The Aims and Methods of Research on the USSR». Proceedings of the Sixth Conference of the Institute, Munich, July 28—30, 1955 (56 pp.), Munich, 1955.

12. **Report on the Soviet Union in 1956.** Based on the Proceedings of the Seventh Institute Conference, New York, April 28—29, 1956 (218 pp.), New York, 1956.
13. **Материалы VIII Конференции Института,** состоявшейся в Мюнхене 23—24 июля 1956 г.: «XX съезд КПСС и советская действительность». Доклады и дискуссии (207 стр.), Мюнхен, 1956 г.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Серия 1-я (типографские издания)

1. **Проф. д-р П. Л. Ковальковский,** Финансы СССР во вторую мировую войну (46 стр.), 1951 г.
2. **Б. Микорский,** Разрушение культурно-исторических памятников в Киеве в 1934—1936 гг. (21 стр.), 1951 г.
3. **Д-р Григор Сааруни,** Борьба Армянской Церкви против большевизма (29 стр.), 1951 г.
4. **П. Галин,** Как производились переписи населения в СССР (50 стр.), 1951 г.
5. **Д-р Г. Шульц,** Санитарная и противоэпидемическая работа в СССР (47 стр.), 1951 г.
6. **Л. Ржевский,** Язык и тоталитаризм (64 стр.), 1951 г.
7. **В. Гречко,** Коммунистическое воспитание в СССР (56 стр.), 1951 г.
8. **Ф. Легостаев,** Физическое воспитание и спорт в СССР (54 стр.), 1952 г.
9. **Н. Семенов,** Советский суд и карательная политика (145 стр.), 1952 г.
10. **Ю. Валенский,** Академик Е. А. Косминский и вопросы интерпретации истории Средних веков в советской школе (110 стр.), 1954 г.
11. **Д. Каров,** Партизанское движение в СССР в 1941—1945 гг. (118 стр., 1 карта, 2 плана и 3 схемы), 1954 г.
12. **Проф. М. А. Миллер,** Археология в СССР (155 стр.), 1954 г.
13. **Список русских сокращений,** применяемых в СССР (304 стр.), 1954 г.
14. **А. Лебедь, Б. Яковлев,** Транспортное значение гидротехнических сооружений СССР (200 стр.), 1954 г.
15. **Проф. А. Архимович,** Селекция и семеноводство сахарной свеклы в СССР (169 стр.), 1954 г.
16. **Н. Федоровский,** Условия проезжаемости грунтовых дорог СССР (168 стр. с большим количеством схем, таблиц и фигур), 1954 г.
17. **Н. Ринк,** Советское международное частное право и внешнеторговые сделки (68 стр.), 1954 г.
18. **Н. Недасек,** Большевизм на путях к установлению контроля над Белоруссией (68 стр.), 1954 г.
19. **Проф. д-р А. Коцевалов,** Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании (69 стр., 11 рис.), 1955 г.
20. **А. Адамович,** Якуб Колас у супрацiве саветызацыi (62 стр.), 1955 г.
21. **Проф. д-р Н. Полонська-Василенко,** Українська Академія Наук (нарис історії), (148 стор.), 1955 г.
22. **Проф. А. Филипов,** Научный социализм и наука об обществе (154 стр.), 1953 г.
23. **Б. Яковлев,** Концентрационные лагери СССР (253 стр., 14 схем, 1 цветная карта), 1955 г.

24. **Р. Трахо,** Северный Кавказ как здравница СССР (68 стр., 2 схемы, 14 иллюстр.), 1955 г.
25. **Н. Недасек,** Большевизм в революционном движении Белоруссии (151 стр.), 1955 г.
26. **В. Артемьев,** Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД (221 стр., 8 схем), 1956 г.
27. **Проф. д-р В. В. Зеньковский,** О мнимом материализме русской науки и философии (71 стр.), 1956 г.
28. **И. Крилов,** Система освіти в Україні (1917—1930) (93 стор.), 1956 г.
29. **Г. Уратадзе,** Образование и утверждение Грузинской Демократической Республики (118 стр.), 1956 г.
30. **Проф. д-р А. Коцевалов,** Античное рабство и революции рабов в советской исторической литературе (59 стр.), 1956 г.
31. **О. Юрченко,** Природа і функція советських федеративних форм (127 стр.), 1956 г.
32. **Professor Dr. Alexander von Kultschytskyj,** Die marxistisch-sowjetische Konzeption des Menschen im Lichte der westlichen Psychologie (112 S.), 1956 г.
33. **Проф. П. Кованьковский,** Бюджет СССР (историко-критический обзор), (151 стр.), 1956 г.
34. **Федір Пігідо,** Україна під большевицькою оккупацією (140 стор.), 1956 г.
35. **С. Донской,** Советское изобразительное искусство (65 стр.), 1956 г.

Серия 2-я (ротаторные издания)

1. **В. Марченко,** Планирование научной работы в СССР (44 стр.), 1953 г.
2. **Н. Семенов,** Система советской юстиции (27 стр. текста и 12 схем), 1953 г.
   То же на английском языке: The Soviet Judicial System as Represented in Diagrams (23 pp.), 1953 г.
3. **К. Крылов,** Готовность тракторного парка к посевной кампании 1953 г. в Советском Союзе (12 стр. и 1 карта), 1953 г.
4. **Проф. А. Зайцов,** Динамика населения СССР на 1952 год (89 стр.), 1953 г.
5. **К. Крылов,** Ход весенних работ в СССР в 1953 году (22 стр. и 1 карта), 1953 г.
6. **Указатель периодических изданий** эмиграции из России и СССР за 1919—1952 гг. (165 стр.), 1953 г.
7. **К современному состоянию сельского хозяйства СССР,** — сборник статей (50 стр.), 1953 г.
8. **Внутренняя и внешняя политика СССР,** — из материалов совещания в Институте (48 стр.), 1953 г.
9. **Инж. К. Крылов,** Ход летних и осенних работ в СССР в 1953 году (39 стр. и 2 карты), 1954 г.
10. **М. Колосов,** Коммунистическая партия и Советская армия (52 стр.), 1954 г.
11. **Бруно Туш,** Преследование церкви в Польше (53 стр.), 1954 г.
12. **Указатель советской периодической печати** (151 стр.), 1954 г.
13. **А. Кармаков,** Реакция советского населения на пропаганду (61 стр.), 1954 г.

14. **Доц. А. Поплюйко,** Производство товаров широкого потребления в СССР (1951—1955) (63 стр.), 1954 г.
15. **Н. Семенов,** Государственное устройство и органы управления СССР и РСФСР (35 схем), (129 стр.), 1954 г.
16. **Проф. д-р П. Л. Кованьковский,** Финансы СССР после второй мировой войны (в сравнительном освещении) (77 стр.), 1954 г.
17. **Ю. Марин,** Проблема увеличения производства зерна и освоения целинных и залежных земель (34 стр.), 1954 г.
18. **Р. Реннинг,** Экономические взаимоотношения Эстонии и СССР до 1940 г. (55 стр.), 1954 г.
19. **Петр Уранов,** Роль Государственного банка в работе местной промышленности (70 стр.), 1954 г.
20. **Проф. д-р А. Архимович,** Зерновые культуры СССР (104 стр. и 1 карта), 1954 г.
21. **Его же,** Культура хлопчатника в СССР (107 стр.), 1954 г.
22. **В. Мерцалов, К. Крылов и Л. Дудин,** К исследованию проблем психологической войны (127 стр.), 1955 г.
23. **А. Гаев,** Цензура советской печати (49 стр.), 1955 г.
24. **Г. Сова,** До історії большевицької дійсности (106 стор.), 1955 г.
25. **Д-р В. Седуро,** Достоевсковедение в СССР (89 стр.), 1955 г.
26. **М. Ковалевський,** Опозиційні рухи в Україні і національна політика СССР (1920—1954) (83 стор.), 1955 г.
27. **Г. Калиновский,** Состояние молочной промышленности СССР в предвоенный и послевоенный период (108 стр.), 1955 г.
28. **С. Дяченко,** По вопросам организации колхозов в СССР (53 стр.), 1955 г.
29. **Іван Майстренко,** Кризові процеси в советській економіці (122 стор.), 1955 г.
30. **Проф. Н. Куликович,** Советская опера на службе партии и правительства (145 стр.), 1955 г.
31. **Проф. Б. Ширяев, Н. Кошеватый,** К проблемам интеллигенции в СССР (77 стр.), 1955 г.
32. **В. Скородумов,** Структура руководства советской школой (31 схема, 83 стр.), 1955 г.
33. **Ю. Мишалов,** О подготовке и условиях работы преподавателей советской школы (190 стр.), 1955 г.
34. **М. Волацiч,** Беларускае народнае ткацтва і яго зьнішчэньне бальшавікамі (212 б., 16 рис.), 1955 г.
35. **С. Нагай,** Водопостачаньня і каналізація в СССР (110 стор.), 1955 г.
36. **Проф. д-р В. Городецкий,** Сырьевая база сахарной промышленности СССР (54 стр.), 1955 г.
37. **К. Прошин,** Из практики изобретательства в СССР (86 стр.), 1956 г.
38. **Евг. Сербин,** Политические настроения Советской армии в послевоенный период (83 стр.), 1956 г.
39. **Панас Феденко,** Україна після смерти Сталіна (84 стор.), 1956 г.
40. **Проф. д-р А. Билимович,** Советская кооперация после второй мировой войны (124 стр.), 1956 г.
41. **Г. Ахминов,** Объективное сопротивление в СССР (100 стр.), 1956 г.
42. **С. Невский,** Профессионализм в советском спорте (53 стр.), 1956 г.

43. **И. и Н. Лазаревич,** Народное образование в СССР (начальная и средняя школа), (162 стр.), 1956 г.
44. **Миндия Лашаури,** История Грузии XIX—XX вв. в современной советской интерпретации (53 стр.), 1956 г.
45. **Прот. Д. В. Константинов,** Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР (74 стр.), 1956 г.
46. **Василь Гришко,** Панславізм у советській історіографії і політиці (125 стор.), 1956 г.
46. **В. Чапленко,** Большевицька мовна політика (74 стр.), 1956 г.
48. **Проф. д-р В. Ф. Тотомианц,** Из истории русской экономической мысли (47 стр.), 1956 г.
49. **К. Крылов, А. Казанцев, Л. Ржевский,** К исследованию проблем психологической войны (2-й сборник статей) (167 стр.), 1956 г.
50. **И. Костецкий,** Советская театральная политика и система Станиславского (107 стр.), 1956 г.
51. **Проф. Ян Станкевіч,** Савецкае хвальшаваньне гісторыі Беларусі (180 б.), 1956 г.
52. **С. Голубничий,** К вопросу о возникновении зерновых кризисов в СССР (120 стр.), 1956 г.
53. **Галина Карчинська,** Три або чотири закони діялектики (45 стор.), 1956 г.
54. **Проф. д-р И. Никодимов,** О политехническом образовании в СССР (85 стр.), 1957 г.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. **Пять лет Института** по изучению истории и культуры СССР (1950—1955) (40 стр.), 1955 г.

2. **То же** на немецком языке: Fünf Jahre des Instituts zur Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR (36 S.), 1955 г.

3. **Пятилетие Института** по изучению СССР (стенограммы речей и приветствий на юбилейном собрании), ротат. изд. (33 стр.), 1955 г.
